

СТОЛИЦА

№ 43(49)
1991 г. 1 руб. 30 коп.

Фирма
«Саттаров и К^о»

Учредитель Московской
Центральной Фондовой
Биржи, Российской
Товарно-Сырьевой
Биржи, Таллинской
Международной Биржи
Коммерческой
Информации и
Московской Товарной
Биржи

Предлагает организациям и частным лицам (постоянным и временным Клиентам Фирмы) свои услуги:

- Открывает лицевые счета Клиентам (для совершения сделок с товарами народного потребления, сырьем, ценными бумагами, зачислением дивидендов, получения денежных средств под ценные бумаги и т.д.);
- Хранит ценные бумаги Клиентов и по поручению Клиентов получает по ним дивиденды;
- Осуществляет от имени и по поручению Клиентов куплю—продажу ценных бумаг на МЦФБ, в фондовых отделах МТБ, РТСБ, ТМБКИ и на «электронной фондовой бирже»;
- Осуществляет от имени и по поручению Клиентов куплю—продажу оборудования, товаров народного потребления, сырья и т.д. на РТСБ, МТБ, ТМБКИ и на «электронной бирже»;
- Осуществляет акционирование предприятий и проводит консультации по этим вопросам;
- Осуществляет посреднические услуги по изготовлению бланков ценных бумаг, с шестикратной защитой;
- Проводит подписку и размещение новых выпусков ценных бумаг акционерных обществ среди своих Клиентов, частных лиц и организаций;
- Информировывает Клиентов о котировке ценных бумаг, зарегистрированных на МЦФБ и в фондовых отделах РТСБ, МТБ и ТМБКИ;
- Информировывает Клиентов о стоимости оборудования, товаров народного потребления, сырья и т.д., предлагаемых на МТБ, РТСБ и ТМБКИ.

МЫ ДЕЛАЕМ ВАШИ ДЕНЬГИ НАСТОЯЩИМИ ДЕНЬГАМИ!

Контактный ☎: 255—97—31

TEL/FAX: 255—97—29

MODEM: 253—88—69

R—Icom E—mail Sate Sattarov msk SU

Александр МИНКИН

БОЛЬШОЕ ОГРАБЛЕНИЕ

Когда у человека на счете пара миллиардов долларов, его не могут надолго посадить в тюрьму. Даже за попытку государственного переворота.

Про танки АНТа, про «140 миллиардов Фильшина» — знают все. Потому что эти сделки были сорваны. Потому что их срывали, устраивая всякий раз грандиозный скандал. Но когда сделка удаётся — шума не бывает. Бывает тихое веселье в узком кругу.

В Швейцарии я однажды в темном переулке услышал разговор двух людей. Лиц не видел, имен не знаю. Поэтому... все, что я сейчас расскажу, — будем считать, мне приснилось. Немножко страшно. Это впервые. Прежде я никогда не боялся. Критиковал Армию, КГБ, КПСС, Попова, Ельцина, Горбачева, министра Губенко, писателя Бондарева, мумию Ленина. Рафики Нишановы, Медведёвы и Кургиняны просто не в счет.

Хотя все названные организации и персоны, кроме, конечно, мумии Ленина, могли легко организовать убийство. Стоит недорого.

Но когда трогаешь не самолюбие, а деньги — это гораздо серьезнее.

Если речь идет о серьезных деньгах. В данном случае речь идет о сумме порядка 10—12 миллиардов долларов.

Всему миру известен скандал, который многие называли делом Фильшина. Несостоявшаяся попытка продать 140 миллиардов рублей за 7 миллиардов долларов.

Несостоявшаяся — неточное слово. Не состоялось — это когда кто-то расхотел, передумал или погода помешала. Нет, в данном случае заинтересованные стороны не отказывались от операции. Она была взорвана извне. Третьей силой. Говорят, операцию сорвал КГБ. Но это кажется убедительным только на первый взгляд.

Да, Комитет Государственной Безопасности — мощная организация — несколько сотен тысяч офицеров, миллионы стукачей. Но разве все они собрались в Шереметьево-2? Нет, там был всего один майор (или капитан), который и

задержал криминальные документы. Допустить, что операцию ценной в 7 миллиардов долларов может остановить один майор КГБ? Легче поверить, что Великую Отечественную выиграл Александр Матросов. 7 000 000 000 долларов — это такая сумма, которую никакому майору, никакому генералу не остановить. Кроме того, мы же понимаем, что КГБ не действует бесконтрольно. Госбезопасность тоже получает команды. Откуда в данном случае последовала команда — вот что по-настоящему интересно! Кто использовал КГБ для срыва сделки? Мне ответ неизвестен, а умные люди очень советуют и не доискиваться.

Замечу только, что поимка некоего договора о продаже 140 миллиардов и трезвон по этому поводу вовсе не характерны для нашей тайной полиции.

Как у всякой преступной группы, у КГБ есть свой почерк. Мы знаем, что они непрерывно подсматривают, подслушивают, перлюстрируют, но очень редко арестовывают. Зачем? Главное получать информацию. От арестанта много ли проку? Арестовывать — значит, сокращать свое же поле деятельности, а следовательно — и свой бюджет.

Если уж арестовывать, то с уликами, поражающими народное сознание: слитки золота, прикованные скелеты или — последний яркий пример — танки АНТа. Не документы — скучные и непонятные народу — были задержаны, нет! Танки! В последний миг!

И опять предлагалось поверить, будто вездесущий КГБ ничего не знал, а бдительный журналист из «Советской России»... Точь-в-точь медицинский работник Лидия Тимашук, разоблачившая врачей-вредителей, открывшая органам глаза на професуру.

Зачем ловить на таможене договор и поднимать страшный шум, не имея поражающих воображение вещдоков? Пропусти бумажку. Не горячись. Зато завтра!

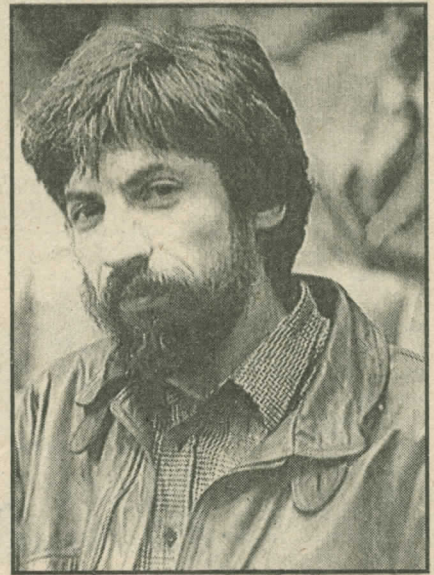

Фото В. Баженова

Ведь 140 миллиардов рублей — это вагоны.

Но оставим неудачную историю про 140 000 000 000. Перейдем, наконец, к удачной истории про 160 000 000 000. Она произошла до скандала имени Фильшина. 160 000 000 000 рублей были проданы по цене 15—16 рублей за доллар. Именно потому, что операция удалась (наполовину удалась, как вы скоро увидите), о ней не было ни слуху ни духу...

Обе сделки: 160 миллиардов и 140 миллиардов — это две части **одной** сделки.

Идея: продать 300 миллиардов рублей за 18—20 миллиардов долларов:

- 1) страна избавляется от «лишних» деревянных денег,
- 2) на доллары покупаются товары и продовольствие и
- 3) рынок резко и на довольно продолжительное время насыщается.

Что же происходит далее? Это просто. Денег стало мало, товаров стало много. Рубль мгновенно поднялся, укрепился, стал конвертируемым.

Выгода для нас — очевидная.

А что же с теми олухами, которые за доллары купят 300 миллиардов деревянных?

О, они отнюдь не олухи. Да, они купили 300 миллиардов фантиков, но именно вследствие этого фантики мгновенно подпрыгнули в цене. Раз этак в пять как минимум. И, значит, купленная рублевая масса объемом в 300 миллиардов потяжелела бы впятеро.

Два необходимых условия такой операции: полная абсолютная секретность и — **НАЛИЧНЫЕ**. Просочись информация — люди зажмут рубли в ожидании изменения курса. Нельзя оперировать и безналичными банковскими до-

Окончание на стр. 6

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Факс: 41.21—311.45.11
Тел.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 25.10.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков 1991 — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственной ассоциации предприятий, объединений и организаций полиграфической промышленности «АСПОЛ»
142300, г. Чехов Московской области. Зак.1747

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 3 «Это не просто конфликт, это бунт разума против безрассудства»
В.Адвадзе

ЖИЗНЬ

- 7 Мертвый сезон
Ж.Габенова

ВЛАСТЬ

- 12 Страна Совмина
Е.Колесникова

ПОДОПЛЕКА

- 14 Реквием золоту Союза
А.Портнов

ЗОНА

- 24 Пока разрешено свидание...
А.Ефимова

МНЕНИЕ

- 34 ...И еще несколько штрихов к политическому портрету Митрополита Питирима
М.Смирнов

АРТ-СЕЗОН

- 42 Игра в будущее
А.Соколянский

ОТТУДА

- 58 Югославская трагедия и Советский Союз
Д.Бензи

Над номером работали:

В.ЦЫБУЛЬСКИЙ
А.ПРУЖИНИНА
Р.КАТЕЕВА

Заведующий отделом
оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

Директор издательства
Борис РАБКИН

18 9-е управление КГБ СССР.
Служба охраны...
Я счастлив, что вышел живым
и невредимым из этой системы
(Иван ХИЖНЯК).

28 Сергей МИТРОФАНОВ
**ДЕЛО № 7407:
УБИТАЯ НЕВИНОВНА**

50 То, что долгое время было предметом полустыдливого полухихиканья либо интимно-ханжеского умолчания — именно феномен советского еврейства, — Аркадий ЛЬВОВ сделал Литературой.

Валериан Адвадзе родился в 1930 году. Доктор экономических наук, народный депутат СССР. Был одним из кандидатов при выборах президента Грузии.

Фото Э. Кудрявицкого

Валериан Адвадзе: «ЭТО НЕ ПРОСТО КОНФЛИКТ, ЭТО БУНТ РАЗУМА ПРОТИВ БЕЗРАССУДСТВА»

— Валериан Сергеевич, мы беседуем с вами в очень непростой момент. Напряжение в Грузии достигло предела. Борьба противоборствующих сил принимает совсем не цивилизованные, а подчас просто кровавые формы. Можете ли вы сказать, из-за чего в принципе разгорелся этот конфликт и какой вы видите из него выход?

— Если говорить принципиально, то это не просто конфликт, это бунт разума против безрассудства. Инициатором недовольства стала интеллигенция, когда она увидела, что существенно ущемлены права человека, а во всей нашей сегодняшней жизни доминирует лишь одно мнение — официальное. Оно насаждается повсюду и всеми средствами массовой информации

— и по радио, и по телевидению, и со страниц прессы... И это все на фоне резкого ухудшения экономического положения. Кроме того, что немало важно, во всем мире авторитет Грузии упал до нуля: ни одна страна не признала нашу независимость. То есть Грузия может потерять исторический шанс обретения собственной независимости: многие страны уже заявили, что до тех пор, пока у власти Звиад Гамсахурдиа и пока нарушаются в республике права человека, они не могут признать независимость Грузии... Поэтому, я считаю, самый честный и достойный для нашего президента вариант — это если он сам открыто скажет народу: «Я выполнил свою миссию, но хочу стать выше собственных амбиций и ухожу в отставку». Или что-то в этом роде. Но он обязан уйти.

— Какие же ошибки, на ваш взгляд, совершил президент Грузии?

— Ну, во-первых, все видят, что стала проходить эйфория победы над коммунистическим правлением, а реальных серьезных изменений в построении свободного общества так и нет. Эта пробуксовка стала очевидна не только для противников, но даже и для бывших ярких сторонников возглавляемого президентом политического блока «Круглый стол». Сейчас уже стал фактом раскол в этом блоке. Большая группа бывших коллег по блоку пошла против своего лидера, объединившись вокруг Важа Адамия, который недавно бросил президенту в лицо: «На моих плечах ты пришел к власти!» Адамия вместе со своими сторонниками-депутатами некото-

рое время держали оборону во дворе дома матери покойного Мераба Костава, вооруженные автоматами, пулеметами, танками, требуя немедленной отставки Гамсахурдиа. Еще один бывший сторонник лидера «Круглого стола», Тенгиз Китовани, ныне руководит частью национальной гвардии, которая тоже требует его отставки...

Во-вторых, массу ошибок совершил Звиад Гамсахурдиа и в подборе, и в расстановке кадров высшего эшелона власти, и в полном зажиме малейшей демократии, и в установлении жесткого контроля и даже запретов на деятельность средств массовой информации.

Но основной его ошибкой я считаю абсолютное игнорирование президентом оппозиции. Это губительный путь для любой власти, но он для себя избрал его сам... Во всех оппозиционерах он видит врагов, которых надо ликвидировать. Происходит настоящая дикость: он натравливает одну часть своего народа на другую! Он же прямо на митинге призывает: идите, разгромите наших врагов в лице оппозиции, уничтожайте их безжалостно! Представляете себе этот абсурд: президент (!?) призывает к уничтожению своего же народа! Большая часть которого, кстати, в свое время за него голосовала... Это страшно. Я сказал, выступая на огромном митинге в Тбилиси 20 сентября, что это сатанинский призыв.

— Ну, допустим, президент Гамсахурдиа уйдет. Что дальше? Надо выбирать нового президента?

— Нет, не надо.

— Как — не надо?

— Не надо, я убежден, Грузии никакого президента. Не готова еще республика к президентской форме правления. Форма правления, я считаю, должна быть более традиционной — Верховный Совет (естественно, нового состава), Президиум ВС, Председатель Президиума Верховного Совета. Вот и все. Для нормализации обстановки нынешний Верховный Совет, я считаю, должен создать переходное правительство национального согласия, чтобы обеспечить оперативное руководство народным хозяйством, а также для того, чтобы обеспечить стабильность для возможности выборов нового Верховного Совета и его органов. В правительство национального согласия должны войти представители всех действующих на территории Грузии политических партий.

— Но ведь, кажется, и нынешний состав Верховного Совета включает в себя представителей всех партий?

— Нет, во-первых, не всех. Многие оппозиционные силы бойкотировали прошлогодние выборы в Верховный Совет, чем, считаю, совершили грубую ошибку. А во-вторых, политическая ситуация в республике с тех пор сильно изменилась, а значит, ей уже не соответствует и раскладка сил в нынешнем парламенте. Кроме того, квалификационный потенциал сегодняшнего ВС Грузии очень низок. Дело в том, что когда выбирали депутатов в ВС от различных партий, то исходили в основном из политических критериев, а не из соображений компетентности и квалифицированности будущих парламентариев, которым предстоит выработать законы.

— Вы, значит, не согласны с тем, что призывает выбирать парламент по партийным спискам?

— Нет, я сторонник выборов по территориальному принципу. То есть, я считаю, надо избирать не представителей партий, а людей, способных к парламентской деятельности. Население должно избирать из многих кандидатов людей, представивших лучшие программы и способных эти программы претворить в реальность. А уж потом, в парламенте, они разберутся, кто какую партию представляет.

— И все же, Валериан Сергеевич, почему вы считаете, что Грузия сегодня не готова к президентской форме правления?

— Прошедшие в республике выборы показали, что политический уровень развития избирателей недостаточен для этого. Что слишком еще сильно в народе стремление иметь какого-то идола, которому можно поклоняться. Это очень опасно! Потому что когда создается идол, он уже априори считается этими людьми абсолютно безгрешным. А значит, такой безгрешный идол, пользуясь доверием народа, проголосовавшего за него, может позволить себе совершать любые поступки и, в частности, беспрепятственно нарушать права человека. То есть будет считать, что его мнение — единственно правильное, что только он обладает, так сказать, истиной в последней инстанции. Что мы, к сожалению, и наблюдаем сейчас в действиях Звиада Гамсахурдиа.

— Эта неготовность населения к

президентству — специфика только Грузии или, вы считаете, подобное характерно для всего бывшего Союза?

— Я думаю, это справедливо и для всей страны в целом. Понимаете... мы как-то... всегда ищем спасение в одном человеке. В лидере. Лидер, конечно, должен быть. Авторитетный, умный лидер. Но без коллегиальной системы, без советников, без, скажем, того же Президиума ВС, без самого этого ВС — один человек, пусть самый что ни на есть умный и дальновидный, всегда может ошибиться.

— Значит, нужен механизм противовеса президентской власти, которого нет?

— Да, к сожалению, такого противовеса нет. Например, Верховный Совет Грузии мог бы, наверное, стать этим противовесом, но, во-первых, заложена такая основа, что, если парламент чем-то не понравится президенту, он тут же может его... распустить!.. Таким образом, что у нас в республике получилось? Демократически избранный — на многопартийной основе — Верховный Совет выбрал президента с диктаторскими полномочиями, который может при желании распустить этот Верховный Совет?!

— Но, может быть, просто не того выбрали? Другой бы на его месте...

— Не-ет! Здесь я с вами не могу согласиться. В принципе механизм должен быть таким, чтобы черты характера конкретного человека (в данном случае — стремление к диктаторству) не влияли на ситуацию. В самом деле, кто же может сказать заранее, будет ли выбранный президент диктатором или не будет?

Я думаю, дело даже не в самом механизме (хотя он, безусловно, важен), но в общей демократизации общества, росте политического самосознания народа. И прежде всего должно быть право на свободу мысли, свободу информации! И как только произойдет хотя бы малейшее нарушение прав человека теми, кто обладает властью, это обстоятельство сразу же должно стать предметом публичного обсуждения всем народом, прессой, телевидением и так далее. Вот вам механизм.

Вот вроде у нас приняты хорошие законы... Например, недавно принят, по моему, прекрасный закон о пресе, очень демократичный. Закон этот официально вступил в силу 10

сентября этого года. Тем не менее не действует...

— Существует ли механизм выражения недоверия избранному президенту?

— Практически нет такого механизма. Президента, по закону, можно отстранить от должности только в случае доказанного факта измены Родине... Только! Если же он совершит любое нарушение или даже преступление — убьет человека, незаконно арестует его и так далее, — отстранить его нельзя. Таков закон у нас для президента, которого, как он сам считает, избрал «весь народ»...

— Но естественно, что он так считает: ведь за его избрание проголосовали, по-моему, около 87 процентов. Это солидно...

— Да, и он считает, что народ доверил ему все, полную власть, что он теперь может принимать решения единолично. Раз такое абсолютное — 87% — доверие народа. Хотя... многие в республике прекрасно знают истинную цену этим 87 процентам...

— Если эта цифра, на ваш взгляд, не отражает истинного отношения людей к нынешнему президенту, то какая же отражает? Известно ли вам, сколько граждан поддерживают Звиада Гамсахурдиа реально?

— Я точной цифры, конечно, не знаю. Но у нас во время выборной кампании были проведены расчеты на основе опросов населения. Оценка этих расчетов такая: во время президентских выборов он получил бы (при условии, что все прошло бы честно, законно, справедливо по отношению ко всем кандидатам) около 43 процентов голосов, а я — примерно 38 процентов. Это, подчеркиваю, в случае, если бы все кандидаты находились в равных условиях (а фактически-то вся пропагандистская кампания работала только на одного кандидата — Гамсахурдиа).

— Вы участвовали в качестве кандидата в президентских выборах. У вас, значит, имелась программа, которую вы собирались претворять в жизнь, верно? В том числе, вероятно, и экономическая?

— Разумеется, была. Я ее подробнейшим образом излагал всюду, где это было для меня возможно, в том числе и по телевидению. Принципиально она выражается в следующем. Главная цель — ускорен-

ный переход к рынку. Для этого надо принять закон о собственности, о частном предпринимательстве, о земле, о приватизации. И — практическое осуществление этих законов. То есть скорейший переход к рыночным отношениям, так как в этом я вижу единственное спасение для нас, как и для бывшего Союза в целом.

— Закон о земле в республике, кажется, принят?

— Да, принят, но... не работает. Ничего не делается для того, чтобы его выполнять на практике. Президент всячески препятствует внедрению частной собственности.

— Почему?

— По очень простой причине: ведь человек-собственник — это свободный человек! А нынешний наш президент ни в коем случае не хочет иметь свободных людей в качестве, так сказать, своих подданных. Ему нужны рабы, которые будут его боготворить, ему поклоняться, слепо выполнять любые его указания, целовать ему руки и ноги, преданно заглядывать в глаза, которые будут считать себя зависимыми лично от него, то есть от того, что он им соизволит дать... Ведь у свободного-то человека совсем другая психология: он знает свое дело, делает его, производит продукцию, потом продает ее, рассчитывает свою выгоду и т.д. Ему, грубо говоря, наплевать на то, что будет президентом, ему это абсолютно все равно. А для Гамсахурдиа не все равно, каким будет население: подчиненным ему или свободомыслящим...

— Судя по всему, земельная реформа если и проводится, то весьма слабо, землю крестьяне не получили, сдвиг в своей крестьянской жизни особых не видят, но... Почему же опорой президента остается крестьянство?

— Фанатизм еще, к сожалению, существует. И хотя с течением времени отрезвление народа постепенно происходит, все еще какая-то вера у определенной части населения в то, что Гамсахурдиа ведет народ к независимости, остается. И что ему, дескать, надо в этом деле помочь, а значит, кое-что простить, на что-то закрыть глаза: «Дайте ему работать! Он ведет нас к независимости!». И такие еще есть разговоры: «Ну, что ж поделаешь, независимость и демократия одновременно невозможны. Нам надо некоторое время перетерпеть это ущемление прав человека, не до этого нам сейчас.

То, что какое-то время у нас не будет возможности выступать открыто со своим мнением, — ну что ж... Мы же находимся в состоянии войны: Кремль воюет против нас, строит постоянные козни, Абхазия и Осетия взбунтовались и т.д.»... Дескать, разве сейчас время рассуждать о демократии, когда у нас ведется война?.. И в подтверждение этих мыслей специально создается конфронтация в народе. Блокада какой-либо объективной информации. А тем более — на селе.

— На какие же экономические рычаги, по-вашему, рассчитывает президент Гамсахурдиа в сегодняшней острой ситуации?

— Ни на какие. Экономике он не знает, советников толковых не слушает. В апреле он объявил самоблокаду республики, что привело только за один месяц к ущербу в размере более 400 миллионов рублей! А бывший премьер Сигуа говорит, что если учесть и косвенный ущерб для экономики, то он выльется в миллиард рублей... А сейчас, когда мы сами себя загнали в угол, президент уже вынужден делать какие-то шаги навстречу общесоюзным усилиям по выходу из кризиса: это и присутствие представителя правительства Грузии на совещании в Алма-Ате, и создание комиссии по сотрудничеству с республиками в сфере экономики и так далее.

— И последнее, Валерий Сергеевич: каков ваш прогноз на ближайшее будущее республики?

— Прогнозы — дело неблагоприятное. Тем более — мрачные... Я думаю, логика событий подсказывает, что нынешний президент должен уйти. Или его «уйдут» в конце концов. И будут проведены выборы нового ВС, о чем я уже говорил. А в области экономики... Я считаю, что должны быть в срочном порядке налажены нормальные взаимовыгодные экономические отношения Грузии со всеми республиками, со всеми странами. Я сторонник единого экономического пространства, в котором Грузия должна занять свое достойное место. Я об этом, если помните, сказал и на внеочередном Съезде народных депутатов СССР 3 сентября: только совместными усилиями мы сможем выбраться из экономического кризиса. И уж, конечно, полный абсурд — сооружение между республиками всяческих барьеров.

Григорий КРОШИН,
Давид МДИВАНИ

Начало на стр. 1

ТРИ МИНИ-ИНТЕРВЬЮ У БАРРИКАД И В СТОРОНЕ ОТ НИХ

кументами — сделка будет зафиксирована — информация утечет. Нужны были настоящие, не фальшивые, но и нигде не зафиксированные рубли. Не гулявшие в обороте, не наследившие, чье исчезновение скрыть невозможно. Такие — чистые — деньги были напечатаны и сконцентрированы в сумме 160 миллиардов рублей.

Рассуждая теоретически, такое способны организовать только премьер-министр (тогда Рыжков) и министр финансов (тогда Павлов). Можно ли скрыть такую операцию от президента? Не мне судить.

В день «Х» военные самолеты начали переброску мешков с деньгами в Швейцарию. С другой стороны, таинственная сила, используя посредников и подставных лиц (в частности, кажется, южно-африканскую фирму), привезла в Швейцарию 10—12 миллиардов долларов.

Сделка состоялась. Но это была лишь половина (53%) всей операции. Кто взорвал ее на полдороге? Зачем? Почему? Ответа у меня нет, но есть метод: ищи, кому выгодно.

Западный покупатель — накололся. Повышение рубля не состоялось. Купленные 160 миллиардов остались деревянными.

Остались? Как бы не так. Дерево — горит. Чтобы уничтожить все следы сделки, нужно было уничтожить проданные 160 миллиардов рублей. А как, если они уже в Швейцарии? Очень просто — объявить их фальшивыми.

Говорят (подчеркиваю: «говорят» — и не спрашивайте кто), будто в Англии была спешно организована фабрика по изготовлению фальшивых рублей. Ими наводнили Европу. А потом...

А потом вчерашний министр финансов в одночасье стал премьер-министром и объявил о мафии, которая скопила миллиарды в швейцарских банках для подкупа нашей экономики, о том, что чуть ли не все эти миллиарды — фальшивые, и — о замене 50- и 100-рублевых купюр.

Так, купленные западным партнером 160 миллиардов рублей обратились в макулатуру. В пепел. А вот заплаченные за рубли 10 миллиардов долларов уже спокойно лежали на чьих-то счетах. Миллиарды долларов не пошли на волнующее улучшение жизни 300 миллионов советских людей. Миллиарды долларов легли грандиозным гарантом чьей-то будущей жизни, свободы и благополучия.

Согласитесь, если у человека на счете есть пара миллиардов долларов, его не могут надолго посадить в тюрьму.

Даже за попытку государственного переворота.

Сегодня в Тбилиси нет баррикад. Но люди стоят по их разные стороны, и, по-видимому, еще долго в их душах сохранится разделительная черта.

Этери У. — Я «звездистка», и никто не сможет переубедить меня в правильности политики нашего президента Звиада Гамсахурдиа, за которого проголосовали грузины, русские и другие люди, проживающие в нашей республике. Посуди сам, как же он может ошибаться, когда с шестнадцати лет борется за независимость Грузии? Как он может сделать народу плохо, когда ради будущего своего народа, защищая права человека, он столько лет отсидел в тюрьмах? Не надо поддаваться на провокации и выдумки коммунистов и агентов Москвы, которых, к сожалению, много в Грузии. Мы столько видели плохого, что сейчас нужно объединиться вокруг Звиада, помочь ему, а не отвлекать митингами от серьезных государственных дел, ведь это все на руку империи, на руку врагам Грузии. Обидно и горько, но и среди грузин нашлись бандиты. Звиад правильно назвал их так. Только бандиты могут устраивать баррикады и требовать отставки такого президента. Слава Богу, что их маленькая кучка. Мы не дадим им возможности устраивать в Грузии военный переворот, я счастлива, что у нас есть такой президент, как Звиад Гамсахурдиа, и каждый день молюсь за него. Прошу Бога, чтобы дал он ему сил для борьбы, для достижения свободы. И ты молись за президента.

Важа К. — Два года назад я верил, что в Грузии будет построено демократическое общество. Но с приходом к власти Гамсахурдиа воцарился диктат, повторяются все методы и формы коммунистического тоталитаризма. Только не большевиками, а слепыми звездистами и сторонниками «круглого стола». Бывший правозащитник стал первым нарушителем прав человека. Может быть, сегодня мы пока в меньшинстве, но совесть моя чиста. О возможном страшном диктате и тирании я говорил тогда, когда за инакомыслие нам вешали ярлык врага народа. Пусть так, но только время докажет, что это ложь, которой пропитаны

одиннадцать месяцев правления Гамсахурдиа. Митинги в Тбилиси показали и доказали, что народ жестоко обманут. Я не исключаю, что, возможно, и мы в чем-то неправы, но готовы выслушать иное мнение, с уважением отнесемся к нему и не станем оскорблять оппонентов различными ярлыками.

А о том, что мы на правильном пути, говорит хотя бы тот факт, что даже недавние «круглые» стали, наконец, разбираться в происхождении и выходе из партии Гамсахурдиа.

Темури Г. — В период президентских выборов я агитировал своих друзей отдать голос за Гамсахурдиа. Откровенно говоря, пожалуй, он один из числа претендентов оставлял впечатление сильного, знающего политика. К тому же для меня он был не просто кандидатом в президенты, а неким символом борьбы за независимость. Символом, который ассоциируется с победой над коммунистическим тоталитаризмом. К сожалению, сегодня убеждаюсь, что в своем выборе я ошибся. И, по-видимому, пока ничего другого не остается, как, набравшись терпения, дожидаться очередной предвыборной кампании. Надеюсь, к тому времени в республике появятся новые политики, появятся культура и школа политической борьбы, за время до очередных выборов политически сформируются лидеры ныне действующих и существующих политических партий, организаций, союзов и т.д., которые и будут вести борьбу за президентский пост. Это очень важно, так как в программу каждой партии внесены идеи о построении демократического общества, признании государственной независимости Грузии зарубежными странами. Но, как выясняется, не все лидеры этих партий способны созидать и правильно выбирать методы и формы для достижения обещанных народу перспектив.

Давид МДИВАНИ

Когда кто-нибудь едет отдыхать в Батуми, сослуживцы по привычке все еще завидуют такому и грустно подсчитывают финансы, а также дни до собственного очередного отпуска. Зависть эта светла и понятна. Если же человек живет в Батуми, другие, обитающие вдалеке от моря и пальм, тоже завидуют ему. Эта зависть недобрая и, кстати, напрасная. Потому что далеко не все батумцы обладают толстыми кошельками, машинами и собственными домами, как думают многие. Не у всех даже квартиры. Это город крайностей. И когда еще в недавнем прошлом, скажем, в Москве нищих было днем с огнем не сыскать, в сытом-пьяном Батуми о

них спотыкались в каждом людном месте.

К тому же принято считать, что лето здесь круглый год, и цветет что-то вечнозеленое, и не прекращаются застоля, и, как написал аджарский поэт Фридон Халваши, «на каждом шагу бьют прозрачные ключи. А речушки, стремительные, студеные, изобилуют форелью».

Увы, лето все же кончается. Не плещут фонтаны, на море каждый день шторм. Приходит сезон субтропических, но очень холодных дождей, которые, превращаясь на земле в потоки, несут по улицам города тушки (нет, скорее туши) подвальных крыс и размокший мусор.

Потом почти каждый год случает

ся грандиозный снегопад, и все время оказывается, что город к нему не готов: отключается электричество, не привозят баллоны с газом, предприятия стоят (однако рестораны работают), метровый снег на улицах расчищают танками, лихо сминая при этом покрытые сугробами машины.

Печки и «керосинки» у местных жителей всегда под рукой — так же, как тазы, ведра и банки с водой, которая в этой самой влажной точке бывшего Советского Союза течет из водопроводного крана с коварным непостоянством — чаще всего глубокой ночью. Сырая батумская зима по-своему сурова, поскольку централизованно квартиры почти не то-

Жанна ГАБЕНОВА

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

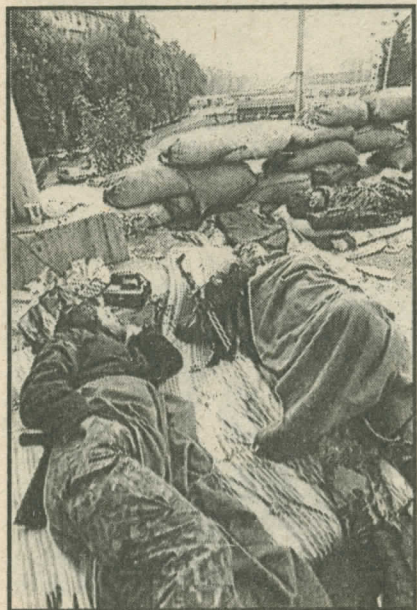
Пока в столицах бушуют,
в провинции живут. Как-то.

пят. Люди греются у керосиновых печек и рефлекторов, а ложась спать, стараются побольше на себя надеть.

Но и летом, роскошным субтропическим летом, праздник, который, по идее, должен всегда быть с гостями и жителями Батуми, весьма портят дикая грязь и мусорные кучи на улицах, голодные беглые коровы, которые роются в этих самых кучах и объедают клумбы, загаженное море, которое по составу не отличается от сточных вод и покрыто красивой нефтяной пленкой. Рыба отсюда

«эмигрировала» к турецкому берегу.

Все эти муки в Батуми мужественно терпели, пеняя на систему, бюрократизм и коммунистов. Но вот рухнули проклятые окопы Советов, социалистическая Грузия, отринув опеку Большого Брата, стала называть себя свободной Республикой Грузия. А что может быть прекраснее свободы!

В Батуми вам могут долго перечислять, что может быть прекраснее. Впрочем, и в беспокойном Тбилиси, и во всей свободной Грузии — тоже скажут, что может быть прекраснее свободы в том виде, в каком она сейчас есть.

Вернемся, впрочем, в Батуми, в грузинскую провинцию, где во время любых катаклизмов было относительно тихо, где прекрасно уживались многочисленные национальности и где теперь все шире распространяется принцип «Грузия — для грузин». Для грузинской провинции бытие всегда стояло прежде сознания и несколько выше, чем для мятежного Тбилиси.

С бытием в Батуми сейчас неважно. В магазинах нет ничего, и это вселяет уныние и даже отчаяние в батумские сердца. Нет полумасла-полумаргарина по талонам за 25 рублей, нет якобы-мяса по семнадцать рублей (цены в Грузии действительно свободные), молочных продуктов нет в принципе. «Вай, базар совсем с ума сошел!» — констатируют хозяйки, имея в виду цены на рынке.

Однако кто имел деньги, достаточные, чтобы питаться вкусно и разнообразно, имеет все это и сейчас. Почти каждый батумец (и в первую очередь состоятельный батумец) успел побывать в соседней Турции. До Турции несколько километров, но дорога туда длинна: изнурительное оформление документов, неделя сидения в машине в очереди к таможне, затем надо заплатить десять долларов на одной стороне границы, десять — на другой, здесь же бойко поторговать — и несколько дней беспечного существования обеспечены.

Вся батумская жизнь проходит под эгидой Турции. Обязательный этап любого «кофейного» разговора — обсуждение того, что повезли за границу уехавшие и что привезли приехавшие. По вечерам все смотрят турецкое телевидение. Не побывать в Турции считается не *compte il faut*. Бесчисленные батумские «комки» завалены турецкими ве-

щами. Кстати, то небольшое, что появляется в продуктовых магазинах, тоже из такой близкой заграницы. А заказы для ветеранов состоят из турецких макарон, турецкого печенья, турецкого оливкового масла и турецкого маргарина. Цены дикие, но гастрономические радости этим уже не омрачаются. Хорошо иметь Богатого Соседа, жаль, что не он Большой Брат!

Политические метаморфозы, связанные с суверенитетом, коснулись, как водится, в первую очередь названия улиц (но отнюдь не их состояния: все та же грязь, все те же ухабы и кромешная темнота). Пошло повальное переименование. Названия улицам давались совершенно новые, звучные и многословные. Сначала возникла небольшая паника и неразбериха, но потом все успокоилось и избрали простейший путь: между собой называть улицы по-старому, тем более, что на некоторых домах, к счастью для приезжих, сохранились старые таблички. Идешь, к примеру, по улице Царя Парнаваза и — о сюрприз! — читаешь на забытой табличке, что это, оказывается, улица Тельмана — та самая, которую требовалось отыскать. Пионерский парк, озеро которого бороздят лебедь без имени и пеликан Вася и чьи кусты во все времена были местом сомнительных забав местной шпаны, называли Парком учащейся молодежи.

Долго не решались посягнуть на проспект Сталина. Боже! Это был единственный в стране (и скорее всего — в мире) проспект Сталина, самый красивый в городе. Проспект Сталина был непроезжим. Здесь стоял Центральный телеграф, телерадиокомитет, русская и грузинская редакции газеты «Аджария» (в прошлом — «Советская Аджария») и резиденция турецкого консула. Здесь трогательно назначались встречи и свидания. Год назад он стал безликим проспектом Свободы. В городе был музей Сталина, место паломничества многочисленных туристов — несмотря на то, что музей был достаточно убогим. Его закрыли на ремонт и не открыли.

Кстати, о туристах. Трудно представить, каким образом Батуми и второй аджарский город Кобулетти будут существовать в основном на доходы от туризма (так задумывалось!), ежели дома отдыха теперь — в первую очередь для жителей республики. Ну — и немного для орга-

низаций, которые строили эти дома, в частности для вездесущих Минуралсибстроя и Минюгстроя. В результате организованных отдыхающих приезжает мало. Первого июля прошлого года их было 33 тысячи, а первого июля этого года — 22 тысячи, причем в большинстве своем жителей Грузии. Вообще же в Батуми-Сухуми сейчас ехать побаиваются. Вот так, распугали всех. Эх, как писал Фазиль Искандер, время, в котором стоим!

Если простые батумские жители, обремененные свободой, чувствуют ее каждый день (чем свободнее — тем голоднее), то власти имеют на этот счет мнение прямо противоположное. Власти обещают, что через полгода, когда Грузия достигнет полного суверенитета, она станет одной из самых развитых стран мира. Домохозяйки верят.

Но многие почему-то не хотят потерпеть полгода, чтобы потом жить припеваючи и пользоваться всеми благами цивилизации, а, напротив, стремятся оказаться где-нибудь подальше от этого свободного края. Уезжают люди, которые прожили здесь всю жизнь. Греки семьями едут в Грецию, евреи — в Израиль (ну, это понятно), русские наводят справки насчет работы и жилья у российских родственников, и все народности, как один, стремятся в сытый Краснодарский край и на Украину. Уж больно тревожно стало в Грузии.

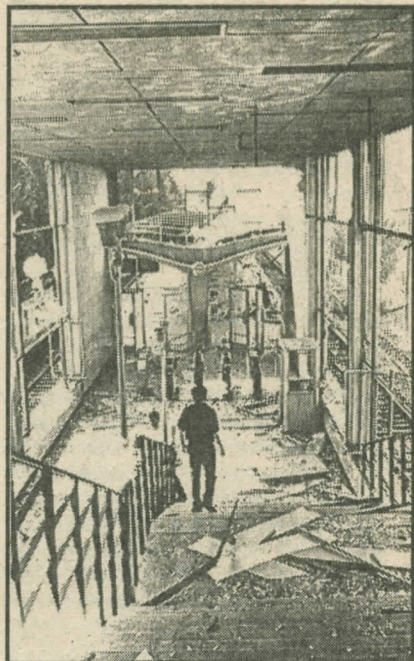
Если в Тбилиси — перестрелки и жертвы, то в Батуми действительно просто тревожно. Недавно все ждали, чем дело закончится в центре. Политическая активность батумцев проявлялась в Тбилиси, куда направлялись делегации: санкционированно от организаций — в защиту Президента, по собственной инициативе — на сторону оппозиции. А еще раньше в Батуми регулярно случались митинги. Теперь их нет: «В Батуми все спокойно». Политические проблемы обсуждаются в тесном кругу, однако делается это вполголоса, что, сами понимаете, крайне неестественно для темпераментных батумских жителей.

А тем временем намечаются крупные праздники по случаю юбилеев отца Президента, писателя Константина Гамсахурдиа, и дедушки Председателя Верховного Совета Аджарской Автономной Республики Аслана Абашидзе, — двух

самых упоминаемых (с чего бы это?!) ныне классиков. Будет что-то, ну, очень литературно-патриотическое...

Самое интересное, что, несмотря на воспевание свободы, в республике сохранилась социалистическая структура, пресловутый «демократический централизм», при котором все и каждый держатся в кулаке. Грузия становится независимой, и это прекрасно, и дай Бог, но где же она, свобода? Свобода для каждого человека. Большинство прежних «шишек» никуда не делись, не отправились на пенсию, не нашли себе тихую контору. Они сменили названия должностей и занимаются милым их сердцу руководством. Как и прежде, здесь культивируется трепет перед Начальником, который — Бог и царь, его слово и мнение — закон, от его отеческого взора не должна укрыться ни одна мелочь. В грузинской провинции отношения «начальники — подчиненные» возведены в абсолют, они никогда не изменятся. Соответственно вряд ли здесь когда-нибудь восторжествует свобода слова и печати: на каждого начальника есть более высокий начальник, и публично мыслить вопреки его мнению никто себе не позволит. Поэтому местное радио с телевидением повторяют газету, а газета — «официальную линию». Тоска! О том, что, собственно, происходило в Тбилиси во время затянувшихся разборок Гамсахурдиа с оппозицией, все узнавали из ТСН. Ну и от очевидцев.

Что же дальше? А что дальше — лучше, чем кто-либо, знают те, кто всерьез собирается покинуть этот

гостеприимный, безумно красивый, но, к несчастью своему, «свободный» край. У провинциалов хорошо срабатывает присущее маленькому человеку чувство опасности.

Когда я улетала из Батуми, знакомые насовали в мои карманы письма: опустить в ящик подальше за пределами свободной Грузии.

У меня было чувство, что я уезжаю навсегда.

На снимках: Республика Грузия, сентябрь — октябрь 1991 года

БЕРЕГИТЕ ПАРТБИЛЕТЫ

Известно, что часть собственности КПСС составляют членские взносы миллионов рядовых членов КПСС, граждан нашей страны.

Кто они, эти рядовые члены, каковы мотивы добровольного вложения своих кровных рублей и копеек, заработанных честным трудом? Вне сомнения, не для финансирования преступной деятельности группы ЦК КПСС по подготовке ГКЧП годами регулярно и аккуратно платили взносы коммунисты. Многие искренне верили в светлое будущее, читая «Правду», «Советскую Россию», слушая радио и внимая телевидению.

Теперь выясняется, что их надули дважды. Ни будущего, ни взносов! К радости победы над тоталитаризмом примешивается знакомое уже чувство несправедливости.

В печати не без основания мелькают сообщения о том, что на счетах многих коммерческих банков лежат деньги КПСС. Несомненно, эти факты нуждаются в скрупулезной проверке, но не бывает дыма без огня. Просто так управделами КПСС из окон не прыгают — жизнь на этом свете даже в «совке» стоит смерти, как пел В.Цой. Так вот, часть этих работающих, приносящих прибыль нуворишам социалистического выбора денег — это обычные прозаические партвзносы инженеров, рабочих, учителей, колхозников. В сумме это сотни миллиардов рублей, и в том числе инвалидов (для работающих за границей взносы брали инв. рублями).

Как же можно умиротворить рядовых коммунистов, как цивилизованным путем, в традициях истинной демократии, уже сейчас показать не только партийцам, а всем нам, что новая власть пусть и бедна, но справедлива? Предлагаю следующее.

Необходимо определить, какую часть финансов, вложенных в коммерческие банки, СП, малые предприятия, полиграфи-

ческие мощности и т.п., составляют взносы коммунистов. Далее всем юридическим лицам, использующим деньги коммунистов, необходимо выпустить и продать владельцам партбилетов акции, по стоимости пропорциональные сумме уплаченных (указано в партбилете) взносов.

Москва **Юрий Владимиров,**

СТОЛИЦА, ОПОМНИСЬ!

Честно говоря, трудно понять, что творится в Москве в наше смутное время. Одной рукой руководство столицы возвращает москвичам старые названия улиц и переулков, а другой насаждаёт такую иностранную тарбарщину, которую даже выговаривать трудно: префект, муниципалитет, мэрия, консенсус и т.д., не говоря уже о наименовании всевозможных фирм и кооперативов: Фенон, Асто, Кронверк, Эпос, Призброк, Агора, Цэтэкс, Совимпэкс, Лесинвест, Волтек, Диамекс плюс, Ритмэкс, Машедо, Протек-Пресня, ТМК-Брок и тому подобные. Идет явное вытеснение русского языка из русской столицы. Неужели нельзя обойтись без абракадабры, унижающей россиян?

Были на Руси губернии и, следовательно, губернаторы, были кварталы и квартальные, участки и участковые. Все ладом, все вроде по-русски. Неужто не найдется в русском языке что-то равнозначное префектам, муниципалитетам и т.д.?

Александр Кишкин,
ветеран войны и труда

ГРАЖДАНСКИЕ ИЗГОИ В ВОЕННОМ ГОРОДКЕ

Мы, жители военного городка г. Серпухов-15 Московской области являемся служащими Советской Армии в коммунальной системе городка. В котельной,

очистных сооружениях, водоканализационной службе трудится гражданское население. Заработок наш складывается из месячных окладов и премии раз в четыре месяца. В 1988 году оклады не пересматривались и не поднимались, несмотря на павловский «пересмотр и подъем» в прейскурантах. Наши месячные оклады в зависимости от должности составляют от 120 до 170 рублей плюс, конечно, «компенсация».

Вот и ломаем головы, как бы выжить на такую зарплату при нынешних ценах, учитывая тот факт, что наш военторг взимает за любую покупку к «президентским» пяти процентам еще двадцать процентов невесть какого начальника налог.

Вышестоящая организация — КЭЧ 198 г. Ногинск-9 Московской области данных о повышении должностных окладов служащих СА не имеет. Военнослужащим оклады заметно поднимает Министерство обороны, гражданскому населению — их предприятия, а про нас, гражданских служащих СА, почему-то все забывают.

Получается, мы действительно бесправные наложники неких неведомых начальников Министерства обороны. Причем точно не знаем, какого именно — Российского, на чьей территории числимся, или Союзного, которому подчинены...

34 подписи

СДЕЛАЕМ ПРИВИВКИ БЕЗОПАСНЫМИ

Я очень рад появлению статьи Александра Минкина «Упорный пронзительный крик». Быть может, эта публикация поможет сдвинуть дело с мертвой точки.

В настоящее время мы (группа моих коллег-единомышленников и я) пытаемся воплотить в жизнь идею создания в Москве «Прививочного центра». По нашим представлениям, этот центр должен состоять из: 1) небольшого стационара, 2) амбулатории

(поликлиники), 3) иммунологической лаборатории и 4) специализированного курса иммунологии для врачей-педиатров. Эта идея не есть просто маниловские мечтания, так как основные компоненты системы реально существуют. Есть стационар, лаборатория, существует и работает Курс иммунологии для практических врачей, есть квалифицированные специалисты, которые готовы работать. Осталось лишь связать эти звенья воедино и найти источники финансирования (в этом направлении тоже кое-что сделано). Центр не может быть хозрасчетным прежде всего потому, что значительную часть контингента должны составить дети из домов ребенка, домов инвалидов и детских домов. Многие из них имеют противопоказания к проведению прививок. В то же время, учитывая постоянное пребывание этих детей внутри коллектива, опасность инфекции для них существенно выше, чем для обычных детей.

Мы полагаем, что планируемый Центр мог бы обследовать таких детей и прививать их по индивидуальному графику хорошими вакцинами (импортными или хотя бы специально отобранными сериями отечественных). Дети с серьезными отклонениями в иммунном статусе могли бы находиться под постоянным диспансерным наблюдением врача-иммунолога. Все это, по нашим представлениям, должно не только снизить число тяжелых непосредственных осложнений, но и предотвратить отдаленные последствия вакцинации в виде развития аутоиммунной патологии.

Если это дело способно вызвать у кого бы то ни было интерес, мы будем рады сотрудничеству.

Искренне Ваш,

А.Л.Пухальский

ДА ОСТАВЬТЕ ВЫ МАВЗОЛЕЙ!

Я думаю, что разрушать мавзолеей было бы очередным ван-

дализмом нашей глупой демократии. Мавзолеей следует оставить в качестве музея Ленина с экспозицией документов, характеризующих подлинное лицо вождя революции, его истинные цели захвата власти и мечты построения тоталитарного режима и мирового кровавого революционного пожара.

**С уважением,
пенсионер, участник ВОВ и
обороны Москвы
Балакирев В.В.**

ДАЕШЬ КОМИКСЫ ПРО ИЛЬИЧА!

Прочитал два номера вашего журнала. Сложный для деревни, но нужный. Советую вам заняться выпуском лубочных фотокомиксов про вождей, особенно про Ильича, отдельно, массово.

Лучше всего сделать несколько пробных выпусков и распространить их по одному-двум районам страны. А то комиксы сплошь про Микки Маусов. Пора и национальное что-нибудь придумать.

В.Успенский

Рязанская обл., с. Кипчаково

ГОЛУБЫМ — НЕТ! ЛЕСБИЯНКАМ — ДА!

Автор письма хочет выразить вам признательность за опубликование моей статьи «Был порядок!». Это хорошо — теперь читатели всей страны узнают, что в Москве проживает Ю.Сендюков!

В том же номере прочитал сообщение о так называемых «сексуальных меньшинствах».

Автор письма очень удивлен безразличием к этим сборщикам со стороны местных властей. Куда мы идем? Разве для этого мы строили тяжелую промышленность в годы первых пятилеток, возводили ДнепрогЭС и Магнитку, проливали кровь и терпели трудности? Разве для этого мы осваивали целинные земли?

Лесбиянок я еще могу понять. Может быть, к женщине не подо-

шел мужчина, чтобы познакомиться? Не навязываться же ей самой? Вот и приходится...

Ю.Сендюков

Москва

А ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА ВАС — НЕ БУДУ

Я покупаю все номера «Столицы», стараюсь в первый же день выхода в свет, хотя и здесь он безнадежно опаздывает. У меня есть все номера вашего еженедельника, но подписываться не буду потому, что если у меня сейчас последний номер двадцать девятый (тридцатого еще не видела в продаже), то все мои друзья-подписчики получили только №№ 27 и 28.

Информация безнадежно опаздывает, и это очень обидно. Ну что можно придумать, чтобы получать еженедельник вовремя?

Тогда количество подписчиков значительно увеличится и в их числе непременно буду я.

**С уважением,
Ирина Барановская**

ПРЕМИЯ ГОДА!

Уважаемая редакция!

Дайте премию года Григорию Крошину за «Депутата Сухова», а художникам В. и М. Ивановым за «трех веселых друзей». Тем более, что все четверо многочисленными и многосторонними связями объединены между собой.

**С уважением, постоянная
читательница «Столицы»
Беркович Татьяна Львовна**

Елена КОЛЕСНИКОВА

Страна Совмина

*«Волшебная страна...
и каждый житель в ней обманщик»*

Ровно в восемь начнется прием в спецполиклинике. Зашумит вода в фонтанчиках, ласковыми голосами будут разговаривать с пациентами врачи. Кто-то на белоснежных простынях примет сеанс иглоукальвания, кому-то пропишут гидромассаж...

В одиннадцать откроется спецателье. Заказчики начнут придирчиво осматривать ткани, примерять меховые шапки, щупать кожу, выбирая модель приглянувшихся сапожек...

В шесть вечера аппаратчики выстроятся в очередь за продовольственным заказом. Если сравнить с прежними годами, то ассортимент скудноватый. Но сегодня получить раз в неделю курицу, мясо, яйца, сосиски, ветчину, кое-какие дефицитные консервы совсем не плохо...

В пятницу после работы автобусы отвезут чиновников вместе с семьями в загородный пансионат. А в понедельник — опять на службу.

Это лишь некоторые социальные блага из набора, причитающегося современному аппаратчику. Обратите внимание — причитаются сегодня. Я умышленно не уточняю, о каком аппарате идет речь. Чиновничьи структуры, обслуживающие высшую государственную власть, похожи друг на друга как муравейники. Нет смысла уточнять, написано тут про чиновников из аппарата Верховного Совета СССР или из президентского, кто трудится на благо Межреспубликанского экономического комитета, а кто — на пользу российского Совмина. Если малосведущему в аппаратных играх человеку кажется, что бюрократ из российских структур демократичнее союзного, он, увы, заблуждается. В основе взаимоотношений любого аппарата — президентов СССР и РСФСР, МЭКа или Совмина России, Верховного Совета СССР или РСФСР — лежит один и тот же принцип — поощ-

рять и властью. Или, проще говоря, принцип распределения привилегий. Отмени завтра эти блага, и любой аппарат рухнет, словно мост, у которого подмыло опоры. Но пока привилегии существуют, аппарат работает в привычном ритме. Власти не будет, нас вместе с ней впридачу, а аппарат будет выпускать постановления, проводить совещания, готовить проекты законов... Как любая замкнутая сама на себя система.

Французская поговорка гласит: монаха делает одежда. Про советского аппаратчика можно сказать, что его делают привилегии. Сами по себе они ни плохи, ни хороши, важно, как и для чего они используются. За рубежом — для того, чтобы подтянуть жизненный уровень государственного служащего до уровня доходов среднего класса. У нас они лишь отдалают рядового чиновника от рядовых граждан. Там привилегии компенсируют аппаратчику тяготы государственной службы, в нашей стране — изолируют его от общества. Оттого и возникает недоумение — вроде власть меняется, а перемены нет. Вроде бы люди новые, а хватка у них, извините, старая. Оттого-то все глубже пропасть между теми, кто управляет, и теми, кто вкушает горькие плоды этого управления.

Порой дело доходит до курьезов, до анекдотов. Пожилой высокопоставленный чиновник однажды упрекнул меня — дескать, журналисты только за сенсациями гоняются. Лучше бы написали о техническом прогрессе в метро — там, оказывается, турникеты установили, бросил монетку и прошел, никаких билетов не надо. Сначала я изумилась, лишь потом поняла: чиновник-то этот в метро столичное четверть века не спускался, все в машине да в машине. Попал в командировку в Ленинград, там его и сводили в подземку...

на экскурсию. Похоже на анекдот, но, увы, правда.

Любую власть повсюду обслуживает аппарат. Но у нас **ВЛАСТЬ АППАРАТА** всегда была **СИЛЬНЕЕ САМОЙ ВЛАСТИ**. В ее верхних эшелонах произошли серьезные замены. Но аппарат, представьте, не утратил былого могущества. Да с чего ему потерять силу, если стиль аппаратных отношений никто не менял. Все осталось по-прежнему. И люди, призванные менять нашу жизнь к лучшему, все так же не будут иметь о ней реальных представлений. Но главное — их действия будут подчинены железному правилу — делать все так, чтобы, не дай бог, не «вылететь» из системы, которая обеспечивает приемлемый уровень жизни. Это означает, что не надо высовываться, проявлять себя ярче начальника, настаивать на собственном мнении, держаться на равных с вышестоящими... И тогда система сама начнет двигать вверх образцового питомца, а каждая новая ступенька будет означать очередную порцию социальных благ. Выше — больше. Других стимулов нет. Привилегии играют роль морковки, которую вешают перед осликом: видит — бежит.

...Еще пахнут краской новенькие служебные корочки, а их обладателю дают понять — он уже не такой, как все. Прежде всего он — ответственный работник. И не потому, что кругом одни безответственные. Просто первое, самое грубое ранжирование начинается с деления всех служащих аппарата на ответственных и технических, на черную и белую кость. У ответственных — своя поликлиника, свое, более удобное время обеда, иные бланки продовольственных заказов, дачи в других местах. Даже цвет служебного удостоверения отличается. И знаете, это очень удобно — глянул и сразу определил, кто перед тобой.

Естественно, на этом ранжирование не заканчивается. Опытный аппаратчик, очутившись в кабинете незнакомого ответственного коллеги, без труда определит его должность. И не только по площади апартаментов. Есть ряд признаков, которые безошибочно подсказывают, кто тут обитает. Например, главному специалисту полагается одна модель настольной лампы, а заведующему сектором — другая. Разной окажется не только ширина стола и конструкция рабочего кресла, но даже набор канцелярских принадлежностей. Все это, по правде говоря, довольно униженно, когда по количеству выданных импортных фломастеров можно сказать, кто ты есть. Но вскоре неприятные ощущения стухевают и начинаются приятные.

Советский человек, о здоровье которого никто никогда не заботился, вдруг испытывает легкое волнение от телефонного звонка из поликлиники. Его самочувствием не просто вежливо интересуются — проявляют поистине родственную осведомленность. Не подскочило ли давление, как сердечко, не выпала ли пломба, не беспокоит ли кашель? А уж если и впрямь занедужит, с ним будут возиться, водить по кабинетам и с порога информировать: «Основной контингент пришел». Впрочем, этот пароль и не нужен — взяв историю болезни, врач по цвету обложки определит, что пришел пациент «первого сорта», тот, который имеет преимущественное право перед остальным контингентом. И если основной и неосновной столкнутся у входа в кабинет, первым войдет, естественно, основной. Понимаю, звучит это немного

дико, но через месяц-другой люди привыкают и с самым естественным видом спрашивают друг у друга перед дверью врачебного кабинета — скажите, а вы какой контингент?

Чем выше должность, тем утонченнее система привилегированных отличий. В спецателье могут шить одежду и обувь практически все работники аппарата. Разница — в количестве положенных на год заказов. Одни имеют право обшивать семью, другие — только себя. Самые высокопоставленные (или их жены, дети) приходят на примерку в определенный день недели. Все остальные — когда пригласят.

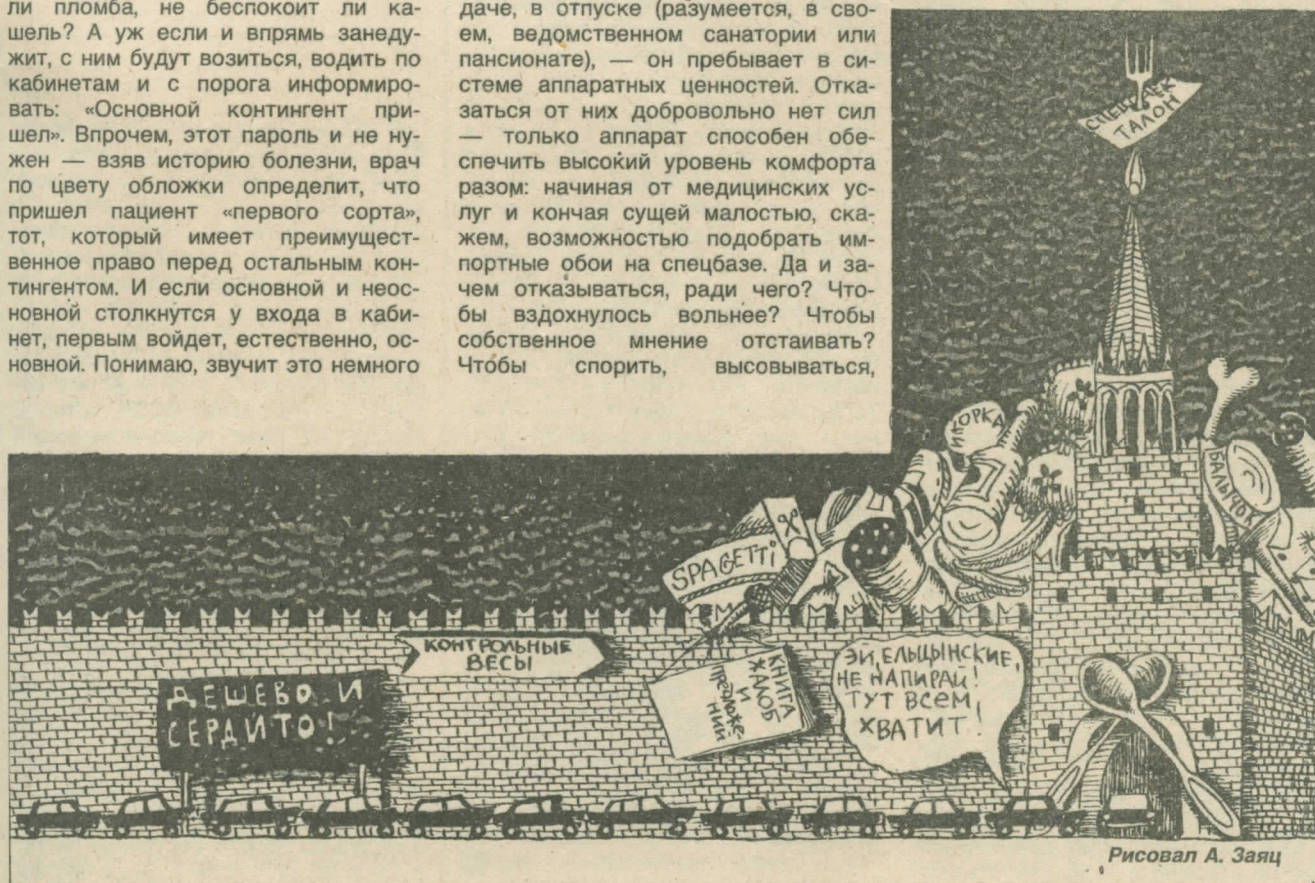
Распределение согласно должности распространяется на все, чем располагает аппарат. Спецбригада строителей делает в квартире ремонт, если должность дает на него право. На фабрике изготовят мебель, если послужной список чиновника соответствует этой привилегии.

И с человеком происходит то, что и должно произойти: система делает его таким, каким он нужен системе. Где бы чиновник ни находился — на работе, на государственной даче, в отпуске (разумеется, в своем, ведомственном санатории или пансионате), — он пребывает в системе аппаратных ценностей. Отказаться от них добровольно нет сил — только аппарат способен обеспечить высокий уровень комфорта разом: начиная от медицинских услуг и кончая сущей малостью, скажем, возможностью подобрать импортные обои на спецбазе. Да и зачем отказываться, ради чего? Чтобы вздохнулось вольнее? Чтобы собственное мнение отстаивать? Чтобы спорить, высываться,

держаться на равных с вышестоящим, принимать принципиальные решения? Полноте, это для тех, кто ничего не имеет.

...Встречаю знакомую. Раньше, до 19 августа, она работала в Общем отделе ЦК, где теперь — спросить неловко. Может, человек до сих пор без работы мается. Но у нее, слава богу, все устроилось. Путч просто подфартил. После него всем сектором перешли в аппарат Президента России. Раньше читала письма граждан к Горбачеву, теперь — письма к Ельцину. Зарплата выросла с пяти сот рублей до восьмисот. Изменился и номер служебного подъезда, и вид из окна. А так — все по-старому. Та же Старая площадь, родные стены. Спрашиваю, устраивает ли ее работа? И она отвечает так, как ответил бы любой аппаратчик: «Поликлиника есть, заказы неплохие, книжный список сохранился...»

Когда образовался аппарат Президента СССР, я попросила заведующего социально-экономическим отделом дать интервью. Он согласился, заказал пропуск и сказал: «Приходите в ЦК». Я шла по знако-

мому коридору, видела знакомые фамилии на дверях кабинетов и не могла взять в толк — где же президентский аппарат?!

— А здесь! — ответила знакомая секретарша. — Мы теперь — этот аппарат.

Бывшему государственному деятелю А.Микояну приписывают весьма ироничное наблюдение: дескать, чиновники словно воробы. Хлопнешь в ладоши, напугаешь сокращением, перемещением или ликвидацией аппарата — все поднимутся в воздух, покружат, покружат, а потом опять в прежнем составе рассядутся по веткам. Сами чиновники гораздо образнее оценивают ситуацию: аппарат сократим, змеёвик удлиним. Напиток, понятно, будет тот же...

Меня могут упрекнуть в предвзятом отношении к чиновникам. Действительно, куда они должны податься, если захотят или будут вынуждены сменить работу? На фабрику, что ли? Ведь врач переходит из больницы в больницу, учитель — из школы в школу, журналист — из газеты в журнал. Мало кто, потеряв работу по специальности, начинает вдруг печь хлеб или строгать доски. Все правильно. Врач по-прежнему будет лечить, учитель — давать уроки, журналист — писать. (Только у них-то сочной морковки перед глазами нет.) И чиновник на новом месте будет действовать так же, как работал пять, десять, двадцать лет назад. По правилам, описанным выше. Обратите внимание, какими знакомыми способами делят партийную собственность, насколько привычна ситуация, когда к первым лицам (раньше в стране, теперь — в республике) не в состоянии пробиться самые приближенные.

Современные лидеры придерживаются определенной политической ориентации, а современным аппаратчикам политика ни к чему. Если демократы не нарушают аппаратного стиля жизни — даешь демократию! Если какие-нибудь путчисты обещают сохранить его — да здравствуют путчисты! Может, оттого и пели песни 19 августа утром в дачных автомобилях работники центрального правительственного аппарата, что понимали — со старой властью вернется и отнятая за последние годы часть привилегий.

Напрашивается простой будто бы вывод — надо привилегии отменить, и тогда система станет демократичной. Но вспомните — их уже отменя-

ли, кампания по борьбе с ними тоже была. И нет смысла затевать новую. Вероятно, стоит пойти другим путем. Профессиональных государственных служащих у нас не хватает. Пока в аппаратных структурах таких можно по пальцам пересчитать. Спрос на компетентных чиновников в коммерческих структурах — банках, биржах, аудиторских и прочих фирмах — огромен. Если отнять блага, из аппарата они уйдут первыми. Я знаю случаи, когда одному неплохому аппаратчику-экономисту предлагали работу в коммерческих структурах. Зарплата — около пяти тысяч. Отказался, хотя здесь у него — семьсот. Набор привилегий перевесил более чем заманчивую разницу в зарплате.

Первое, с чего необходимо начать перестройку аппаратных отношений, — это сделать то, что давным-давно сделано во всех цивилизованных странах, — узаконить привилегии. Перечислить их, опубликовать, чтобы каждый налогоплательщик знал, куда и в каких количествах идут бюджетные средства. Во всем мире никаких тайн из привилегий государственных служащих никто не делает. Во многих странах они имеют право на бесплатную квартиру (а они там недешевы), бесплатное медицинское обслуживание (тоже денег стоит), гарантированную пенсию (в промышленности люди все годы работы делают на нее отчисления из зарплаты). В Финляндии, например, существуют для аппаратчиков скидки на покупку спиртного, и, представьте, никого это не задает. Нормально относятся, не кричат о социальной несправедливости.

Второй шаг — ввести, наконец, открытые конкурсы для желающих поступить на работу в аппарат. Тогда, возможно, появятся иные стимулы для профессиональной деятельности и служебного продвижения. Наконец, сейчас, во времена кардинальных властных перемен, не худо было бы печатать хотя бы раз в год в официальных изданиях списки ответственных сотрудников и руководителей аппарата с указанием двух последних мест службы чиновников. Получится своего рода карта их миграций по лабиринтам власти. Возможно, изучив ее повнимательнее, простой советский человек сможет сам ответить на вопрос — почему власть меняется, а жизнь все хуже, хуже, хуже... Или как раз наоборот?

Александр ПОРТНОВ

РЕКВИЕМ

ЗОЛОТУ

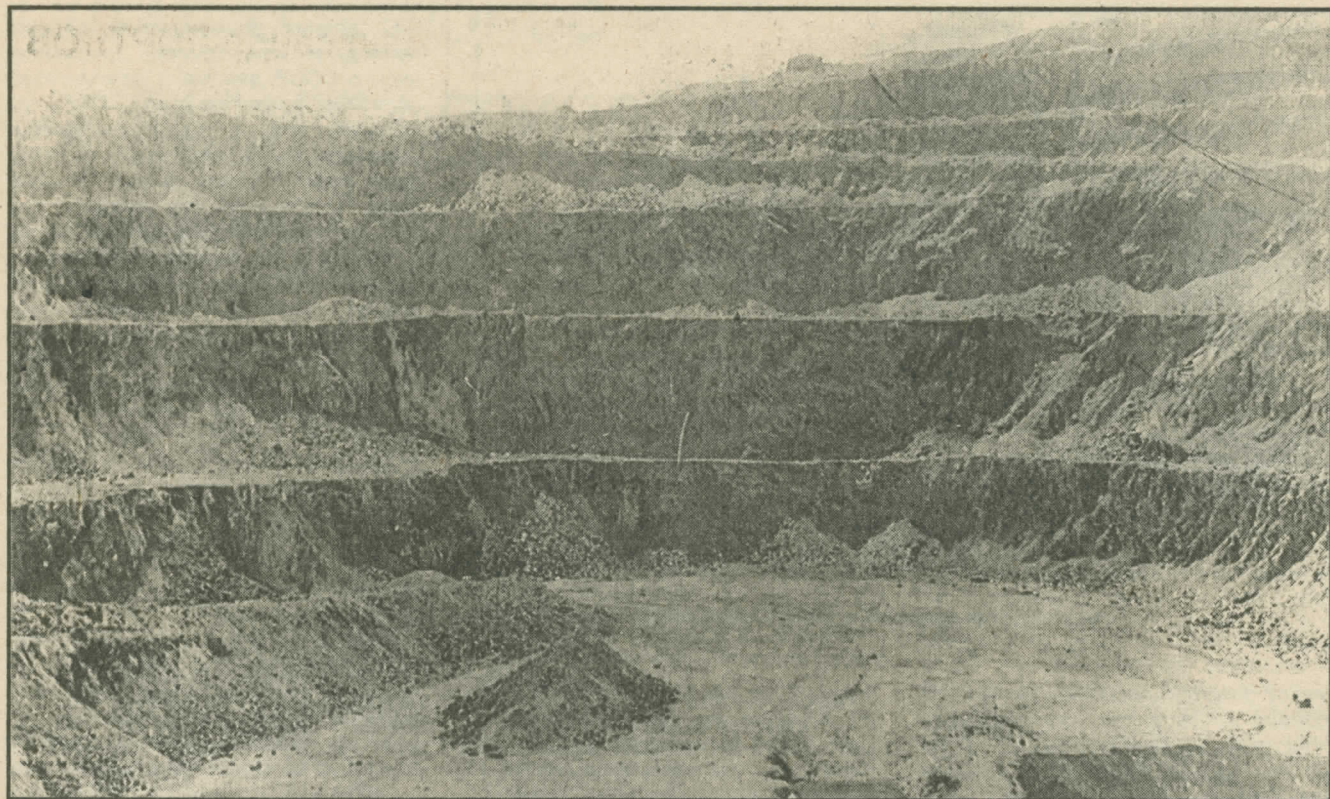
СОЮЗА

Огромный потенциальный золотой запас СССР сегодня полностью утрачен

Сталин не спрашивал согласия советского народа, когда посылал в 1939—1941 годах зерно, масло и мясо Гитлеру. Эта антинародная политика коммунистической партии не ограничивалась одной какой-то акцией. В течение всей советской эпохи богатства страны подвергались небывалому по размерам преступному разбазариванию. Не избежало этой участи и золото. Золотой запас СССР, который только на базе горнодобывающей промышленности мог составлять 10—12 тысяч тонн и обеспечить конвертируемость рубля, по видимому, практически полностью утрачен. Вероятно, из СССР за годы советской власти «утекло» — причем за бесценок — до 15 тысяч тонн этого драгоценного металла!

Золотой запас — фонд золота в слитках и монете, принадлежащий государственному или центральному банку. Размер золотого запаса — показатель благосостояния экономики государства, устойчивости денежной системы. Хранящееся в подвалах золото постоянно растет в цене. До 1934 года 1 грамм чистого

Из огромных карьеров в центре пустыни Кызыл-Кумы добываются сотни тонн золота.

золота стоил 67 центов, до 1978 года — 1,36 доллара... США долгое время пытались удержать высокое содержание золота в долларе, но, потеряв значительную часть золотого запаса, прекратили безнадежную борьбу с международной спекуляцией. В результате в 1979—1980 годах весь мир (кроме СССР) охватила невероятная «золотая лихорадка», поднимая цену 1 грамма золота до 15—20 долларов! Сейчас эта цена стала относительно стабильной и составляет примерно 12 долларов. Увеличение цены на золото привело к десятикратному (за десятилетие) увеличению добычи золота в США — до 300 тонн ежегодно!

Тенденция к увеличению цены золота со временем — несомненна. Поэтому государство с большим золотым запасом — всегда в выигрыше. За всю историю человечества добыто около 100.000 тонн «желтого» металла. Часть его хранится в изделиях, часть — в технике, но около 40.000 тонн — в виде золотого запаса. Как он распределяется между странами мира? Величайший в истории золотой запас — 21,8 тыс. тонн

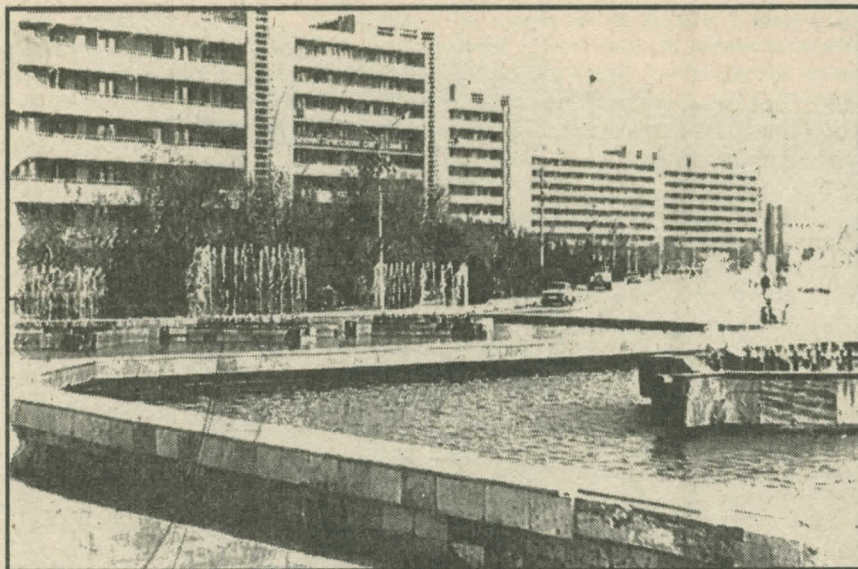
— хранился в 1949 году в подвалах Форт-Нокса, сокровищницы США. Сейчас он сократился до 4,5 тыс. тонн, и золотым запасом свыше тысячи тонн наряду с США обладают также Швейцария, Франция, Италия, Нидерланды, Бельгия, Япония, ЮАР. Сотни тонн хранятся в банках Великобритании, Австрии, Испании, Индии. Соответственно все эти страны обладают устойчивой конвертируемой валютой. Где место СССР в этом списке?..

В отличие от большинства перечисленных стран СССР — величайший (после ЮАР) производитель золота. В последние годы, возможно, мы уступаем второе место США. Точная оценка невозможна и сейчас, поскольку размеры добычи и величина золотого запаса в СССР всегда были строжайше засекречены. Тем не менее, согласно зарубежным экспертным оценкам, в 30-е годы у нас добывалось ежегодно 100—120 тонн, в послевоенные — более 200, в 70—80-е годы — 300—350 тонн. Следует учесть, что по всей стране была проведена жесточайшая конфискация драгоценно-

стей. Золото безжалостно изымалось у Русской церкви, у «буржуазии», скупалось за бесценок у населения в голодные годы — таким образом были изъяты тысячи тонн. Что-то осталось и из золотого запаса царской России, где хранилось до 2,5 тысячи тонн благородного металла, попало в наши подвалы и золото республиканской Испании, специальные команды собирали сокровища разгромленной Германии и стран Восточной Европы... Наверное, не одна тысяча тонн золота была «соскоблена» с этой огромной территории. Но все это были лишь добавки к главному — тому, что было добыто на богатейших россыпях и коренных месторождениях Сибири, Северо-Востока и Средней Азии. Общее количество добытого здесь за 60 лет золота должно оцениваться колоссальной цифрой — не менее 10—12 тысяч тонн!

За этой «золотой горой» стоит тяжелейший труд десятков тысяч геологов, сотен тысяч рабочих, миллионов заключенных концлагерей, моря крови и трудового пота советского народа. Если прибавить к ней

Зарафшан, город-мираж, возник в пустыне благодаря золоту.

массу золота, «добытую» иными способами — типа тех, что описаны в «Мастере и Маргарите», — количество золота, попавшее в хранилища Госбанка СССР, должно оцениваться приблизительно 15 тысячами тонн! Современная стоимость этого золота — не менее 150 миллиардов долларов! Если бы это золото действительно лежало в сейфах СССР — рубль был бы одной из наиболее устойчивых валют мира и вопрос о его конвертируемости не вызывал бы никаких сомнений.

Но в последнее время выяснились потрясающие факты. Оказалось, что золота в государственной казне практически нет! «Известия» от 16 июля 1991 года впервые опубликовали данные, которые всегда считались сверхсекретными: золотой запас СССР — 374,56 тонны! Эта цифра была полной неожиданностью для всех, кто более или менее знаком с огромным размахом золотодобычи в СССР. Король-то оказался голым! А ведь все оценки зарубежных экспертов на эту тему неизменно были достаточно оптимистичными: считалось, что по запасам золота мы входим в список ведущих стран мира и не менее двух-трех тысяч тонн наверняка лежат в виде аккуратных тяжелых слитков... Прошло еще 2 месяца — и 28 сентября Г.Явлинский сообщил, что данные, приведенные «Известиями», ошибочны: величина золотого запаса СССР — 240 тонн! Примерно столько, сколько добыто за последний

год... «А где же золото?» — удивленно спросим мы, подобно незабвенному Шуре Балаганову, трудолюбиво пилившему всю ночь чугунную гиру.

Пили, советский народ, пили! Золота ты все равно не увидишь. Оно бесследно исчезло, его нет, концентрат твоего труда нагло профукал коммунистическими правительствами. Где оно: в танках, в космосе, на Кубе или просто в чьих-то необъятных карманах — какая нам, в сущности, разница! Можно лишь утверждать, что в обстановке полной секретности около 15 тысяч тонн золота продано за границу! Причем не просто продано — отдано за бесценно! Лишь недавно мы узнали официальную цифру стоимости советского золота за рубежом: 7 (семь) долларов за грамм. Только за последний год министр финансов, затем премьер, Павлов продал по этой цене 500 тонн золота! Иначе говоря, более 200 тонн золота он отдал бесплатно в чьи-то руки за границей. Перестав быть нашим, это золото немедленно выросло в цене почти вдвое! В чьи карманы ушел этот невероятный доход — два с половиной миллиарда долларов???

Зависть здесь неуместна: «нашим» это золото никогда и не было. Разве улучшалась «наша» жизнь от сотен миллиардов в валюте, полученных за природные богатства страны — нефть, газ, золото, алмазы, лес, пушнину, рыбу, икру и т.д.? Но кто-то руки на этом грел — и не только за границей.

С давних времен из-за рубежа приходили или, точнее, просачивались в СССР данные о демпинговой политике правительства СССР при продаже золота. На рынок выбрасывались сразу многие сотни тонн, цена резко падала, биржу лихорадило, потери наши при продаже были чудовищными. Видимо, не менее 5 тысяч тонн золота практически бесплатно отдано в руки международных спекулянтов драгоценным металлом. Нет сомнения, что такие сделки щедро оплачивались в личном плане — вкладами на закрытые счета зарубежных банков. Кто эти преступники? Павлов, видимо, лишь завершает длинную цепь мерзавцев, обкрадывавших народ огромной и бесправной страны. Великим вором России — Меншикову при Петре I или Потемкину — при Екатерине II и не снились такие масштабы — десятки миллиардов!

Золото — лишь часть расхищаемого богатства. За бесценок распроданы многие тонны советских алмазов. СССР продает сырые алмазы на мировом рынке по цене 90 долларов за карат при средней цене — 200—300 долларов, т.е. в два-три раза дешевле их стоимости. За гроши, но все равно за год товара продано на миллиард — и это означает, что наши убытки (или чья-то прибыль!) — два-три миллиарда! Да ведь мы золотое дно! Умножьте эти цифры на тридцать лет, в течение которых ведется этот глубоко засекреченный, бандитизм различных правителей СССР! Пресса о нем всегда молчала, прокуратура о нем как бы и не знала, зато по телевизору показывали несколько банок растворимого кофе из-под прилавка продавца! Не там смотрели, уважаемые! Когда в уходящих за границу консервных банках с надписью «Рыба» была обнаружена черная икра — министр рыбной промышленности СССР тихо-тихо «слинял» на пенсию, и дело было забыто. А золото, алмазы — тоже бесследно?.. Ведь Прокуратура СССР и сейчас молчит!

Политическая победа демократов по-прежнему сопровождается страшными экономическими поражениями. Закрывать глаза на причины этого — в высшей степени опасно. Мы не знали, что происходило с нашими национальными богатствами раньше. И мы не знаем и того, что происходит с ними теперь. Узнаем ли?

СЛУХИ О КРИЗИСЕ НА ЗАПАДЕ НЕСКОЛЬКО ПРЕУВЕЛИЧЕНЫ

Являюсь поклонником «Столицы» с первых же ее номеров. Очень рад, что вы не на словах, а на деле следуете принципам плюрализма и представляете свои страны для выражения различных точек зрения.

Хотел бы остановиться на статье Вадима Белоцерковского «Восток пока без будущего. Но и Запад тоже» («Столица», № 20, 1991 год).

Автор противопоставляет два вида капитализма — «агрессивный» и «рыночный». Агрессивная конкуренция, пишет он, направлена на удушение рыночной и на создание монополий. Государство в развитых странах с помощью мощного аппарата сдерживает эту конкуренцию, но ликвидировать ее не может, и капитал по-прежнему вкладывается туда, где ожидается больше прибыли. Конечно же, демополизация производства и капитала — серьезная проблема современного капиталистического общества (я не говорю уж о «социалистическом»). Известно, что в 30-е годы были разработаны антимонопольные законы. Но они были направлены не против, а на создание благоприятных условий для конкуренции, на поддержку малых и средних предприятий... У меня возникает вопрос: что такое «агрессивная» конкуренция вообще и может ли конкуренция быть «неагрессивной»? Ведь рынок сам по себе предполагает борьбу за покупателя, за создание товаров лучшего качества, в большом количестве и по низким ценам.

Эта борьба в здоровом обществе так или иначе направлена на превосходство над конкурентом и — как следствие этого — на его выживание с данного рынка. Вся «агрессия»-то заключается в том, чтобы дать возможность людям потреблять более качественные и дешевые товары. Так что вполне можно сделать вывод, что у нас самое «миролюбивое» государство в мире, потому что до такой «агрессии», как на Западе, нам ой как далеко.

В.Белоцерковский пишет, что в капиталистическом производстве по-прежнему сохраняется «наемный труд и авторитарные порядки». Автор видит выход в поощрении предприятий с «групповой трудовой формой собственности» — таких, где господствовал бы принцип «кто не работает, тот не владеет». Агрессивной конкуренции такие фирмы не ведут, средства вкладывают лишь в ин-

тенсивное развитие своего производства, целью деятельности имеют увеличение не капитала, а личного благосостояния работников и улучшение условий труда». Интересно, почему же данная форма собственности до сих пор не победила в борьбе за существование остальные? Плохо я понимаю и то, как какое-либо предприятие не может «вести конкуренцию». По-моему, здесь могут быть два варианта предприятий — либо они работают сами на себя (то есть ведут натуральное хозяйство), либо их товары настолько не пользуются спросом, что никакой конкуренции нет и быть не может.

Кажется, мне становится понятным, почему принцип «кто не работает, тот не владеет» не получил широкого распространения. На Западе подавляющее большинство людей не хотят рисковать своим состоянием, а готовы отвечать за ту работу, которую им конкретно нужно сделать, и получить за этот труд зарплату. Эту часть населения составляют наименее рабочие. Другая же — наименьшая часть — готова пойти на риск, вложить какие-то средства в данное предприятие, которое ни за что не заработает без какого-то начального капитала. Вот за такой риск люди и должны получать свою часть прибыли.

В.Белоцерковский предлагает при выборе пути развития России опираться в основном на практику предприятий с групповой трудовой формой собственности. «Сторонники капиталистического развития социалистических стран, — пишет он, — выступая за приватизацию государственной собственности, забывают, что она создана трудовыми коллективами за счет вырабатываемой ими прибавочной стоимости и налогов, с них удерживаемых, и должна быть им передана».

Во-первых, ни в одной здоровой экономической программе я не встречал предложений передать рентабельное, работающее с высокой отдачей предприятие в частные руки. Теперь относительно предприятий убыточных, т.е. работающих на дотации у государства. По-моему, их никак нельзя назвать собственностью трудовых коллективов. Они были созданы и работали на средства налогоплательщиков всей страны. И если какое-либо частное лицо или кооператив захочет выкупить это предприятие, то нужно продавать его немедленно,

ибо частное лицо (а также государство, а следовательно, налогоплательщики) будет получать от этого предприятия выгоду, а не убытки. Надо иметь большую страсть к умозрительным заключениям, чтобы назвать это экспроприацией.

Довольно странно в статье, на мой взгляд, представлена и роль государства. «Средства, вырученные от продажи предприятий трудовым коллективам, государство обязано (! — М.О.) тратить на создание новых предприятий или коммерческих учреждений, чтобы вновь продавать их новым трудовым коллективам... В этом случае государство сможет и создавать изначально экологически безопасные предприятия». Что тут скажешь? Почему-то очень многим бывает трудно понять, что государство слишком серьезный институт, чтобы заниматься каждым отдельно взятым предприятием. Государство обязано создавать законы, регламентирующие деятельность предприятий, следить за исправностью их выполнения и выплачиванием налогов. И все! Тогда никому частному лицу не придет в голову создавать опасное для природы или человека предприятие (которое могут закрыть), равно как и выпускать экологически вредную продукцию (которую никто не будет покупать). И, безусловно, владелец предприятия позаботится о том, чтобы предоставить рабочим хорошие условия труда. Иначе он просто не найдет рабочих, желающих работать на его предприятии.

Примером отрицательного влияния государства на экономику могут служить экономические кризисы 70—80-х годов в Европе (Англия, Франция), когда в результате повальной национализации экономика этих стран разваливалась и не развалилась лишь благодаря энергичным мерам, принятым консервативными правительствами этих стран.

По словам автора, на Западе люди тратят свою жизнь на суету накопления и потребления, не замечая, как надвигаются на их комфортабельные страны волны экономического и демографического кризисов. Но разве американцы не восстановили систему Больших Озер? Разве весь западный мир не отказывается от использования экологически вредного бензина в автомобилях? Разве не Запад всеми силами стремится потушить пожар на Ближнем Востоке? К тому же еще Запад пытается оказать нашей стране посильную помощь. Лишь бы мы выбрались наконец из этой огромной кризисной ямы, в которую засосало наш народ.

И если Россия выберется из нее, станет на путь сотрудничества, а не противостояния с другими государствами, то у нас будет возможность решить все эти проблемы. Но мы не решим их, если опять займемся строительством какого-то нового, неизведанного ранее строя.

С уважением,
Максим ОСКОТСКИЙ,
студент МХТИ им.Д.И.Менделеева

9-е Управление КГБ СССР, пресловутая «девятка». Служба охраны... Как бы ни называлось это суперсекретное подразделение, отвечающее за безопасность высших чинов в государстве, подробной информации о нем в советской печати не просачивалось практически никогда. События в августе как будто «девятку» рассекретили. Но что мы, собственно, узнали? Журналист Евгений Степанов встретился с майором пограничных войск, ветераном Афганистана, кавалером ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» тридцатидвухлетним Иваном ХИЖНЯКОМ. Полтора года Иван Васильевич проработал в «девятке». Несколько месяцев охранял Николая Ивановича Рыжкова, бывшего в то время премьер-министром страны. И вот теперь рассказывает об этой службе охраны.

Фото И.Флиса

ТЕЛОХРАНИТЕЛИ

— Иван Васильевич, как вы попали в эту организацию?

— Почти случайно. Я профессиональный пограничник, закончил с отличием Голицынское Высшее военное-политическое пограничное училище, служил замполитом на границе. В Семипалатинской области в Казахстане. Год и семь месяцев провел в Афганистане. Уже оттуда был переведен в Москву, в Бабушкинское пограничное училище. Помощником начальника политотдела по комсомольской работе. И вот один мой приятель (вместе учились) и коллега (секретарь комитета комсомола «девятки») предложил мне однажды попробовать свои силы на новом поприще... Я — обуреваемый романтикой! — согласился. Приятель представил меня кадровику «девятки». Тот провел со мной три-четыре дотошные беседы и затем «переадресовал» уже начальнику отдела «девятки». Последний тоже довольно долго со мной общался, присматривался ко мне, наводил, разумеется, справки о моем прошлом... В 1989 году я стал сотрудником «девятки».

— Как вас там встретили?

— Очень настороженно. По ряду причин. Пограничников там очень мало, практически нет. Я пришел уже в солидном — по их меркам — звании — капитана. Сразу стали мои новые коллеги дознаваться, кто меня «двинул», кто мой покровитель. У меня, естественно, не спрашивали. Вызвали через «третьи руки». Сошлись во мнении, что моя «рука» — это Иван Петрович Коленчук — секретарь парткома (теперь бывший) «девятки». Дело в том, что он тоже пришел из пограничных войск, да и фамилии у нас с ним украинские. Узнав о таком моем солидном

«покровителе», многие быстро успокоились. Но вообще атмосфера там всегда царил нервная, подозрительная... Редко с кем можно было рискнуть поговорить по душам. Только где-то через полгода службы у меня появилось два-три надежных товарища, с кем я делился...

— По телевизору частенько можно видеть этаких невозмутимых, хорошо упитанных, косящихся по сторонам людей — охранников Горбачева. Вы с ними принадлежали одному ведомству. Видимо, вас, телохранителей, неплохо готовят.

— Увы, это миф. Еще один «совковый» миф. За полтора года моей службы в управлении у нас было где-то четыре-пять занятий по физической подготовке. Причем занятия крайне элементарные. Не то что, скажем, у нас в пограничном училище с курсантами. Мне кажется, что иные сотрудники «девятки» не только не способны защитить своих «боссов», но и за себя при случае не постоят. У многих — огромные животы, одышка... Естественно, если не тренироваться, можно растерять самую хорошую спортивную форму.

— А как со стрельбой?

— Получше. Новичков — особенно в первые месяцы — «натаскивают». Где-то два-три раза в неделю мы стреляли в тире, из пистолета. Несколько модернизированного «Макарова».

— Есть ли у вас другое оружие? Если есть, то какое?

— Есть. Самое обычное. Никакой сверхсовременной солидной техники нет. Ни бомбардировщиков, ни танков, ни БТРов... Если, конечно, нужно, их можно заказать. В Советской Армии. При мне — не заказывали. Но вообще — случалось.

— А как носят пистолет?

— В любом удобном для сотрудника месте. На этот счет нет строгих инструкций. Можно держать и в кобуре под мышкой, и за поясом.

— А дома вы его можете держать?

— Нет. Приходишь на работу — получаешь, уходишь — сдаешь.

— В какой ситуации вы можете применить оружие?

— Четких инструкций нет. Но есть два главных правила. Стрелять можно тогда, когда стреляют в тебя. Раз. И тогда, когда над твоим «шефом» нависает реальная угроза смерти. Если уже поздно спасти своим телом, если ликвидировать опасность может только пуля. Допустим — в порядке бреда — кто-то бежит за твоим подопечным с топором, с железкой какой-нибудь.

— А, допустим, такая ситуация: я невзлюбил за что-то того же Николая Ивановича, пробрался сквозь охрану и размахнулся, чтобы ударить его. Вы должны стрелять?

— Вы не проберетесь сквозь охрану. Блокировать-то мы умеем...

— Кому-нибудь из ваших знакомых приходилось охранять наших руководителей, стрелять?

— Нет. Это вообще случилось крайне редко. Единичные случаи. В 1969 году, когда милиционер Иванов покушался на Брежнева. 7 ноября 1990 года, когда какой-то сумасшедший якобы стрелял по Горбачеву.

— Какая у вас форма одежды?

— Приблизительно такая, как у тех, кого мы охраняем. Пиджак, рубашка, галстук.

— Вам это выдается?

— Нет. Но понимаете, я — военный. Должен получать обмундирование. Я не получаю. Мне выдают деньгами. Так что компенсация есть.

— Говорят о незаурядном интеллектуальном уровне «девятчиков», о том, что они якобы владеют несколькими иностранными языками, и т.д.

— И это, к сожалению, легенда. Из тех людей, с кем мне там доводилось общаться, по-английски умели говорить один-два человека. Остальные объяснялись исключительно по-русски. Непечатно. От начальника отделения и до самых рядовых сотрудников. Я когда с этим впервые столкнулся — просто опешил. Вокруг — главы иностранных государств, наши руководители, цвет культуры, науки, а мы — матерком... Я пробовал с этим (как и со многим другим) бороться, выступал на собраниях. Но меня не слушали. Молод, мол, еще.

— Значит; интеллектуалы вам там не встречались?

— Были, конечно, интересные, очень умные парни. Но их — явное меньшинство. Да и откуда, скажем, взяться большой культуре, если попадают туда ребята сразу после армии, образование получают заочное (либо в Высшей школе КГБ, либо в институтах). Что такое заочное образование — известно. К тому же принимают в Управление, как я понял, не из-за отменных физических и интеллектуальных показателей, а исключительно по блату. Родственников, близких знакомых... Так, впрочем, ведь случилось и со мной. Тоже — по знакомству.

— Каким у вас был распорядок дня, когда вы охраняли премьера?

— Работали мы сутки, двое отдыхали. В три смены. Смена — двадцать четыре часа. С девяти до девяти. Наш распорядок целиком зависел от распорядка Николая Ивановича. Где он — там и мы.

— Простите, где же вы находились в ночное время?

— Скажем так: дыхание его мы не слышали, но кашель бы услышали непременно.

— А где все-таки находились?

— Все время — рядом. Ночует Николай Иванович на квартире в Москве — мы в соседней комнате. В квартирах всех руководителей есть специальные комнаты для охраны. Для нашего отдела. Кто-то один дежурит — другие отдыхают. По очереди. Так же — на даче. Есть специальные флигели, а то и целые дома для службы безопасности. У Николая Ивановича для нас был (есть и сейчас!) прекрасный двухэтажный дом. Там мы отдыхали, готовили себе пищу...

Хороший дом, сработанный под старину, в телесказках такие показывают. На втором этаже — две большие спальни, на нижнем — тоже две спальни, а также кухня, маленький холл. В холле — телевизор.

— Подобные дома, флигели для

охраны есть у всех руководителей?

— Конечно. Это нормально. Ведь телохранителям нужно выглядеть на уровне. Да и не будешь же спать в машине!..

— Николай Иванович в отпуске. Где вы?

— Разумеется, с ним. ВСЕГДА!

— Семья руководителя тоже охраняется?

— Да. Но, думаю, если зять Рыжкова сказал бы нашему старшему, что, допустим, в воскресенье в город он поедет один, охрана ему не нужна, вопросов бы не было. Но жену, дочку так просто не отпустили бы.

— Сколько человек было в охране?

— Пять-шесть в обычной ситуации.

— А сколько человек вообще служит в службе безопасности?

— Этого я, разумеется, не знаю. Но, думаю, если скажу, что несколько тысяч, то сильно занижу количество.

— Много ли отделов в «девятке»?

— Много.

— В чем заключалась ваша непосредственная задача?

— Кратко говоря — обеспечить безопасность премьера. Увидел гранату — бросайся на нее, стреляют — подставь грудь...

— Такое случалось?

— Слава Богу, нет. За все время моей службы произошел только один инцидент. Николай Иванович ездил в Воркуту, к шахтерам. И вот когда мы возвращались на автобу-

сах из шахт, то угодили в основательную пургу. Двадцать три градуса мороза, ветер — сорок девять метров в секунду. Автобусы остановились. А мы — одеты легко, по-московски. Не сладко. Еле остались живы. Хорошо — сработала правительственная связь. Удалось дозвониться через Москву до Воркутинского обкома партии. Через восемь часов нас спасли. Военные, пограничники.

— А за границу вы с Рыжковым ездили?

— Он за границу ездил крайне редко. Когда был в Сингапуре, Таиланде, охраняли его другие люди. Проработавшие в «девятке» по десять-пятнадцать лет.

— Пользовались ли вы какими-то привилегиями?

— Я не принадлежал к руководящему звену. И поэтому никакими особыми привилегиями не пользовался. Вот начальник отдела, заместители (не говорю уже о более высоких руководителях КГБ) имели и спецпайки, и спецзаказы, и жилье в лучших домах! Что касается меня, других рядовых сотрудников, то льготы были следующие: год службы шел за полтора, мы пользовались буфетом Совета Министров СССР (работая у Н.И.Рыжкова), магазином Кремля (отстояв в последнем в очереди часик-другой, удавалось приобрести хорошее мясо, свежие фрукты, овощи). Распродажи случались не часто. За все время моей работы — два раза. В одном из больших универсамов Москвы.

Фото Б. Кремера

Фото ТАСС

Квартиры? Очереди затягивались и на восемь, и на десять, и на двенадцать лет. Как в обычных воинских подразделениях.

— **Зарплата?**

— Будучи капитаном, я получал триста шестьдесят рублей. Затем повысили до четырехсот тридцати. Для восьмидесяти девятого года — это были деньги.

— **Контактировали вы с сотрудниками из других отделов?**

— Очень редко. Это не принято, да и поводов особенных не случилось. Но иногда «шефы» собирались вместе, на совещаниях каких-нибудь, тогда различные отделы работали рука об руку. И тогда сотрудники общались.

— **Есть ли в «девятке» «дедовщина»?**

— Разумеется, нет. Мы же все там офицеры, взрослые, солидные, семейные люди. Но есть такая вещь: те, кто больше проработал, имеют преимущества. И садовый участок, и машину им предлагают в первую очередь. Не важно — как человек работал, важно — сколько. И есть такая вещь. Если ты не срабатываешь с начальством, не угождаешь ему, тебя могут просто выбросить из «девятки». Так поступали (поступают?), по-моему, с лучшими. Вот несколько примеров. Нынешний руководитель службы безопасности президента РСФСР Бориса Ельцина Александр Коржаков был уволен из «девятки» весной 1989 года. От него просто избавились. А это блестящий офицер, мне доводилось с ним немного работать. Я сейчас завидую

ребятам, которые служат под его началом! Или Евгений Горячих. Редчайший профессионал, интеллигент! Был доведен начальством до такого состояния, что положил рапорт на стол. Понимаете, те офицеры, которые высказывали свое мнение, отличались независимостью суждений, пытались как-то усовершенствовать службу охраны, оказывались не ко двору. От них избавлялись.

— **А я слышал, что из «девятки» выйти вообще невозможно. Только вперед ногами.**

— Это преувеличение. Хотя выйти в самом деле непросто. Особенно если увольняешься на «гражданку». Доведут до такого состояния, что, может быть, и уволишься, но превратишься в выжатый лимон. По моим подсчетам, из отдела, где я работал, хотели (хотя) уволиться процентов тридцать сотрудников. Не получается. Мне завидуют.

— **Кстати говоря, как же это вам так повезло? Вышли живым-здоровым из такого заведения, работаете в Пограничном училище, на хорошей должности...**

— В вашем вопросе частично и скрыт ответ. Я ведь не ушел из КГБ. Я ушел в Пограничное училище, фирма одна и та же!

— **А почему вы все-таки приняли такое решение?**

— Основная причина заключалась в том, что я не захотел стать «шестеркой». Даже в «девятке». А именно в «шестерок» нас там хотели превратить. В слуг. Я больше не мог постоянно унижаться, не мог больше выполнять роль швейцара, ли-

фтера, быть мальчиком на побегушках. Скажем, захотят родственники Николая Ивановича шашлычки на дачке (роскошной, кстати, двухэтажной). Раньше здесь отдыхал товарищ Гришин) пожарить — охране собирать дрова, по клубничке соскучились — охране идти в огород, завел зять Николая Ивановича собачку — нам ее утром и вечером выгуливать. Ну и так далее.

— **Вы ушли из «девятки». Имеете ли вы сейчас право поехать за границу? Скажем, на отдых, не в командировку.**

— По действующим законам — внутри КГБ — не могу. Во всяком случае, я должен писать рапорт-прошение. Разрешат, не разрешат — неизвестно.

— **Как вы думаете, почему все же очень многие молодые люди стремятся работать в службе безопасности?**

— Видимо, многих парней привлекает возможность ездить вместе с руководителями страны по всему миру. Это первоначальный импульс. Потом — нередко! — появляются другие. И качества в людях, увы, пробуждаются другие. Романтика зачастую полностью исчезает, появляется голый расчет, даже цинизм. Если б вы знали, какими методами устраиваются в охрану, скажем, министра иностранных дел (это постоянные поездки за рубеж), вам бы стало не по себе. В ход идет буквально все. Страшно. Так что я счастлив, что вышел живым и невредимым из этой системы.

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

«СТОЛИЦА» —

**ЕДИНСТВЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖУРНАЛ,
КОТОРЫЙ ПРИХОДИТ
ЗАРУБЕЖНЫМ ПОДПИСЧИКАМ
В ТОТ ЖЕ ДЕНЬ, ЧТО И СОВЕТСКИМ!**

**По вопросам подписки на наш журнал обращайтесь
по адресу:**

**ECONews BOX 535 LAUSANNE 1001 SWITZERLAND
TEL.41.21-311.45.05 FAX.41.21-311.45.11**

	ЦЕНА НОМЕРА В РОЗНИЦУ:	ЦЕНА НОМЕРА ПО ПОДПИСКЕ:
Швейцария	4,90 шв.фр.	3,43 шв.фр.
Франция	20 фр.фр.	14 фр.фр.
Германия	5,60 н.марок	3,94 н.марок
Великобритания	1,90 ф.ст.	1,34 ф.ст.
Другие европейские страны	3,80 ам.долл.	2,68 ам.долл.
Израиль	5,15 шек.	3,60 шек.
США	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.
Канада	4,85 кан.долл.	3,40 кан.долл.
Другие страны	4,25 ам.долл.	2,98 ам.долл.

В стоимость подписки включена доставка авиапочтой (First Class)

Mr./Ms. initials _____ Family name _____
Address _____
Town/City _____
Postcode _____ Country _____
Please charge: Access/Mastercard/Eurocard Visa Diners Club American Express
Card No _____ Card expiry date _____
Please bill me later
Signature _____

72 Weeks

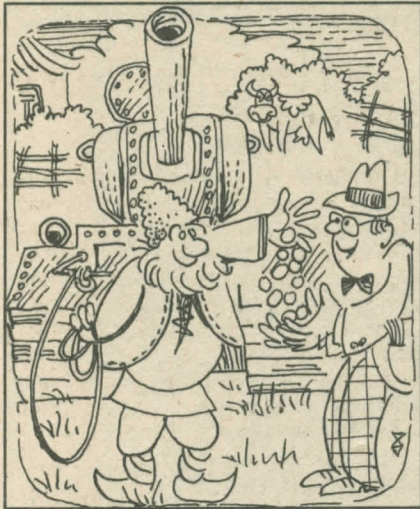
52 Weeks

36 Weeks

26 Weeks

Please send this coupon to ECONews Box 535 Lausanne 1001 SWITZERLAND

Польша

КУПИЛ ТАНК. ПО СЛУЧАЮ

Житель деревни Кошали (Белостокское воеводство) Стефан Д. купил по случаю танк — не «Пантеру», не «Челленджер», не М-51, а старый добрый Т-34. До недавнего времени эта машина была памятником советским воинам-освободителям и стояла посреди деревни. Продав ее в частные руки, местные власти выручили один миллион злотых (среднестатистическая ежемесячная зарплата в Польше — один миллион 850 тысяч злотых). В настоящий момент, перетавив «тридцатьчетверку» на свое подворье, Стефан Д. ведет переговоры о покупке еще одного танка-памятника, стоящего в Белостоке.

Зачем ему понадобились грозные некогда машины? Стефан держит это в секрете...

Владимир ПАНАДА

Владимир

БОЛЬШЕВИКИ, СНИМИТЕ НОМЕРА!

Когда народные депутаты опечатавали гараж, принадлежавший здешнему обкому КП РСФСР, обнаружилось много пикантных подробностей из автобудней бывших «хозяев жизни». Вот что стало из-

вестно из сообщения депутата горсовета Н.Никитиной...

Первый секретарь обкома, подобно застенчивому голубому воришке Альхену, стеснялся иметь четыре разных автомобиля, но очень хотел. Поэтому на четыре авто навесил один и тот же номерной знак (то есть восемь табличек с одинаковым набором букв и цифр) — 77-01 ВЛА. И таким образом раскатывал, в зависимости от настроения, то на белой «Волге» ГАЗ-2410, то на новехоньком «Москвиче-2141», то на «Чайке», то на черной «Волге» ГАЗ-3102.

Этот факт еще можно объяснить желанием выглядеть поскромнее, хотя бы в собственной отчетности. Но с какой целью владимирские коммунисты устраивали игры с двойными номерами, достойные разве что чикагской «Коза ностра»? Какие дела они проделывали или собирались проделывать, возя в багажнике белой «Волги» 77-03 ВЛА запасные, не привлекающие внимания номера 15-19 ВЛА? Наоборот — настоящие номера зеленого УАЗа 25-01 ВЛА лежали у него в багажнике, а ездил машина под номерными знаками 42-56 ВЛА. У заведующего гаражом изъяты еще несколько «запасных» номеров.

Какие концы прятали таким образом в воду большевики, вряд ли выяснит даже следствие. Новым хозяевам партийного хозяйства остается утешаться мыслью, что получили они на несколько автомобилей больше, чем значилось в бумагах.

Константин ЖУРОМСКИЙ

Брянск

КАЖДОЙ ДЕВОЧКЕ ПО ШТУЧКЕ...

Год от года ширились в Брянске ряды несовершеннолетних девочек, изъявивших желание обзавестись внутриматочной спиралью (ВМС) и предохраниться таким образом от нежелательной беременности. Этих медьсодержащих изделий в городе до недавнего времени явно не хватало. Врачам удавалось «обслужить» всего сто отроковиц ежегодно. А жаждающих было в два-три раза больше...

И вот — о чудо! Прямоком из-за бугра поступила в город большая партия высококачественных швейцарских спиралей: десять тысяч

штук. Работники женской консультации подсчитали: этого запаса им хватит, чтобы до 2000 года обеспечить каждую девочку отдельной импортной спиралькой. Может, так оно и лучше, особенно учитывая то, что государство не торопится к тому же году обеспечивать жильем «племя младое, незнакомое», да еще с де-тишками.

Александр СТОКЛАСКА

Любим

УМЕР МОЙ СОСЕД, ЧТО СПРАВА, ТОТ, ЧТО СЛЕВА, ЕЩЕ НЕТ...

Госпожнадзорские плакаты «Прячьте спички от детей» или «Не курите, лежа в постели» — это банально. Профессиональная пожарная часть № 37 города Любим тоже долго билась, проводя «профилактическую работу». Но недавно у нее появилась реклама — круче не придумаешь.

Напротив здания пожарной части стоит обгоревший остов двухэтажного дома (ночной пожар стоил трем жильцам дома жизни). Рядом же с пожарной частью красуются остатки другого здания, также уничтоженно-го огнем (погибли двое).

Оба дома сгорели в дни больших всенародных праздников.

Елена ПЕТРОЧЕНКО

СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ

Как сообщил нашему корреспонденту председатель ярославской группы по изучению НЛО, к ним обратился житель Ярославля М., который, по его словам, в окрестностях райцентра Гаврилов Ям на шоссе Москва — Архангельск наблюдал из своих «Жигулей» человекообразное существо, ростом не меньше двух с половиной метров, покрытое длинной, но негустой шерстью бурого цвета.

У М. имелся с собой фотоаппарат, и он остановил машину, чтобы сфотографировать снежного человека. Но, очевидно, остановка автомобиля испугала дикаря: ломая кусты, он бросился с дороги в лес.

Группа по изучению НЛО считает: в появлении йети на Ярославщине нет ничего удивительного. За последние шестьдесят лет число сельских жителей области уменьшилось в десять раз, с лица земли исчезли сотни сел и деревень. Сокращение ареала обитания *Ното сариенс* ведет к завоеванию жизненного пространства его ближайшим «родственником»...

Теперь горожане мечтают о том дне, когда, размножившись, снежные люди перейдут к оседлому образу жизни, займутся земледелием и животноводством и наконец-то завалят прилавки магазинов полузабытыми продуктами... Если, конечно, их цивилизация не пойдет по однажды опробованному пути превентивного раскулачивания.

Сергей КИСЕЛЕВ

Киев

НАЙДЕН ТЫСЯЧА ПЕРВЫЙ СПОСОБ РАЗБОГАТЕТЬ...

Начиная с первого октября киевских пенсионеров начали нещадно штрафовать в городском транспорте, обзывать «зайцами». Как же так? — обиделись пенсионеры, — ведь местные власти избавили нас от платы за проезд во всем городском транспорте, кроме метро... Один за другим пошли ходки «куда следует».

Правда ваша, ответили транспортники, извинились, хоть и с большим

опозданием, и «охота на стариков» в Киеве закончилась, не принеся «застрельщикам» больших дивидендов.

Но очень скоро был придуман и опробован более изощренный способ выколачивания денег. Причем не только из пенсионеров, но и всех остальных.

Шесть троллейбусных и двенадцать автобусных маршрутов изрядно укоротили, еще двенадцать — отменили вовсе. Теперь обманутые киевляне из дальних районов могут доехать в лучшем случае до метро, а там гони пятнадцать копеек, причем скидки не делается ни для кого.

Пенсионеров и прочих граждан, вынужденных раскошелиться неизвестно за что, просят принять к сведению: после пополнения фондов транспортных предприятий запасными частями, новыми машинами и прочим маршруты возобновятся. Звучит обнадеживающе, но почти как «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

Виктор ОЛЕНЧУК

Рязанская область

СПАСИБО ДЯДЕ-АНОНИМЩИКУ

Дом пионеров и детскую спортивную школу Ухоловского района решено вселить в двухквартирный жилой дом «для работников райисполкома». На стадии завершения ударной стройки этот роскошнейший особняк «повышенной комфортности» внезапно потерял прежнего хозяина и был спешно передан на баланс районного отдела народного образования.

За проявленное великодушие и бескорыстие счастливая ухоловская ребятня век не забудет своего лучшего друга — председателя исполкома райсовета В.Варламова (это он подписал историческое решение). А вот имя второго героя, способствовавшего нежданному новоселью, установить так и не удалось. Безвестный радатель «забыл» подписаться под пришедшим в райисполком письмецом. В анонимном послании содержалась угроза пустить «красного петуха» в новые хоромы, если туда вселится... В.Варламов собственной персоной.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Сухуми

...А УДАЧА — НАГРАДА ЗА СМЕЛОСТЬ

В фильме «Ограбление века» для того, чтобы обмануть электронную сигнализацию и охрану, пришлось три раза. В реальной жизни хватило одной разбитой бутылки из-под шампанского. Неизвестно, вдохновила ли грабителей знаменитая кинолента или они просто хорошо разбирались в нашенской психологии, но расчет оказался верен...

Ночные гости демонстративно громко разбили пустую бутылку и спрятались. Прибежавшая охрана увидела осколки и, успокоившись, ушла восвояси... Когда опять послышался шум, сторожа и ухом не повела. Хотя на этот раз воры били отнюдь не стеклотару. Они преспокойно высадили окно, взломали несколько дверей и уволокли со второго этажа четырехсоткилограммовый сейф.

Произошло все это не в какой-нибудь заштатной конторе, а в Доме Советов Абхазии.

Говорят, смельчакам достался в руки замечательно хитрый сейф. Может быть, они до сих пор сражаются с дверцей чудо-изделия. Пускай помучаются. Тем приятнее им будет добраться до содержимого сейфа — нескольких печатей, часов, принадлежавших некогда кассиру, и трехсот «деревянных» рублей.

Дмитрий СЕМЕНИК

Осколки собирал
Кирилл РЫБАК.
Наш телефон 921-52-78
Рисовал К.РЫБАЛКО

ПОКА РАЗРЕШЕНО СВИДАНИЕ...

В сентябре вышли на волю шесть политзаключенных нашего последнего сугубо политического лагеря «Пермь-35». Пятерых помиловал Ельцин, одного — президент Киргизии Аскар Акаев. Указ о помиловании подготовил и принес на подпись Ельцину председатель Комитета по правам человека Верховного Совета РСФСР бывший заключенный пермской зоны Сергей КОВАЛЕВ.

И все равно это помилование — дело рук Запада. Запад встречался с ними еще за проволокой. К первому, навеянному перестройкой, приезду в «Пермь-35» иностранных дипломатов и журналистов в 1989 году зона была специально отремонтирована. Выкрашены все стены барачных, столовой, даже шизо. Водружена кокетливая решетка вдоль прогулочных дорожек. В комнату для свиданий завезена новая мебель. Очевидно, что сворачивать лавочку здесь не собирались...

Запад встречал помилованных у ворот зоны. 3-й секретарь посольства Нидерландов Тимен Кувенаар неделю дожидался в Перми, пока Указ Ельцина вступит в действие, названивал в Москву, торопил, форсировал перемещение документа по канцеляриям и секретариатам «Белого дома», покупал билеты на поезд и сопровождал эзков до Казанского вокзала.

Западная общественность увидела их на свободе прежде,

Валерий ЯНИН: «НА ВЕСТКЕ ДНЯ — ВЕНЧАНИЕ»

«Все юные годы я понимал, что наше общество идет не тем путем, что народ обманут» — так характерно, традиционнo-диссидентски говорит о своем «начале большого пути» политзэк с самой экстравагантной из помилованных «шестерки» судьбой, бывший пилот ВВС из Самары Валерий Янин. Антисоветчину, по его рассказам, он нес обманутому народу на каждом углу и на свободе, и в зоне. Вернее, в зонах, где побывал. К «Перми-35» шел долго. С 1974 года, когда приплыл самостоком в Турцию, прямо из лодки попал на турецкое бракосочетание, с ходу урвал там кусок «сладкой жизни» — свадебного пирога. Потом перебрался в Америку, потом обратно пересек Черноморье, инкогнито прибыл на Родину, где был поддержан в психболь-

нице, дважды судим, многожды избит, однажды искалечен в пермской пересыльной тюрьме, по последнему приговору попал в «изменники» по статье 64-й и должен был бы выйти в 2003 году. Вышел в никуда, в бомжи, а попал в объятия своей давней любви, да еще москвички, которая искала его 19 лет, ежегодно в День авиации послала поздравления на «Маяк» и в «Служу Советскому Союзу», не имея даже отдаленного представления о действительном месте службы Валерия Янина. Поэтому собирает он сегодня не столько политический капитал, сколько деньги на свадьбу. Ищет спонсоров своего венчания, обивает пороги всевозможных благотворительных фондов. Дворянское собрание обещало обвенчать бесплатно. Посольство Нидерландов — выделить машины. Некий самозасекретившийся советский миллионер — оплатить ресторан, куда званы в большом числе иностранные корреспонденты и дипломаты.

чем мы. После приема помилованных в «Белом доме», где они получили инструктаж — как себя вести, кому говорить «спасибо», — их представили глазам и фотокамерам участников СБСЕ. И уж потом устроили подряд две пресс-конференции, отдали на откуп журналистам и отпустили на все четыре стороны. Без выходного пособия, без средств к существованию, в большинстве — без определенного места жительства. Зато со статусом...

Перспективы у бывших политзаключенных, как говорится, «блестящи», но не безнадежны. Сегодня помилованные «диссиденты» нужны и Западу, и новой свободной России. Как символы. Россия некоторым образом очистилась перед миром, выпустив на волю своих, республиканским судом приговоренных «изменников Родины». Запад в некоторой степени облегченно вздохнул: правозащитное движение в России имеет и место, и действие, и живые результаты. И только очень невозмутимо, почти никак на красивый жест помилования «врагов народа» отреагировал этот самый советский народ. Не то, что ли, нынче время, не сахаровско-солженицынское, или просто устали мы, пресытились политическими играми?..

И все-таки символы-то эти — люди. Не «памятники режиму». И «Пермь-35» никогда не была галереей героев. И дела по статье 64-й в большинстве до сих пор засекречены: и в «диссидентство» всяк впадал по-своему, и закон зоны, закон оперативно-непрерывной игры остается в подсознании и на воле... Это на пресс-конференциях, перед мировой общественностью шестеро — монолит, единый отблеск костра под названием «ГУЛАГ». А дивиденды на политической волне каждый собирает в одиночку. Остается еще закон прозы жизни...

Попытаемся отвлечься от эйфории пресс-конференций, от мученического ореола жертв «империи зла» — переключиться на человеческие лица бывших эзков. Кажется, эти интервью с героями такую возможность читателю представляют.

Последним Валерий Янин кроме приглашений неустанно делает политические заявления: о недоверии к Комитету по правам человека, всему Верховному Совету России и лично Борису Николаевичу Ельцину, который давным-давно мог бы выпустить всю российскую «Пермь-35», но приурочил «милость» только к СБСЕ...

Александр ГОЛДОВИЧ: «ХОЧУ ПОКАЯТЬСЯ»

В интеллигентном москвиче физике Александре ГОЛДОВИЧЕ западные журналисты видят лидера группы помилованных. Именно ему доверили российские власти зачитать обращение к участникам Конференции по человеческому измерению. По выражению одного из помилованных, Алексея Шербакова, Голдович и сам «метит в Сахаровы». Голдович же сегодня не скрывает, что метит он по-прежнему — на Запад. На

пресс-конференциях он кажется из шестерых самым искренним. Единственный, кто публично заявил о своем «наивном» поведении на следствии, о собственной слабости и о том, что родился он (в отличие от остальных помиллованных) вовсе не в шкуре закоренелого диссидента. И разговор начал нетипично, не со слов «я всегда ненавидел советскую власть и боролся...»

— Когда я в 86-м году попал в зону, далеко не сразу включился в правозащитную деятельность. Сперва тихо завидовал активности «семидесятников», тем, кто сидел по «антисоветской» 70-й статье. Я понимал, что первый же шаг приведет меня в шизо...

— Вас, Александр Александрович, арестовали при попытке бегства из страны на надувной лодке. Вы ведь были только вдвоем с женой, каким же образом потом на следствии у вас появились другие?

— Беда в том, что я не мог лгать. Считал это низким. Искренне говорил: хотел уехать, потому что мне не нравилась здешняя жизнь. Плыл я действительно только с женой. Все свои так называемые антисоветские книги перед тем раздал знакомым. На следствии меня буквально по заглавиям спрашивали: а эту кому передали? То есть кто-то настучал... Теперь понимаю, я должен был молчать. Или врать. Но тогда могла заговорить жена, и все равно раскусили бы... Я стал говорить правду.

— Те, кого вы назвали, пострадали?

— Я не могу считать себя христианином, пока не принесу покаяние. Мне очень стыдно перед этими людьми, я должен на коленях просить у них прощения. Многие пострадали. В отношении сотрудника моего института Виктора Алексева было заведено дело о разглашении сведений, составляющих государственную тайну. Именно от него я узнал, что СССР проводит какие-то работы по созданию устройств, скрывающих ядерные испытания, — и это рассказал на следствии. По ст. 70 пять лет получили мои друзья Игорь Ивахненко и Андрей Миронов. С Игорем нас ГБ намеренно столкнули в сентябре 1986 года в 37-й зоне. «Подельников», в противоречие со всеми порядками, посадили вместе, чтобы подрались, как пауки в банке. Не вышло. Я решился подойти к Игорю. Два дня мы проговорили, запершись в душевой. Конечно, он меня не простил. Но и потехи для кагэбэшников не получилось. К счастью, Господь услышал мои молитвы. Игорь с Андреем просидели всего полтора года, попали под амнистию по статье 70-й, к 70-летию Великого Октября...

— Вы пусть чисто из правдолюбия, но содействовали ходу следствия. Однако вам вменили «измену», дали все возможное по 64-й, кроме «высшей меры»: 15 лет строгого режима и 5 лет ссылки. В вашем деле фигурирует какая-то фотопленка. Вы ведь работали в закрытом институте. Что-либо особо секретное отняли для заграницы?

— На этой пленке не было никаких

тайн. Да и пленки не было. Я ее выбросил в море, когда нас отлавливали бдительные советские рыбаки. Я просто сфотографировал свою квартиру в Москве, снял вид из окна, хотел потом сравнить — где придется жить на Западе. А потом признался на следствии. Поскольку пленка входит в классический джентльменский набор всякого шпиона — это и явилось способом протаскать меня во «враги народа»...

Виктор ОЛИСНЕВИЧ: «НА ЗАПАДЕ МНЕ БУДЕТ СКУЧНО»

Виктор ОЛИСНЕВИЧ в политзеки попал не прямой дорожкой. Бывший моряк срочной службы, сидел в 1981 году в «бытовой» зоне за разбазаривание военной амуниции. Отцу его администрация лагеря предложила за взятку облегчить жизнь сына. Обобрать отца обобрали, а жить сыну не стало веселей. Виктор Олисниевич начинает собирать компромат на лагерное начальство, делает записки о коррупции в зоне. Приятель Олисниевича по зоне начинает интересоваться его службой в армии, на атомной подводной лодке. КГБ открывает дело о попытке передачи секретных сведений. 10 лет нового приговора по статье 64-й.

— Так я попал в 35-ю зону, где начал повышать свой политический уровень.

— А теперь, по выходе, намерены продолжать?

— Если не дотяну до политической деятельности, буду заниматься правозащитной. В первую очередь бороться за освобождение тех десяти узников 35-го лагеря, кто там еще остался. Работы хватит. Система-то не изменилась. Это сейчас в «Перми-35» 10 человек, а завтра запросто может набраться все 10 тысяч...

— Вы, Виктор, кажется, из Кировоградской области. В Москве у вас ни прописки, ни жилья, ни работы. Не собираетесь бороться за свободу совести у нас оттуда — с Запада?

— Мне там скучно будет. На Западе жизнь стабилизирована. Я, конечно, намерен решать проблемы своей родины — Украины. Но я понимаю — вся зараза исходит из центра, поэтому пока я здесь. Сейчас в Москве бывший политзаключенный — «семидесятник» Алексей Смирнов создает общественный центр по правам человека. Зовет меня в пенитенциарный отдел, люди ему, говорят, вот так нужны. А где и на что жить — не знаю. Не волнует. Я готов работать бесплатно, лишь бы быстрее получилась у нас новое общество...

Алексей ЩЕРБАКОВ: «БЕЛЫЙ ДОМ» — БЕЛОМУ ДВИЖЕНИЮ»

Не собирается сегодня покидать Родину пытавшийся ей «изменить» посредством угона самолета без оружия Алексей ЩЕРБАКОВ. Сола-

герник Щербакова Александр Голдович так описывал прием помилованных в Комитете по правам человека при ВС РСФСР: «Это был монолог Леши Щербакова о наших победах и его роли как вождя. У него своеобразная позиция. Спорить с ней просто грех. Нельзя спорить со стихией, ее надо перетерпеть. Это наш памятник. То есть приверженец идеологии общества «Память». Я его считаю просто фашистом...»

Алексей Щербаков радуется каждой возможности высказать свои убеждения. 15 лет лишения свободы и 5 лет ссылки он и получил за свое истинное проповедническое многословие на следствии.

— Идея русского движения во мне вызревала лет с 16-ти. Путем серьезных размышлений над историей России, династии Романовых я приходил к выводу, как мало русского в советской жизни...

— А чего много?

— Чуждого русскому. Я не антисемит, поверьте. Но ведь бесспорно: идея мировой революции нашла опору именно в монолитном еврейском народе, в 3 миллионах евреев, которые проживали в российской империи на 1917 год... И когда я понял, что людям надо открывать глаза на потерю своего национального достоинства, я решил — пора делать новых людей. Подобрал свой круг друзей, из которого и начал распространяться российский ренессанс... В 1979 году у меня был первый облык. А к 1985-му созрела идея эмиграции. Я хотел из Парижа продолжать работу возрождения России...

— Алексей, для вас как-то менялась обстановка в лагере с перестройкой?

— Если раньше за разговоры можно было угодить в чистопольскую тюрьму, то теперь всякие несвоевременные мысли вслух приводят только в шизо. А «наводчики» как были, так и есть. Многие приняли условия игры: сиди тихо, слушай и шепчи — и все тебе будет. Это «все» имело примерно такую же цену как окур для ничего...

— Но демократические перемены в России как-то трансформировали вашу «русскую идею»?

— Я еще в 1987 году предрекал крах перестройки. Это ведь вынужденная мера. Третий период демократизации с 1917 года. Первый, нэп, связан с недостатком ствольной артиллерии, авиации и флота. Хрущевский — с нехваткой ракет и бомбардировщиков. Горбачевский — с космическим вооружением. Коммунисты еще играют свою игру, у дракона лишь одна голова отрублена, а 2 другие пляшут вокруг обрубка и кричат: глядите, дракона нет! Скажем, Крючков — одна голова, ортодоксально-коммунистическая, отрублена, а коммунистические лицемеры-либералы все — у власти, у большой политики трутсы. Горбачев, Ельцин, Яковлев, Шеварднадзе несколько лет назад составляли Политбюро... Новая российская власть в лучшем случае превратится в антикоммунистическую, а любое «анти» — про-

цесс разрушительный. Не столько сегодня надо добывать коммунизм, сколько восстанавливать Россию.

— Вы вышли из зоны со своей позитивной программой?

— «Белый дом» — белому движению. Вот моя программа. Образование православно-демократического союза. Любый демократ должен быть национальным патриотом. И самое страшное для России — русофобия.

— А вы где-нибудь наблюдали эту «фобию» в действии?

— В лагере были люди, которые утверждали: русский народ — это быдло. Как правило, подобную чушь несли нерусские. Голдович и Казачков, например, — яркие русофобы. Ты ведь, говоришь мне, не станешь отрицать, что слово «славяне» произошло от «склявы», «рабы». Нет, отвечаю, «славяне» — от слова «слава». Так я и попал в шовинисты.

— А как конкретно вы намерены реализовать свою программу возрождения патриотизма в России? У нас сегодня с избытком хватает разных патриотических течений, свободное место найти не легко...

— Это демократы расколоты и обособлены. А патриоты делятся только на две партии: на красных и на белых. Мне ближе последние. Патриотическому движению сегодня просто не хватает сильного лидера. Я обращаюсь к русскому народу с воззванием. На страницах «Литературной России», надеюсь, мне удастся опубликовать некое свое, слабое подобие «Былого и дум»... Будет своя партия, будут свои печатные органы, будет «круглый стол», который и поднимет вопрос о возвращении династии Романовых или же сочтет нужным искать наследников юриковичей для российского престола...

Валерий СМІРНОВ: «ПОХОДИЛ И Я В САМСОНАХ»

Бывший политзаключенный Валерий СМІРНОВ с Алексеем Щербаковым не здороваются даже на официальных приемах. Из-за этой внутризонной неприязни в беседах с корреспондентами всегда подчеркивает: угон самолета — никакое не политическое дело, а подлинно преступное. Сам Смирнов проходил по ст. 64 как невозвращенец. Который почему-то скоро вернулся. На пресс-конференциях обязательно заявляет, что не имел доступа к секретной информации, а потому шпионом не стал бы даже при очень горячем желании.

— Вы, Валерий, специалист по электронно-вычислительной технике из Воронежа. У вас была успешная карьера, вы работали в Москве, выезжали за рубеж...

— Мне никто никогда не помогал, не протезировал. Окончил Воронежский университет, преподавал там программирование, поступил в аспирантуру в Москве, в Институт электронных управляющих машин, потом стал ездить...

— Вы ведь были членом КПСС?
— Отнюдь не по идеологическим соображениям. Попал туда по мобилизации, в связи с процентным отношением в партии, когда был на пролетарской должности в вычислительном центре. У меня в семье не было коммунистов, деда в свое время репрессировали, о какой горячей любви к режиму говорить? Даниэля и Синявского судили, когда я был очень молод, не имел доступа ни к самиздату, ни к «вражьиим голосам», но, честное слово, всегда ведь было видно — идет травля, и совесть не может молчать...

— Вы были «выездным», а значит, всегда «под колпаком». Перед каждой «загранкой» — беседы с представителями соответствующей организации?

— Самый забавный случай был летом 1980 года. Афганистан в разгаре. Идет бойкот Олимпийских игр. У нас контракт с частной фирмой в Норвегии, которая занимается микропроцессорной техникой и собственным программным обеспечением. Нас, выезжающих, вызывают и дают такой инструктаж: в случае если вы попадете в переделку, не признавайтесь, что вы из Советского Союза...

— Можно сказать: вас подталкивали? Внедряли? Существует, знаю, специфическая работа за рубежом в области вычислительной техники — раскодирование программ...

— Да, должен признаться — это было моим основным направлением работы.

Основным для моей лаборатории, да и всего института. Декодирование программ. Попросту — пиратство.

— Как все же вы дошли до статьи 64-й, до «измены Родине», если нормально трудились для нее по принципу «все в дом»?

— Дело мое — чистая фабрикация. Сам факт отказа вернуться на Родину — достаточное основание для обвинения по 64-й. Мне стало с течением времени противно быть неким исключением, которому доверяют ездить в Норвегию. Со мной в лаборатории работали талантливые ребята — для них граница всегда оставалась на замке. Пятый пункт мешал, нечленство в партии... Как раз когда я находился в Осло в 1981 году, Андрей Дмитриевич Сахаров и Елена Георгиевна начали свою первую голодовку. А я всегда знал и не мог примириться, что Сахарова травят. Я решил: надо протестовать.

— Но ваш протест был не очень последовательным. В отличие, скажем, от Корчного, Гордиевского, вы все-таки скоро вернулись...

— Я никогда не задавался целью обезопасить себя, убежать, все бросить — жену, детей. Рассматривал разные варианты. В том числе и сотрудничество с ЦРУ. В Норвегии я пробыл недолго. Службы безопасности мне объяснили — надо перебираться подальше от советских границ, в Штаты. Меня перевезли в Мюнхен на американскую военную

базу. Сменили документы, дали мне фамилию Сэмсон, так что походил и я в «Сэмсонах». Долго зондировали меня. Проверили на полиграфе, детекторе лжи. Гарвардские тесты применяли — на выявление черт личности. Пропустили через медкомиссию. Я потом честно все это рассказал в Лефортово, так меня даже на психэкспертизу в институт Сербского не направили, хотя обязаны были бы — статья-то расстрельная. Полное доверие к американским «фильтрам»...

— А американцы вас уговаривали остаться?

— О, конечно. У нас чисто по-человечески сложились прекрасные отношения. Последняя серьезная беседа у меня с ними была в госдепартаменте в Вашингтоне. Там присутствовал первый секретарь советского посольства. Я сделал вызов системе и собирался вернуться. Американцы предупредили, что меня ждет тюрьма. Наш посольский работник замахал руками: что вы, что вы, максимум — «строгий выговор»...

— Но вы и получили минимум по 64-й: 10 лет. Почему такая гуманность к человеку, на деле общавшемуся с западными спецслужбами?

— Много загадочного в моем деле. Потом, во время отсидки, я начал понимать, что на меня рассчитывали. Все лагерные годы я испытывал на себе жесткий прессинг, меня хотели сделать агентом, тайным осведомителем...

Разные они, бывшие «изменники Родины», «шпионы», «диверсанты», «невозвращенцы». Кто, кому, с кем и чего ради изменил — вопрос на сегодня, пожалуй, риторический. Но время, пожалуй, вспомнить заново ополщенное слово «Родина-мать». И потому напоследок — монолог матери. Которую сын не предавал. И которая не предавала его.

— Мой сын Александр Голдович был признан врагом народа. За попытку бежать из страны. Меня он не посвящал в план бегства. Но если б я знала, я б ему помогла. Меня, родную мать, запугивали на следствии. Допрашивали в КГБ, не выпуская, с

11 часов утра до 10.30 вечера. Заставляли подписать бумагу против моего сына: я, мол, патриотка России, со взглядами сына не согласна. Я отвечала следователю: мне все равно, каков мой сын — беленький, черный, — он мне сын, и плевать мне на все ваши грамоты!..

Все они — сыновья. Враждующие или сплоченные, но мать у них одна.

Просто очень она у нас непутевая...

Аэлига ЕФИМОВА

**МИКРОВОЛНОВАЯ
РЕЗОНАНСНАЯ
ТЕРАПИЯ! НОВЫЙ
ВЫСОКОЭФФЕКТИВНЫЙ
МЕТОД ЛЕЧЕНИЯ
ЯЗВЕННОЙ
БОЛЕЗНИ И 12-ПЕРСТНОЙ
КИШКИ!**

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «НЕВРО-МЕД»

**113184, Москва, Б.Овчинниковский пер.,
дом 17/1, строение 3**

Безмедикаментозное лечение язвенной болезни и двенадцатиперстной кишки методом, разработанным Межотраслевым научно-инженерным центром живой и микроволновой терапии «Видгук» при СМ УССР.

Лечение микроволновой резонансной терапией протекает без побочных эффектов, вдвое сокращает период лечения, осуществляется в амбулаторных условиях и проводится высококвалифицированными специалистами.

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНАМ: 233-16-34, 232-52-86

Сергей МИТРОФАНОВ

ДЕЛО № 7407:
УБИТАЯ НЕВИНОВНА

Размышляя о причинах трагичного, невольно поражаешься той неумолимой силе обстоятельств, которая из искры необязательных причин раздувает пламя закономерного несчастья. Кто-то где-то у нас в стране недовернет второстепенную гайку, кто-то где-то неправильно поймет казенный слог инструкции, и вот уже самолеты врезаются, поезда сталкиваются, служители порядка стреляют в мирных граждан, гибнут люди... И в общем-то из-за чепухи!

Кажется, открути стрелки часов назад, чуть-чуть измени череду случайностей, и как будто ничего не произойдет.

Но нет... Реальность — неумолима, и только в несчастьях мы начинаем верить, что в этой неумолимости кроется что-то более значительное, чем случайность.

А вы знаете, — сказал Александр Гуров (адвокат), — еще пять лет назад этого дела быть не могло.

Те же мысли пришли в голову и мне. Еще пять лет назад обычная городская свадьба никак не должна была кончиться убийством. Могло быть что-нибудь другое. Пьяная драка, например. «Потом дралась не по злобе, поймали жениха и долго били». Мог быть несчастный случай. Но в любом случае на всех хватило бы водки, соседи и дружки из числа неприглашенных за стол натягивали бы веревочку, хозяева, смеясь, откупались бы за бутылку. И милиция смотрела бы сквозь пальцы на шалости населения...

Однако в конце 1990 года социальная неустроенность и всеобщий психоз, по видимому, уже внесли коррективы в то, что мы называли «русский характер», окончательно столкнув наш быт и уклад. Когда семья Кондратьевых справляла свадьбу своего двадцатиоднолетнего сына Романа, в голове у них все щелкало — количество бутылок и закуски постоянно делились на количество приглашенных и умножались в очень маленькую сумму.

Трагедия же в том, что местная молодежь, родившаяся в социалистический застой, воспитанная при капиталистической перестройке, а жизнь обреченная в эпоху экономической неразберихи, считаться с этим еще не привыкла. Человек 20 приятелей жениха толпились на лестничной площадке. Тусовались, пили и хотели выпить. Наиболее «общительные» звонили в дверь. Наиболее «солидарные» произносили тосты. Кто-то «поддал» на свои, кто-то хотел добавить за чужие. Под шумок, говорят, являлись какие-то совсем уж незнакомые люди: пришли два алкаша, которых никто потом больше не видел, ультимативно потребовали у хозяев на выбор либо тысячу рублей, либо ящик водки. Пока, однако, с ними разбирались, «общительные

и солидарные» как-то скооперировались, зачем-то отломали у софы ножку (софу до этого вынесли в коридор) и тут же кинули ее в сторону хозяев. Признаться, есть от чего озвереть.

И тогда Кондратьевы позвонили в 71-е отделение.

И опять же ничего страшного еще не произошло: отломанная ножка и телефонный звонок не убивают. Кондратьевы не желали скандала и не рассчитывали ни на что конкретное, просто они надеялись, что появившаяся фигура человека в форме сама собой станет гарантией спокойствия. Пять лет назад так оно и было бы...

А в это время еще одна теплая компания блуждала по праздничным этажам. Случайность?

Девятнадцатилетние Олег Бобков, Владислав Поляков и Наташа Урусова. Как было установлено потом судом, никаких хулиганских действий они не совершали, лично дружили с женихом. Есть даже показания, что в какой-то момент их зывали за стол и, следовательно, обижаться на хозяев они никак не могли. Роман жил на 14-м этаже, а Олег Бобков на 13-м. Кроме бедовой цифры 13, на беду Бобкова он еще был ранее судьим и в настоящее время как бы отбывая наказание на стройках народного хозяйства.

Итак, на дворе было 25 января 1990 года, 23 часа. И никто, как пишут в детективах, еще не знал, что вышеназванные (совсем не страшные) обстоятельства уже мостят дорогу к трагедии. А в это время дежурный 71-го отделения получил вызов. Сформулировал указание «пресечь хулиганские действия молодежи, пытающейся сорвать свадьбу», он передал его милиционерам — Обласову и Кузину (шоферу). Назвал адрес: улица... дом... этаж...

Получив указание, милиционеры тоже не знали, что их ждет, но, как всякие советские милиционеры, были готовы ко всему. Они были готовы к тому, что вы-

зов может оказаться серьезным, что выезжают на вражескую территорию (где живет злобное, измученное экономическим кризисом народонаселение), что в темноте может прятаться враг, что их могут ранить из-за угла, захватить в плен, отобрать оружие, что кругом мафия. Об этом ведь каждый день пишет пресса и рассуждает телевидение.

И произошла нелепая и странная случайность. В 23 с небольшим, увидев подъезжающую машину, подростки Бобков, Поляков и Урусова решили на всякий случай уйти с конфликтного места и спустились этажом ниже, а милиционеры, наоборот, войдя в лифт, нажали не на тот этаж.

И все равно бы ничего не произошло, если бы все действующие лица не сделали поправку на «изначальную враждебность среды». Когда на 13-м этаже, где жил Бобков, подростки увидели неожиданно появившихся из лифта милиционеров, один из них якобы крикнул: «Бежим!» (Бобков ведь не забывал о своей судимости) — и кинулись в квартиру, а милиционеры, действуя все по той же шизоидной схеме «кругом враги», кинулись вслед за «убегающим противником».

Потом свидетельские показания будут сильно расходиться. Во-первых, все, что произошло, произойдет в какие-то минуты и все будут действовать в возбужденном, почти истеричном состоянии. А во-вторых, защищать себя — законное право граждан. И еще потому, что ни в одной стране мира, кажется, так не перепутаны интересы всех и каждого, как у нас, и ни в одной стране мира так трудно не восстанавливается истина.

И поэтому сейчас имеет смысл говорить лишь о том, как все могло быть.

Каждому событию стороны дали свое объяснение. Результирующая же их тактика. Кинувшись вслед за Поляковым, который, по одним показаниям, убежал, а по другим — даже не видел милиционера, а просто заходил последним в квартиру, милиционер Обласов оказался зажат входной дверью, которую пытались закрыть и мать Олега Бобкова, и сам Олег, и Поляков, и Наташа Урусова. Шедший сзади милиционер Кузин сначала попытался остановить напарника, крикнув, что они ошиблись квартирой, а потом пришел на помощь, которая выразилась в том, что он попытался «пропихнуть Обласова внутрь». Представляется, что все это сопровождалось криками, в которых были перемешаны испуг и ярость. В это время сзади на Кузина (по его показаниям) напали две девушки и нанесли ему «легкие телесные повреждения, не повлекшие за собой кратковременное расстройство здоровья». Очевидно, в глазах девушек происходившее выдвинулось так: два сумасшедших милиционера вламываются в квартиру к знакомым.

Общими усилиями они-таки все пропихнули Обласова внутрь, дверь захлопнулась, а Кузин заметался по лестничной площадке. За дверью что-то прои-

сходило, кто-то падал. Потом многочисленные свидетели скажут, что слышали крики Наташи Урусовой: «Не бейте, мне больно». Кузин этих криков не услышал.

Возможно, Кузин действительно не услышал этих криков, потому что решил, что произошло то, чего они всегда опасались: товарищ попал в плен, его захватили. Выхватив пистолет, одно мгновение он думал стрелять в замок. Что бы тогда было — одному Богу известно. Свидетель Денисова, одна из тех девушек, которая якобы напала на него сзади, скажет: это она не дала ему выстрелить, за что получила удар по спине. Потом Кузин побежал в соседнюю квартиру, вызвать подкрепление. Дверь, естественно, не открыли — сработал стереотип всеобщей гражданской войны.

И в это время Кузин услышал выстрел в квартире.

Оказавшись в квартире, «отрезанный от своих», Обласов поддался панике (по показаниям остальных — приступу неконтролируемой ярости), он размахивал дубинкой, ударил мать Олега Бобкова, Наташу Урусову схватил за волосы. («А что бы вы сделали в этой ситуации?» — спросил меня адвокат Гуров.) В ответ на удар дубинкой по лицу Наташа Урусова ударила Обласова ногой в пах и оцарапала лицо, а подростки, как они потом сказали, «отмахивались». Тогда Обласов загнал всех троих на кухню, в какой-то момент поменялся с ними местами и, оказавшись у окна, выстрелил. Пуля прошла сквозь одежду Бобкова.

Допрошенный в качестве потерпевшего, Обласов будет утверждать, что в квартире на него набросились, вырвали дубинку и, продолжая избивать, загнали на кухню. И тогда, оказавшись у окна, он упал на колени, выронил пистолет, а поднимая, выстрелил.

Пуля прошла сквозь одежду Бобкова, не причинив ему вреда. Но стоящая чуть сзади Наташа вскрикнула и стала оседать по косяку кухонной двери на пол. Пуля попала в низ живота. Она умрет.

Для живых неумолимый факт случившегося провел грань между жизнью до и жизнью после. Отныне и вырванная ножка софы, и толкучка на лестничной площадке, и другие, по сути, малозначащие события будут окрашены фактом случившегося, их будут вспоминать и объяснять.

Произошло убийство — надо спасать.

Из показаний Обласова.

Уже после выстрела Бобков ударил Обласова по голове, цинично стер с дубинки отпечатки пальцев и выкинул ее в окно.

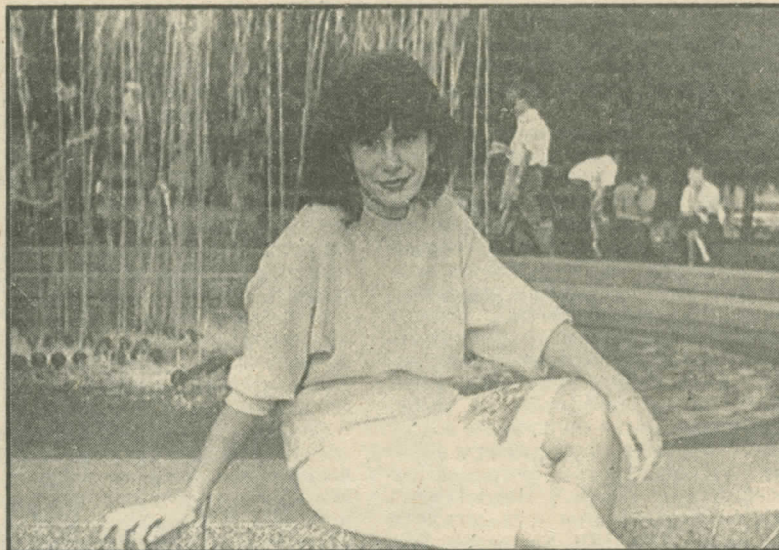
Из показаний Кузина.

Дубинка найдена под окном. Отпечатков пальцев на ней нет.

Из показаний свидетелей.

Дубинку у Обласова никто не отнимал, она находилась у Обласова в руке.

(И «правые» и «виноватые» полагали, что наличие или отсутствие отпечатков пальцев на дубинке по-разному позволят толковать картину происходящего:

кто в действительности кого бил в квартире.)

Вот с таким комплексом противоречий дело и было заглотом нашей машиной правосудия.

Я не знаю, как было бы в другой стране, в стране, которую мы теперь называем цивилизованной. Возможно, это дело сразу выдернули бы из социального контекста, возможно, этим сразу же бы занялась «какое-нибудь ФБР», подключились пресса, адвокаты, детективы, сенаторы, пошел бы взволнованный разговор о правах полиции, о допустимом насилии. Здесь же все происходило очень странно. Приехали сотрудники того же 71-го отделения. С одной стороны, для них хорошо — можно «подчистить», с другой стороны, для них же плохо — им потом все равно никто не поверит. По показаниям свидетелей, милиционеры вели себя нервно, кричали, никому ничего не объясняли.

Бобков и Поляков были тут же арестованы. В камерах КПЗ они проведут по крайней мере три дня и три ночи и только потом встретятся с независимым представителем воли — с адвокатом. Бобков и Поляков покажут, что ночью к ним в камеру заходили, били, угрожали, предлагали повеситься.

Может быть такое, что этими рассказами они просто хотели лишний раз обезопасить себя? Может. Но, к сожалению, все это может быть и правдой. Даже в том случае, если бы милиционер был и не виноват — слишком велико искушение использовать такую возможность. «Следствие закончено — забудьте», — как говаривают в Италии.

Обласов же побегит сделать экспертизу на предмет алкоголя, потому что умом милиционера сообразит: противник будет использовать против него любой возможный аргумент. И действительно, свидетели защиты — соседи потом покажут, что скорее всего милиционер был пьян и потому не контролиро-

вал ситуацию.

При этом произойдет еще одна странность, которая, кажется, может произойти только у нас: хотя экспертиза будет проведена знакомым врачом и в наркологической больнице, находящейся на территории 71-го отделения, однако в акте экспертизы будет отсутствовать «главный атрибут данного документа — указание на наличие либо отсутствие алкогольного опьянения».

«Так в графе 13 данного акта указано, — говорится в документах суда, — что у него изо рта присутствует запах алкоголя, в то же время в графе «Заключение» указано, что Обласов трезв... Кроме того, данный акт не подписан Обласовым».

Следователь прокуратуры (хватило ума перевести дело в прокуратуру другого района), проведя предварительное расследование (как у нас проходят расследования — особый вопрос) и сгруппировав факты, в конце концов предъявил обвинение Бобкову и Полякову (по статье «хулиганство»), и убийца по его логике вышел... пострадавшим. Вопрос: а кто тогда убитая? — вроде бы как и не встал.

Потом юристы мне объяснили, как могло получиться, что в яростном разбирательстве, кто на кого напал в квартире, вообще ушло, что при этом убили человека. Объяснили, но человечески этого я не понял. Об убитой следствие сказал: «... уголовное дело в отношении нее прекращено в связи со смертью по п.8 ст.5 УПК РСФСР». Радость-то какая!

Чуть в сторону. Как-то в застойные, правда, времена по одному своему вопросу мне пришлось обращаться в прокуратуру. Мое тогдашнее впечатление пострадавшего: в пустынных кабинетах загруженные папками уставшие женщины, похожие в лучшем случае на детских врачей-психиатров, обращаются с запросами туда-сюда, получая ответы от

самих же жуликов, проверка дробится не по связанным друг с другом организациям, превращаясь в бумажную канитель. В общем, грузите апельсины бочками.

Так и здесь. Сделав запрос на Бобкова по месту отбывания наказания, от одних и тех же людей следствие получило сразу две характеристики. Адвокат получил хорошую (адвокатам принято давать хорошие характеристики), следовательно — плохую (потому что следователям принято давать плохие характеристики). Судебно-медицинская экспертиза провела исследование трупа Урусовой, но, во-первых, заключение было выдано только по прошествии (как у нас обычно бывает) значительного времени, во-вторых, вроде бы поначалу его забирал кто-то из 71-го отделения, а в третьих — в нем почему-то (очередная оплошность или умысел?) отсутствовало описание головы убитой. А свидетели на суде будут утверждать, что видели разбитую губу и кровь...

И никто (кроме милиционеров 71-го отделения) даже потом не приехал на место трагического происшествия. Говорят, Бобковы в течение месяца или двух не смывали кровь...

Когда я задумывал писать этот очерк, больше всего я мучался тем: а что главное в описании этой череды нелепых и злых случайностей, превращающихся в нелепую и злую закономерность? Зачем? Что я собираюсь сделать: удивить, испугать? Ведь факт обнародованный имеет тенденцию становиться фактом общественной жизни. Он как бы становится больше себя. Хотим ли мы настроить население против милиции? Хотим ли мы милицию настроить против населения? И то и другое чревато многими новыми трагедиями. Позже, когда мы сидели с Гуровым в здании суда, он сказал: «Это дело таково, что тут подходить

нужно очень тонко. Можно ведь повернуть так, как у нас любят, что милиция вся сплошь коррумпирована, что ее нужно бояться. Но это будет неправильно. Многие милиционеры гибнут, выполняя свой долг.»

Может быть, главное заключается в осознании той опасности, которая кроется в неблагоприятных социальных условиях, в незримой гражданской войне, которую уже несколько лет ведут все против всех? Причем политики должны осознать, что они имеют дело с людьми нестабильной психики, а правоведа — что любой человек, выпавший из привычного круга общения, в котором его поддерживают родственники и друзья, по-прежнему абсолютно незащищен.

Вот она реальность. Разбираясь в одной из множества историй, поражаешься неоднозначности финала. При одних и тех же исходных данных могут посадить в тюрьму, могут выпустить на свободу. Могут расследовать убийство, а могут расследовать факт отломанной ножки от софы и сделать так, что «убитая будет всего лишь невиновной».

Поражает, что в суде это дело могло повернуться по-разному, оно могло кончиться тюремным сроком для обвиняемых, если бы их заставили доказывать свою невиновность, и могло кончиться освобождением из-под стражи, если бы следствие было поставлено перед необходимостью доказывать обвинение. В суде присяжных такого бы вопроса, по-видимому, и быть не могло. Здесь же очень многое зависело от личности судьи.

К счастью (для обвиняемых), судья Тарнопольская пошла по второму пути — по которому, впрочем, уже давно идет вся мировая юриспруденция.

И обвинение рассыпалось.

Свою защиту Гуров построил на том, что Обласов ошибся адресом и ворвал-

ся в квартиру. Все, что происходило потом, — функция от его неправомερных действий.

Гуров: «Вы знаете, а ведь они так и не дошли до той квартиры, куда их вызывали. Самое интересное, что они не дошли туда и потом. А если бы там действительно что-нибудь происходило?»

Позицию Гурова подкрепил акт судебно-медицинской экспертизы, из которого следовало, что Обласов стрелял стоя, а не лежа на полу, как он утверждал первоначально. Экспертиза, во-первых, показала неискренность милиционера, а во-вторых, ставила под сомнение утверждение, что его состояние было критическим. Простодушное объяснение, что он не сделал предупредительный выстрел, потому что боялся «непредсказуемых последствий», т.е., что пуля отскочит и попадет в самого Обласова, еще больше подорвало позицию обвинения.

Из приговора: «Суд полагает доказанным, что Обласов путем применения оружия защищался от нападения, однако нападение это было вызвано неправомерными действиями самого Обласова, что давало основания Бобкову, Полякову и Урусовой для применения к Обласову насилия. Применение Обласовым оружия при подобных обстоятельствах суд признает неправомерным».

Из приговора: 12 сентября 1991 года народный суд Люблинского района под председательством народного судьи Тарнопольской Т.Г. ПРИГОВОРИЛ: Бобкова... Полякова... оправдать, освободить из-под стражи в зале суда.

Так закончилось это дело. Закончилось? То, что было ясно суду, так и не стало ясно следствию.

Прокуратура обратилась с короткой жалобой, оставляя возможность внести протест.

Мать Наташи Урусовой так и не получила ответ на вопрос, есть ли виновник убийства дочери.

За кадром остались и недобросовестность следствия, и принципиальная возможность фабрикации показаний.

За кадром остался конформизм должностных лиц.

Пока демократы спорили, кому быть начальником ГУВД Москвы и какие законы в нашем обществе приоритетны, вопрос правовой реформы был по-прежнему открыт.

ДОМ — ДЕТСКИЙ. НО АВТОРСКИЙ

Повезло лишь одному из тысячи московских сирот

Нас обвинили в том, что мы пришли в детский дом как «сексуальные маньяки». Первая версия. Потом были «гомосексуалистами», потом — «садистами». Потом получилось, что мы просто «скандальные люди». Оказалось даже, что я не Дмитрий Карпов, а Давид Карп и создаю еврейский элитарный детский дом и вожу детей в синагогу. И с их помощью пытаюсь очернить наше общество... Одно из таких писем было даже направлено Крючкову.

Я убедился, что дети-то были нужны только тогда, когда под их знаменами собирали деньги и открывали предприятия, которые не облагаются налогами...

Стена.

Стена дала трещину. Сегодня десять детдомовских мальчишек и девчонок, поселившиеся вместе с Дмитрием Карповым, ныне руководителем авторского детского дома, в роскошных номерах гостиничного комплекса «Измайлово», — в недосягаемости.

Дима младше меня на пять дней. Это по возрасту. А по опыту старше как минимум на пять лет, за которые так и не

разобрался с «личной жизнью», отдал свою молодость, последние деньги, посадил сердце. И все из-за чего: из-за этих детишек, которые не отходят от него ни на шаг, которые поверили ему однажды — и не ошиблись.

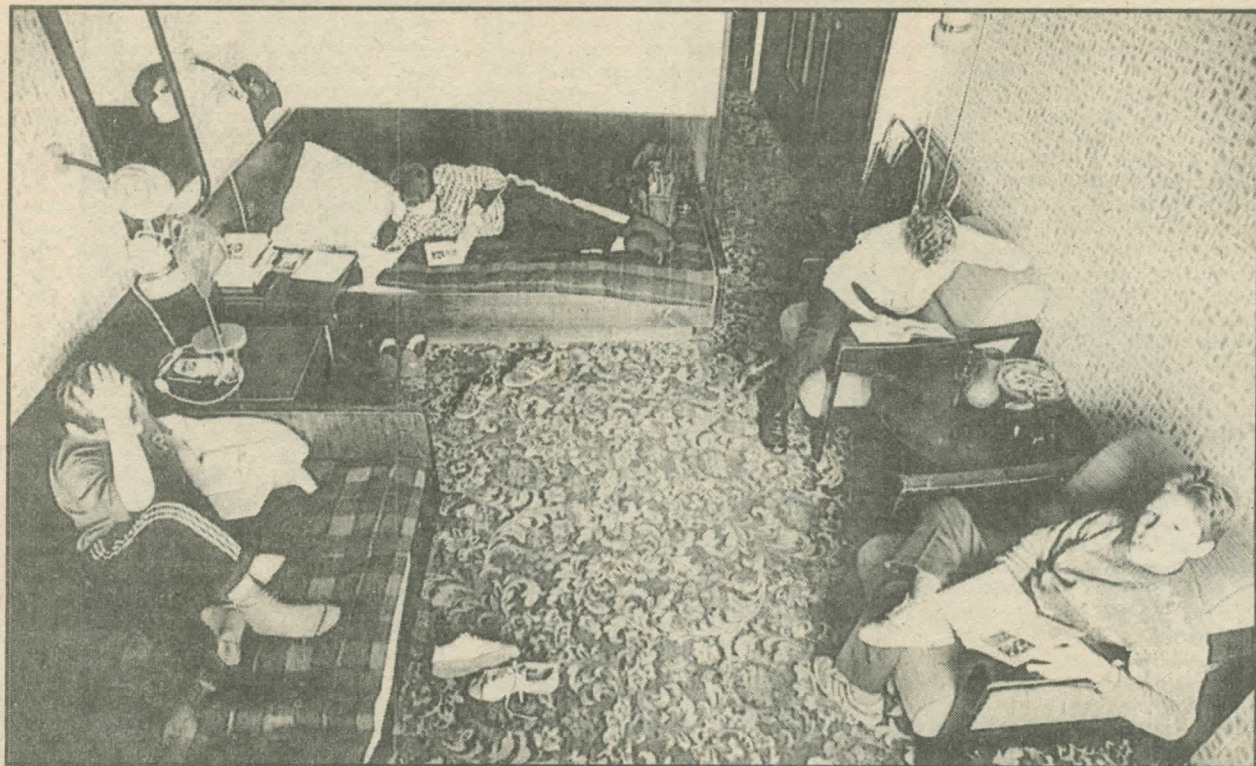
Мы беседовали с Димой, как Скорпион со Скорпионом. Правда, в отличие от меня он, кажется, не читал гороскоп Тамары Глобы на этот год, а посему не

предполагал, что осень станет наградой за долгие скитания, порой удач и перспектив. Более того, он даже не знал о существовании настоящего Давида Карпова — одного из еврейских религиозных лидеров, с которым кто-то хотел его спутать. Пути господни неисповедимы.

Собственно, говорили мы не один на один. Третьим был Саша Ярчевский — третьим, но не лишним, поскольку Диме пришлось на время отлучиться (детям привезли одежду, и где-то поблизости шла примерка) и никто не мог заменить его лучше Саши. Тем более, что в 8-й детский дом Тимирязевского района Москвы пять лет назад они пришли вместе и с тех пор почти не расставались. Только в последний год.

«Мне было проще: как бы не я начал все это...» У Саши есть семья, музыка, гастроли его группы в Штатах. И эти дети как бы вдобавок к своим собст-

венным. У Димы — только эти дети, и ничего больше. Десять воспитанников. Я видел их — все десять зашли, чтобы похвастаться обновками. Последнюю девочку привел Дима: «Смотри, Сань, костюм какой». — «Мы уже оценили, Дим. Я второй раз вынужден сказать: как жаль, что я не твой воспитанник».

Этот «второй раз» прозвучал настолько естественно, что я просто наглядно представил, как восприняли когда-то детдомовские ребята появление молодых воспитателей, которых не надо величать по имени-отчеству, а можно просто «Дима» или «Саша», которые не стеснялись пожать руку. Хотя дело даже не в этом. Дело в сути отношений, которые сложились в детдоме.

Как водится, заведение это было вотчиной районного начальства, и его не стыдно было показать даже иностранцам. Это уже потом новички разобрались, что кроется за внешним лоском. Они узнали, что происходит ночью. Не администрация (царь и бог, с талантом достать и выбить, но с претензией на непогрешимость в психологии и педагогике), не шефы (по словам Саши, «скромная, неиссякаемая, энергично жесткая интеллигенция — доброжелатели в лучшем смысле слова») и тем более не районный партийный босс откачивали детей, «наглоукавших» до полусмерти. Дима и Саша изымали их с ночных улиц, отогревая чаем и музыкой. Наконец, именно они, иногда с помощью тех же доброжелателей, всеми праведными пу-

тями вытаскивали ребят из психушек и из-за решетки. А потом слушали исповеди: что пережили в клинике, в спецшколе, в спецПТУ, в колонии, куда та же администрация отправляла ребят «по этапу». Наконец, что с ними делали «ученые мужи» и воспитатели у себя дома...

Наверное, и сегодня кто-то, исчерпав (хочется верить!) все средства вернуть этих ребят в старые стены, нашептывает в поднебесных кабинетах: это же дурдом на выезде! Ведь над диагнозом медицинские корифеи долго не думали: олигофрения в степени дебильности, и basta. Димины дети и в самом деле самые трудные: прошли все психушки Москвы. Но эти «дебильные» сумели же наконец разобраться, что в дебильных условиях другими быть просто невозможно, и, не сговариваясь, ушли вместе с Димой...

Кто только не задействован в этой истории. Включался (и выключался) Детский фонд. Еще в детском доме устами зампреда правления фонда заступился за воспитателей: мол, дайте молодым развернуться. Не дали. А когда молодые попросили пригласить в детдом специалистов по психокоррекции детей, и вовсе надолго скрылся из виду. Потом, правда, приютил было беглецов: сперва в санаторной школе, а затем — где бы вы думали? — в реабилитационном центре, что расположился на бывшей даче Ворошилова и Шеварднадзе. В помещении под ремонт. Однако и здесь кончилось скандалом. Слишком уж очевидный

контраст: они ютятся на птичьих правах, а рядом пустуют две дачи — Бирюковой и какого-то разведчика. Точнее, не пустуют даже — используются новым хозяином, тем же Детским фондом, под гостиницу. Лиханова «подставили»: спросили в одной из телепередач, что он думает по этому поводу. А через несколько дней детей с довольствия сняли, и в тот же вечер с экрана телевизора прозвучало, казалось, риторический вопрос ведущего популярной телепередачи: мы, мол, накормили, а кто накормит детей завтра?

Собственно, вся страна могла к тому времени в лицо знать своих героев. Телевидение какое-то время было их единственной «крышей»: они «засветились» во «Взгляде», «Ступенях», в передачах «До 16 и старше», «Добрый вечер, Москва!». Там, кстати, Дима получил и лестное миллионное обещание, и покровительство. Но не кров. Кровом некоторое время служила его однокомнатная квартира, а потом, когда выпроводили из Москвы, дача в Подмосковье. Обошлись сотней банок тушенки, тридцатью плитками шоколада, выданными за расписку о невъезде в столицу, 3 тысячами (Димиными личными сбережениями) и 3 сотнями, полученными всей компанией за помощь соседям по даче.

Дима не сторонник экспроприаций. Да и милостивно просить не позволит. Впрочем, и мы «разучились нищим подавать», как сказал поэт, — на это тоже приходится делать скидку.

Нашелся, впрочем, человек, позвонил, и, услышав из уст ребенка, что они все еще на квартире у Димы, наутро привез всех в свою гостиницу и поселил в четырех номерах. Полное содержание. Ресторанное питание. Полное медицинское обследование. Сауна с бассейном по графику. По три куртки каждому на все сезоны, по четыре пары обуви. Поездки на Клязьму с катерами и лошадьми...

Да что там сауна: туалетную бумагу дети впервые увидели, в детдоме Толстой с Достоевским шли в дело. И отдельная кабинка в туалете. И комната с цветным телевизором на троих, а не абы какая, на целый полк. И чистота. И тишина. И библиотека... Что еще?

«Я думал, он продержится неделю. Ну, две, три... Каждый день!» — это Дима. О директоре туристско-гостиничного комплекса «Альфа» Октае Юнисовиче Сафар-Заде.

Снилось ли вам такое? Вот и мне тоже. И вопрос: зачем ему это нужно? — я, кажется, даже не успел задать. «Все очень просто, — сказал Дима. — Директор просчитал все. И сделал это не только ради детей, но и для своего коллектива. Он объяснил, для чего это нужно. Вы, говорит, нужны мне больше, чем я вам».

Честное слово, очень доходчиво объяснил — каждый, кто присматривался к работе сферы услуг и знаком с ее спецификой, согласится.

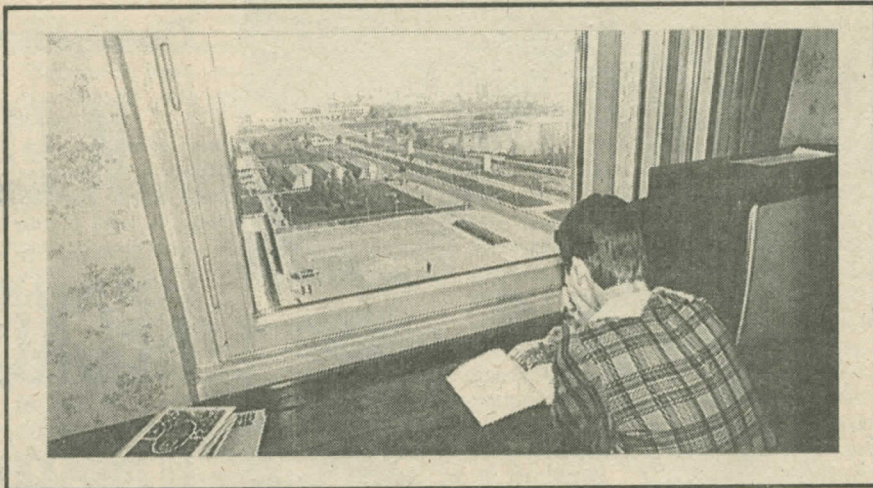
«Он собрал весь коллектив, объяснил: дети — сироты... Вот и все. Им приятно, что они все к этому причастны. Это какая-то внутренняя доброта. Он коллектив сплотил... Очищение какое-то, как на исповеди». На благое дело нашлись и средства — часть прибыли.

Что это — симбиоз гостиницы и детдома или еще что-то — вопрос терминологии. Важно, что схема эта жизнеспособна, она вышла из практики и поэтому имеет право на жизнь. Может быть — и скорее всего — наряду с другими формами, даже с семейными детскими домами, которые Диме, признаться, не по душе.

«Самое главное — снять государственную монополию на детей-сирот. Какие формы предлагаем мы? Малокомплектные, авторские, частные детдома и приюты при церкви... Авторский дом уже существует. Вот он, уже целый год в деле. Мы сами подбираем себе кадры, сами с ними занимаемся, сами находим себе спонсоров, отказываясь от услуг государства и дешевой мафии, которой нужна лишь реклама. Нам нужно только одно: статус и помещение».

Что, собственно, и дал директор комплекса. Даже больше того — Диму берут в штат гостиницы воспитателем-методистом с окладом 400. Теперь он — представитель фирмы, а не авторбродяга с выводком. И оттого, что подобное не записано в законе, мир не рухнет. Скорее, наоборот. В том, что здравые идеи должны быть узаконены, Дима не сомневается.

Схема, которую предлагает Карпов, кажется мне убедительной. Коллектив, будь то гостиница, крупное предприятие, фирма, да хоть контора по заготов-

ке рогов и копыт, берет детей на свое полное содержание. Выигрывают все: и фирма, и дети, обеспеченные не только сегодня, но и на будущее — специальностью, работой, квартирой. Они входят в этот коллектив, да и в мир, сызмала. И... никто не посмеет их тронуть.

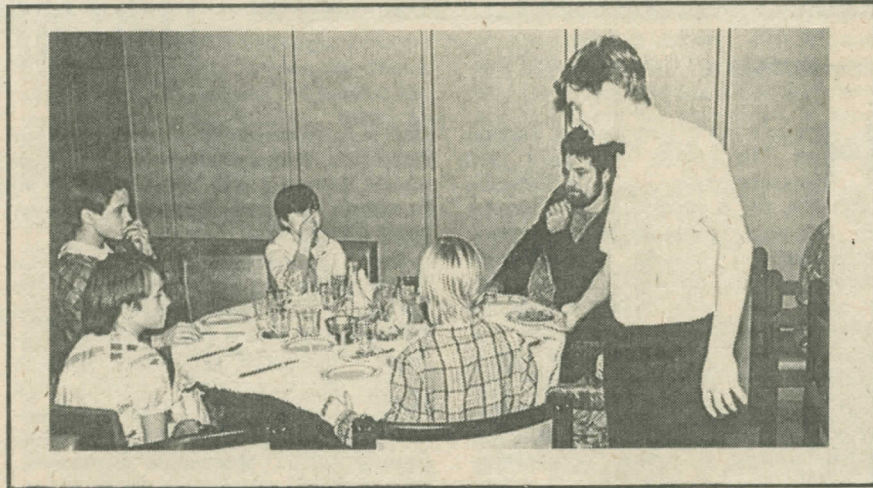
«Возникает ситуация, когда есть противоречие между правом на человеческую жизнь и законом, — обобщает Саша. — Дима нашел идеальную на сегодняшний день модель.»

А пока все держится на личностях. Везде. И в первую очередь — в том мире, который они, Дима и десять его малышей (доведенных до отчаяния и голодовки (тоже, кстати, впервые), оставили с легким сердцем.

Нет, скорее с тяжелым. Посчастливилось лишь десяти из десятка тысяч московских сирот, обреченных на жизнь в казарме и по ее законам. На то, чтобы оставаться лишь рабочим материалом, глиной, из которой в тех условиях даже самые умелые руки не сумеют вылепить ничего путного.

Там уют другие кадры.

**Сергей МЕЛЬНИК,
В. ШИШОВ (фото)**

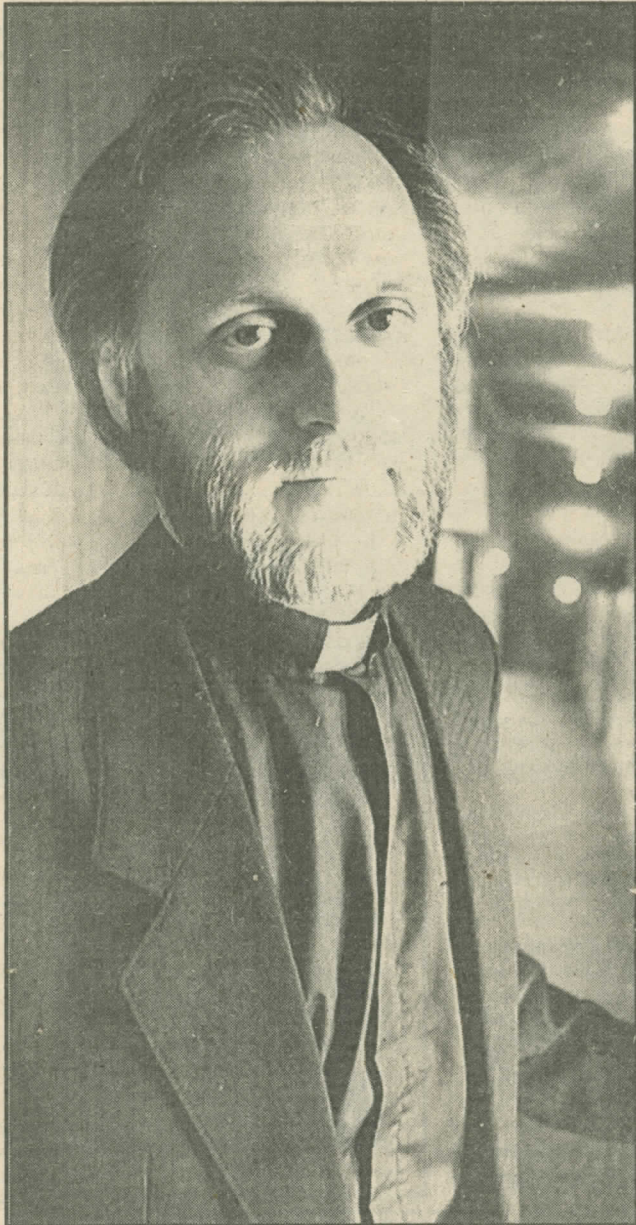

Фото Ю.Штукина

Священник Марк СМИРНОВ

**...И ЕЩЕ
НЕСКОЛЬКО
ШТРИХОВ
К ПОЛИТИЧЕСКОМУ
ПОРТРЕТУ
МИТРОПОЛИТА
ПИТИРИМА**

Начну с того, что статья Михаила Поздняева «Окромя его архиерейства» («Столица», 1991, № 26) о митрополите Пителиме открывает новый и несколько неожиданный ракурс в советской журналистике. Действительно, даже в нынешнее посткоммунистическое время «политический портрет» иерарха церкви — это вполне новое явление. От благостных лубочных картинок, изображающих жизнь церкви в СССР, перейти к анализу деятельности в сфере обществен-

ной и политической — это, следует признать, большой прорыв. До некоторой степени это объясняет и ту реакцию, которая создавалась вокруг этой публикации.

Еще до выхода в свет статьи М.Поздняева (а надо заметить, это произошло накануне августовского переворота) мне в руки попала газета «Советская культура», прежде гордо именовавшаяся органом ЦК КПСС. В номере за 10 августа вместе с опубликованием проекта программы КПСС, занявшим значитель-

ную часть газеты, помещен любопытный снимок под рубрикой «Неожиданный ракурс».

На снимке изображен военный плац. Выстроились солдаты, в руках автоматы, впереди в парадной форме стоит офицер. А вдоль строя идет, кто бы вы думали? Нет, не генерал. Ну конечно же митрополит Пилирим. В руках у него не сабля и не маршальский жезл, а жезл архиерейский.

Что это, обход почетного караула, парад в честь государственного или

церковного праздника? Трудно сказать — ракурс действительно неожиданный, тем более если учесть, что снимок сделан незадолго до военного путча. Невольно напрашивается мысль, уж не было ли это смотром сил, которым предстояло войти в Москву для усмирения демократов?

Впрочем, ничего неожиданного в особом пристрастии митрополита к Красной Армии нет. Мне вспоминается торжественное богослужение в Иосифо-Волоцком монастыре, в день памяти его основателя: среди немногочисленных прихожан в храме и на приеме по случаю праздника — офицеры в форме. Они не молились, они не умели даже креститься, но зато принимали активное участие в обсуждении завтрашнего дня монастыря и главное — судьбы земель вокруг него. Потому что митрополит Питирим задумал заселить монастырские земли... нет, не монахами, а офицерскими семьями советского военного контингента, выведенного из Восточной Европы, а также поселить здесь «воинов-интернационалистов» — афганцев. Потрясающая, просто трогательная забота об армии! Правда, насколько мне известно, и теперь, через два года после этого начинания, никаких военных поселений вокруг монастыря так и не образовалось. Может быть, они задуманы как «потемкинские деревни»?

Стоит просмотреть военную и т.н. «патриотическую» печать за последние три года, везде вы найдете статьи о травле Советской Армии демократами, о необходимости защитить ее, и как «дежурное блюдо» там обязательно подается, что РПЦ в отличие от ненавистных демократов видит в армии национально-патриотическую силу, продолжающую традицию Российского воинства. И особой заботой об армии отличается Владыка Питирим. Кстати, газета «Красная звезда» назвала митрополита человеком, «словом и делом болеющим за наше Отечество». В той же газете иерарх РПЦ сказал: «Обидно, что сегодня на армию, как некогда на церковь, возводят хулу... Не верится мне, что в современной армии все так плохо... Поэтому и болят наши души о войнах, командирах и их семействах, которые служат в местах, где нынче не добро и благоразумие, а слепота и неприязнь вселились в души людей».

Любопытно, что эти слова произнесены 16 января 1991 года, спустя

несколько дней после трагических событий в Вильнюсе, Риге, после Тбилиси и Баку, после карательных экспедиций 4-й армии в Нагорном Карабахе.

Армия, и не только она, по достоинству оценивает общественную деятельность митрополита, а вместе с ним и других иерархов РПЦ. Вот что пишет орган пограничных войск КГБ СССР «Вестник границы» (11/90):

«В отличие от «демократов» из «Огонька» и некоторых других «независимых» печатных изданий иерархи РПЦ нашли добрые слова в адрес советских солдат на молебнах по случаю 10-й годовщины ввода наших войск в Афганистан... Патристичными и последовательными являются взгляды народных депутатов-священнослужителей на содержание воинской службы. Если «демократические» и «радикальные» парламентарии (кстати, многие из которых ни дня не служили в армии) стоят на лжепатристических позициях, не гнушаются называть советских воинов «оккупантами», то митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим заявил: «Русский солдат — понятие для меня почти священное...»

Все это было сказано до путча. Вероятно, в то время Церковь и Главное политическое управление СА и ВМФ вместе с митрополитом Питиримом осуществляли совместную программу сотрудничества. Об этом поведал еще в январе начальник управления по идеологической работе генерал-майор Гребенкин. В беседе с корреспондентом «Известий» он подчеркнул «необходимость делового сотрудничества армии и религиозных организаций, которые действительно обеспокоены судьбой Отечества».

В т.н. «Слове к народу» генерал Варенников точно такими же словами призывал церковь и православное духовенство спасать погибающую Россию. Чем это кончилось для Вареникова, мы знаем...

А что же теперь, после путча? 16 сентября в программе Российского телевидения «Вести» снова на военном плацу красовался Владыка Питирим. На этот раз он вместе с офицерами военного училища принимал присягу у курсантов, которые, прочитав текст присяги и отрапортовав: «Служу Советскому Союзу», подошли по очереди под благословение Его Высокопреосвященства...

Казалось странным, неужели сам

митрополит не понимает, что все 100% курсантов в этом военном училище не могут быть верующими, а тем более православными. Что весь этот непонятный им ритуал благословения — это лицедейство, если не сказать сильнее — богохульство. Как не понять, что неискреннее, лицемерное, совершенное по приказу командира и архиерея, безблагодатное, молитвенное действие вызовет у молодых солдат только скуку и отвращение от религии, от церкви, как это уже было в нашей «богоспасаемой державе» до 17-го года, когда все это происходило «из-под палки». Опасно вместо политических занятий водить солдат строем на молитву — результат подобного «воспитания» мы уже знаем.

Но хватит об армии, в конце концов политические портреты пишутся не только для ленинских комнат в солдатских казармах.

В деятельности Владыки Питирима есть и другие очень яркие странички. Оставаясь верным избранному нами принципу, не стану голословно рассуждать, а буду опираться на публикации в тех или иных органах печати. Начну с прошлого.

В журнале «Вестник РХД» за 1974 год сообщается об интервью Владыки Питирима сотруднику Агентства печати «Новости» Кирсанову, в котором православный архиерей утверждал, что будто бы РПЦ потому не занимается благотворительной деятельностью, помощью людям, находящимся в нужде, что она несущественна и нехарактерна для церкви. Если благотворительность и имела смысл в прошлом, то теперь, когда советское государство всецело обеспечивает нужды населения, стала излишней и бессмысленной. В том же интервью иерарх Московского патриархата заявил, что церковь в СССР не занимается преподаванием религии несовершеннолетним, т.к. это было бы духовным, моральным насилием над их совестью и личностью.

В газете «Русская мысль» за март 1980 года было опубликовано открытое письмо Владыке Питириму от бывшего узника совести Юрия Белова. Вот выдержки из его письма:

«Мне 40 лет, я христианин, 14 с лишним лет я провел в советских тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах за свои христианские убеждения. После освобождения в 78-м и 79-м годах я дважды посещал Вашу резиденцию в Ново-Девичьем

монастыре в Москве и Вы отказались принять меня и разговаривать со мной. Затем я трижды обращался к Вам с посланиями, которые Вы также оставляли без ответа. Ваш секретарь говорил мне, что Вы не желаете иметь дело с «антисоветчиками»...

Вы не захотели выслушать меня, Вы отказали сосланному в Воркуту христианину Пашнину в его просьбе о присылке ему Вашего журнала и Церковного календаря, Вы отказываетесь посылать Ваш журнал православным христианам, заключенным в советские концлагеря...

Я писал Вам об истязании в Сычевском психиатрическом концлагере отца Владимира Соловьева из Смоленска, я просил Вас помолиться об убиенном отце Алексии Котове... И вот в 79-м году меня вызвали в КГБ и показали мои послания к Вам и угрожали арестом. Когда я спросил их, откуда они взяли мои письма Вам, они ответили, что их переслал в КГБ Ваш секретарь. Я хочу, чтобы об этой Вашей деятельности знали люди, которых Вы бессовестно обманываете, говоря в Ваших интервью, что сообщения о преследованиях верующих в СССР не имеют под собой никакой почвы».

Добавим от себя, что заявление митрополита Питирима, упомянутое Юрием Беловым, было опубликовано в журнале «Штерн» 8 ноября 1979 года.

Из застойных времен перейдем в эпоху перестройки и гласности. В 1988 году издательство «Прогресс» опубликовало книгу бельгийского журналиста и активного «борца за мир» Людо ван Экка под интригующим названием «В поисках святой матушки Руси». На страницах этой книги помещено обширное интервью с митрополитом Питиримом, проведенное Людо ван Экком за год-два до юбилейных торжеств 1000-летия христианства на Руси, до радикальных перемен в жизни церкви и религиозных объединений в СССР. Приведем несколько фрагментов из этого интервью:

— Я слышал от многих людей в нашей стране, что отношения между церковью и государством далеко не так напряжены, как это представляется на Западе?

— Это правда, наши отношения с государством вообще не так напряженные. Конечно, время от времени возникают некоторые проблемы, но рано или поздно находится их решение.

— Нетрудно себе представить,

что во время и после революции церковь и государство не были приспособлены друг к другу. Наши средства информации, кажется, часто преувеличивают все, что касается этого периода. Действительно ли церковь преследовали все это время?

— Лишь в 1917 году, после революции, церковь вновь обрела независимость, после чего вскорости был избран новый Патриарх...

— ... который немедленно объявил войну новому режиму?

— Тихон, новоизбранный Патриарх, был заклятым врагом социализма. Он анафемствовал советскую власть и открыто призывал к свержению нового режима вооруженным путем... Многие священнослужители взялись за оружие и боролись против советской власти на стороне белогвардейцев и интервентов. За это они и были осуждены. Социалистическая система, еще раз подчеркиваю, никогда не преследовала нашу церковь или какую-либо иную веру. Однако она преследовала отдельных представителей духовенства тех деноминаций, которые стремились к подрыву советского государства. Со временем значительная и все возрастающая часть духовенства начала осознавать, что потеряет свою паству, если будет оставаться в оппозиции новому правительству, поддерживаемому большинством населения... Успехи социалистического строительства в стране побудили Патриарха Тихона и его сторонников прекратить борьбу с советской властью и в конечном счете занять лояльную позицию... В настоящее время церковь и государство мирно сосуществуют друг с другом... Мы вместе с государством работаем ради мира и разоружения, ради выживания человечества.

— Есть ли в вашей церкви люди, несогласные с вашими идеями? Мне не хотелось бы употребить слово «диссидент», но имеются ли таковые в вашей церкви?

— ...Два русских православных священника были судимы и осуждены. На Западе их представляли как мучеников и героев. Один из них, Дудко, проповедовал вещи, не имеющие к религии никакого отношения... Второй «мученик», Якунин, также всячески восхвалялся Западом. Однако весьма знаменательно, что те, кто его восхвалял, ни разу не упомянули о том, что Патриарх еще в 1966 году лишил ЯКУНИНА сана. Якунин оказался под судом не за верность христианству, так как наше законодательство запрещает преследование по религиозным мотивам. Он был осужден за спекуляцию иконами и церковным облачением. Зарубежная пресса могла бы заняться чем-либо лучшим, чем изображением уголовников такими «муче-

никами»... Впрочем, я предлагаю сменить тему. Обсуждать этих сомнительных людей ниже моего достоинства...

Я не стану подробно комментировать это интервью, которое дал западному журналисту митрополит Питирим незадолго до празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 году, т.е. в разгар перестроечных процессов не только в обществе, но и в церкви. Не могу согласиться с одним утверждением Михаила Поздняева, приведенным в его статье, о митрополите Питириме: «Говорят, что он осторожен. Которее расчетлив». О какой расчётливости или осторожности можно говорить после такого крайне прямолинейного интервью и в совсем недавние времена. Нет, здесь явная, вполне отчетливая политическая позиция, которую митрополит, не скрывая, проводит в своей деятельности.

Наконец, еще один — последний маленький штрих к портрету митрополита.

В 1989 году в газете «Московские новости» (№ 11) была опубликована заметка: «Митрополит выступает в парашоле». Из нее мы узнаем любопытную деталь. Выступая в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, митрополит, отвечая на вопрос слушателей школы, как он чувствует себя в стенах этого отнюдь не богоугодного заведения, ответил: «Естественно и просто. И партия и церковь сегодня обеспокоены проблемами мира, культуры, нравственности человека. Так что поле деятельности для сотрудничества у нас огромное».

Вот и все. Дальнейшие комментарии излишни.

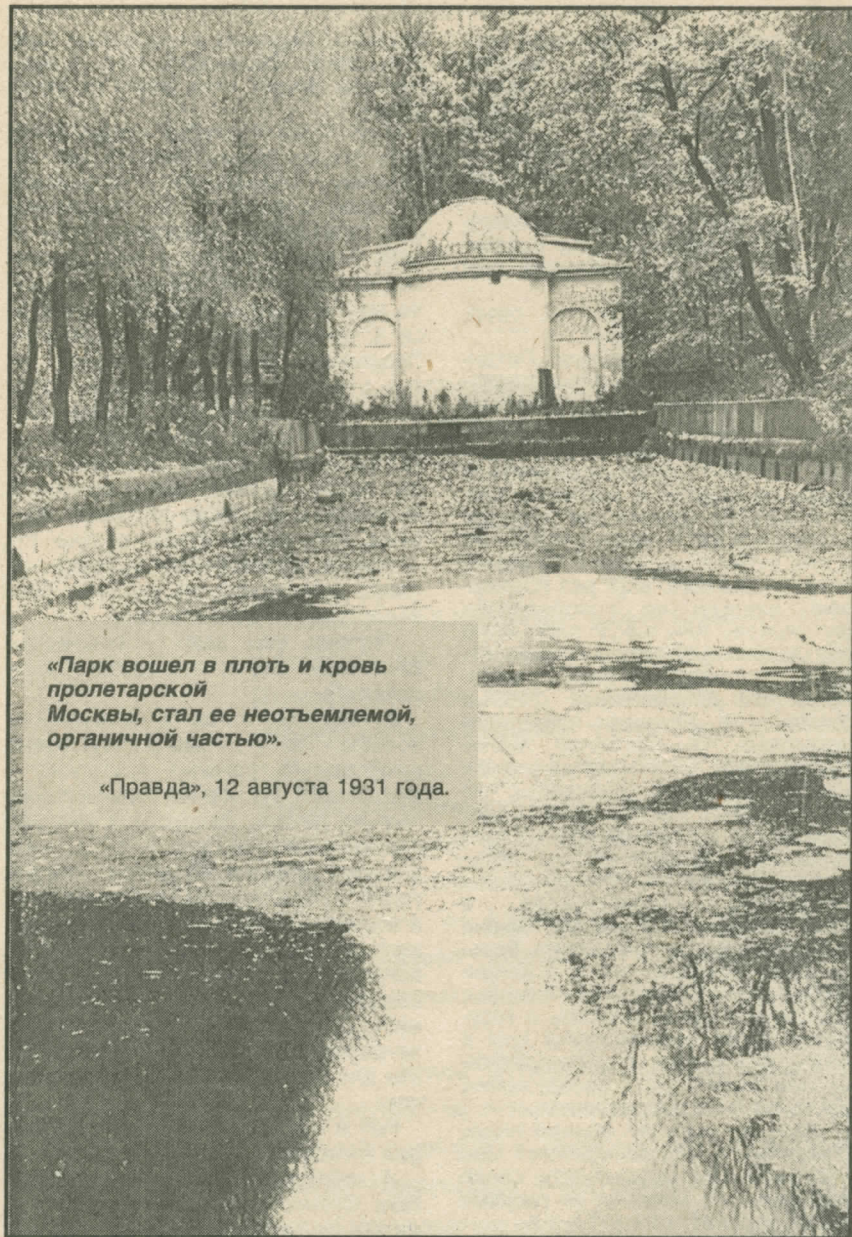
И хочется только спросить депутата Станкевича, вступившегося за митрополита Питирима на страницах «Столицы»: не стоит ли ему выступить теперь в защиту другого своего коллеги-депутата священника Глеба Якунина? Ведь это его оклеветал митрополит Питирим, заявив, что Якунин сидел в тюрьме за кражу и спекуляцию, а не за правозащитную деятельность.

Не ровен час, обратится отец Глеб в суд с иском о клевете на его честь и достоинство против гражданина Нечаева, т.е. митрополита Питирима. Интересно будет узнать, у кого из двоих священнослужителей Сергей Станкевич станет общественным защитником?

Далеко не праздный вопрос...

Мюнхен

«Парк вошел в плоть и кровь пролетарской Москвы, стал ее неотъемлемой, органичной частью».

«Правда», 12 августа 1931 года.

Седой, почти уже лысый старик. Родинка шариком на красном носу. Из поношенных сандалий выглядывают дырявые носки. Мягкие, совсем мягкие брюки. Выше — того же костюма пиджак. Под ним давно не стиранный клетчатый рубашка без трех верхних пуговиц. В руке — голубой полиэтиленовый пакет, из него высовывается пучок зеленого лука, завернутый в «Советский спорт». В другой руке — авоська с бутылками.

Ровесник революции собирает бутылки в Парке культуры имени Горького. В парке, который восторженный Юрий Олеша называл почему-то прозрачным. А еще — нежно реальным. В тридцать третьем автора «Трех толстяков» еще не лишали московской квартиры...

— Вы помните сельскохозяйственную выставку?

Конечно, не помнит. В 1923 году Ровеснику было всего только шесть. Тогда на месте городской свалки (расчищенной, как водилось, субботними энтузиастами) поставили ветряков, торфяных агрегатов. Это называлось Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставкой. 19 октября здесь побывал большой Ленин. Прямо с выставки уехал в Горки и больше в Москву не возвращался. Умер. А в 1928 году, чтобы не прозябало удобное место, открыли парк.

— Мне тогда уже одиннадцать исполнилось.

Мимо, раздувая немислимые шаровары, протрясая любитель здоровья и ретро. Невнятно выругался ефрейтор-связист и медленно упал в пруд. Патрульные вскочили в спасательную лодку, и она шустро зашевелила веслами. Ровесник вытащил из урны пустую «бомбу» и переложил в авоську.

— А грибы не люблю искать. Я их от листьев не отличаю.

...Парк сразу же стал популярен. Он сделался точным выражением времени, веселого и опасного. Справа от входа открыли роскошную выставку «Основные вехи жизни и революционной деятельности И.В.Сталина». Слева — нечто вроде бытовки (умыться, побриться, почиститься). Специальные посыльные за небольшую, в общем, плату выполняли поручения — пробега мимо цветочных портретов Иосифа Виссарионовича и Лазаря Моисеевича, разносили письма и цветы. Рестораны работали до полуночи...

СМЕРТЬ КУЛЬТУРНОГО ПАРКА

И в ряд светских развлечений входила «Камера газоокуривания» — вместительный военный тренажер.

— Одиночных посетителей окуривали бесплатно, а если группа приходила, нужно было деньги платить.

Работал военизированный лагерь однодневного отдыха, с физзарядкой и «военно-тактическими занятиями». А из аттракционов — тридцатипятиметровая парашютная вышка.

— Я все понимаю — сталинизм, культ личности... Но ведь весело было. К парашютной вышке прицеплялись особые такие спирали сверху вниз, и с них съезжали на ковриках — у-ух, в ушах свистело, голова кружилась... Был еще «Параболоид чудес» — такой шар, быстро крутился, и в нем невесомость. Стояли на стенах головами друг к другу. А мяч бросишь — так он вместо того, чтобы падать, начал вертеться.

Мой собеседник не интеллигент. Обычный, даже плакатный «товарищ», усердный безбожник и осовахиимовец.

— А названия-то какие были! Автоаллея, Аллея пионеров, площади Ударника, Пятилетки, Массовое поле...

И сновали среди этих навязчивых топонимов наглецы-затейники, агитировали, разъясняли лозунги. Развлекали. Выйдет на площадку пара баянистов, заиграет что-нибудь попроще, выскочат девчонка да мальчонка и запляшут. Народ, конечно, останавливается, смотрит. А тут откуда-то сверху, из репродуктора: «Шире круг, шире круг, возьмитесь за руки». Люди послушные были, куда их повели, туда они и пошли.

— Стояли в парке две краеведческие вышки — так их, кажется, называли. Одна из них часто не работала. Повесят объявление, что закрыто, а его и не замечают, поднимаются наверх. Там плакаты висят: «спрашивай о том, что тебя интересует», а спрашивать и не у кого. Возмущались, что руководителя на вышке нет и что на соседнюю, не спускаясь вниз, попасть нельзя.

Ровесник и теперь сердится, что завели его не туда, что приходится бутылки собирать, что нет хорошего руководителя и нельзя так вот сразу оказаться в другом порядке. Впрочем, он не политиканствует, он любил ходить в парк и сейчас по привычке ходит. Правда, нет уже вышек, на которых пролетарии и пей-

зане спрашивали, где их дом, а маститые историки-краеведы покорно тыкали туда пальцем — с паршивой прослойки хоть шерсти клок, а большего и не требовалось. Интеллигентные мужчины и женщины не любили ходить строем в газовую камеру, не нуждались в устном журнале «Хочу все знать» и не радовались тематическому празднику «Самоотверженным трудом крепим дело мира». Да и сегодня здесь только военные (филиал солдатского клуба), малолетняя гопота (выездная лестничная тусовка) и приезжие («постскриптум: тут стоит культурный парк над речкою»). Правда, попадают и мамы с младенцами (их нужно куда-то возить).

Новая общественная формация — «советский народ» — справляла свои культурные потребности в парке. Слагали гимны в честь посещения бывшей свалки отцом всех отцов:

*«Здесь старые дубы и клены
Великую память хранят,
Здесь Сталин прошел, окруженный
Веселой ватагой ребят».*

А «друг нашей страны» Ромен Роллан, проходя мимо детской площадки, умилялся: «Замечательно! Дети, играя, учатся!»

Горький, сам товарищ Горький высадил на какой-то клумбе цветы, привезенные с дачи. Ну как тут не присвоить парку его имя!

Перед карнавалами развешивали категоричные инструкции: «Скучать публично — неприлично» и «Каждый знаком с каждым».

Даже недостатками лишь подчеркивали достоинства: «В комнате смеха, например, стерлись зеркала. В парке, где все блестит и сияет, неприлично выставлять обшарпанные зеркала».

В 1938 году директор парка Кс.Иванова рапортовала в «Рабочей Москве»: «Первоочередная наша обязанность — ликвидировать последствия вредительской работы врагов народа, орудовавших в парке. Враги народа запутывали хозяйство и планирование, разбазаривали государственные средства, тормозили рост и развитие парка».

Парк во всем соответствовал времени, и правительство было довольно. В сорок седьмом вышел указ Президиума Верховного Совета СССР: «За образцовую работу по культурному обслуживанию населения столицы наградить Центральный парк культуры и отдыха

им.Горького орденом Ленина». Таиров получал иные награды. Впрочем, он и не занимался «культурным обслуживанием населения».

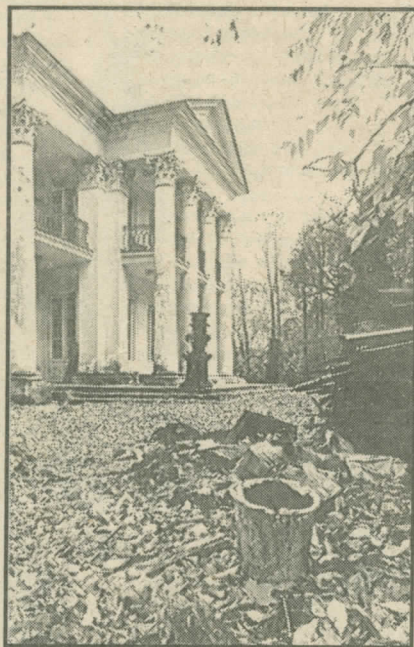
...Дебелая девчонка с длинными, не по погоде открытыми ногами и таким же длинным носом провиляла в сторону эстрады. Там багроволицый аккордеонист и массовичиха, не имеющая понятия о сценическом костюме, развлекали уставшую пить публику. Ровесник взял очередной трофей. Мы с ним стали надоедать друг другу.

Юрий Нагибин несколько лет тому назад писал, что посетитель другой пошел, его, дескать, «трудно удивить «чертовым колесом» или кривыми зеркалами. Теперь многое стало рутинным, скучным, бывшее очарование исчезло». Сейчас «удивляют», как и повсюду, — «однорукими бандитами», коммерческими двухкузовными башмаками и коопшашлыком из Дружка, все прелести которого уходят в запах.

Была какая-никакая массовая культура — и та скончалась. А вместе с ней и парк. Завсегдаята собирает посуду, и в бездонную лужу въезжает поношенный роликовый конек.

Алексей МИТРОФАНОВ

Фото В.Шишова

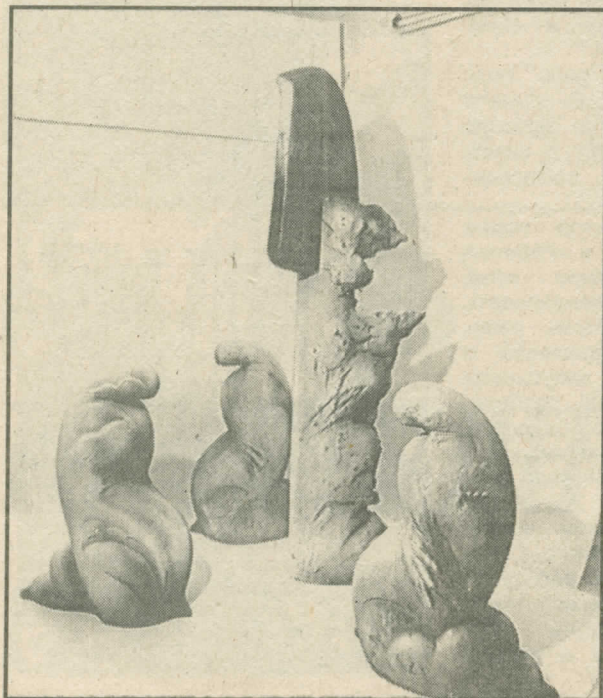
БЕЗ «ПАМЯТИ»

Графика и керамика
И.Ибряева
Выставочный зал на
ул.Разина

Трудно обойтись без скомпрометированных слов и понятий: скажешь «идеаль» — тут же вспоминаются коммунисты, подумаешь о «корнях» — сам себя заподозришь в шовинизме, а на «патриотизм» вообще самоцензура реагирует, как подслушивающие устройства КГБ — щелчок и связь оборвана. Поэтому выставка в уютном зальчике на Варварке (пока еще известной как улица Разина) в первую минуту вызывает реакцию отторжения даже на уровне названия скульптурных работ: «Спаситель», «Знамение», «Память о бабушке», «Явление», «Мои корни», «Добро и зло». Ну и автор

керамики и графики Илья Ибряев — с бородой и призывом к единению в деревне поначалу мне, западнику, доверия не внушил. А между тем у него прекрасное чувство материала и совершенно свободное владение линией в графике. И там, где автор уходит от литературных иллюстраций к крестьянской Атлантиде в область более формальную, обнаруживается и хороший вкус, и школа, и, как ни странно, гораздо более нежная и мудрая любовь к родине: и малой — деревенской, и большой, которая «Земля — наш общий дом». Очень хочется переступить через слова-табу и сказать доброе о художнике, которого не стоит язвительно-поверхностной критикой толкать к «Памяти».

М.К.

БУДЬ ПАТРИОТОМ СВОИХ БЕД!

«Папа, папа, бедный папа! Ты не вылезешь из шкапа... Ты повешен нашей мамой между платьем и пижамой»
Театр Сатиры,
реж. М.Зонненштраль

Сам спектакль едва ли не короче своего собственного названия — он укладывается в два часа. Но и за это время успевает произойти ряд неординарных событий. Экстравагантная стареющая вдова (О.Аросева), забавляющаяся распугиванием влюбленных парочек на ночном пляже, демонстрирует ошарашенному кавалеру чучело покойного мужа, которое она таскает за собой по всему свету. Ее выморочного, дерганого сына (В.Гаркалин) соблазняет гостиничная шлюха, а он в самый интимный момент приканчивает совратительницу. Короче говоря, история из цикла «с жиру они там все бесятся», несвежий материал для вымирающих любителей припугнуть «загниванием». На Западе в свое время пьеса шла на «ура». Что неудивительно — они там любят встряхнуться и ужаснуться плодам собственной цивилизации. И потом сразу вкусить их. Мы тоже бредим и потихоньку вырождаемся. Но по-другому. Попытка объединиться с Западом хотя бы в формах одичания не удалась. Чужое безумие оказывается еще более недоступным, чем чужой праздник. Потому и на сцене смотрится довольно нелепо. Нам бы что-нибудь попроще — про помойки и бомжей. Можно про маразматиков-коммунистов. Давайте, господа, будем патриотами собственных бед!

Роман ДОЛЖАНСКИЙ

На фото:
И.Ибряев. «Андрей Рублев»

ШАБАШ В СТРАНЕ АЛИСЫ

«Шабаш»
Пластинка группы
«Алиса»

На двух пластинках альбома записан концерт группы в Лужниках 28 октября 1990 года. Записан на удивление неплохо, и вообще пластинка производит в целом — в отличие от столь многих наших концертных записей — цельное и хорошее впечатление. Что же касается того, к а к исполнены песни на диске, тут, наверное, надо прислушаться к мнению любителей «Алисы». Несмотря на то, что пластинки группы — не редкий гость в магазинах (их у «Алисы» уже было три плюс один компакт-диск), несмотря на то, что на кассетах очень распространены фонограммы Кинчева со товарищи, несмотря на очень высокую цену альбома (40 рублей), «Шабаш» был сметен с прилавков практически в один момент.

А.Г.

ПОЯВЛЕНИЕ НЕВИДИМКИ

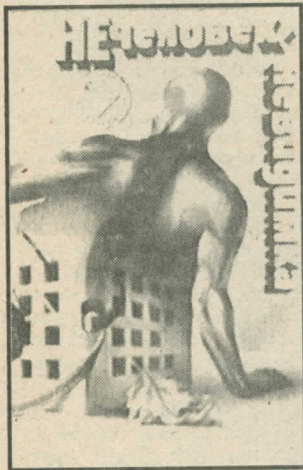
«Нечеловек-невидимка»
Симферополь, «Таврия»
— РПК «Текст»

В представлении массового читателя издательский кооператив — это нечто чейзовско-эротически-анжеликоподобное. К

счастью, есть примеры, опровергающие это мнение. Среди них — и кооператив «Текст», симферопольское представительство которого в сотрудничестве с издательством «Таврия» только что выпустило интереснейший сборник фантастики. В нашей стране немало первоклассных писателей-фантастов, произведения которых лишь в последние годы стали пробиваться к читателям. Как правило, блюстители идеологической нравственности отсеивали произведения, в которых поднимались важнейшие вопросы человеческого бытия, наиболее острые социальные проблемы. Словом, до недавнего времени целое поколение писателей-фантастов практически не могло увидеть свои рассказы, повести, романы опубликованными. Сборник «Нечеловек-невидимка» отчасти исправляет это положение. В нем мы находим имена М.Кривича и О.Ольгина, А.Саломатова и Д.Клугера, В.Бабенко и В.Петрова, И.Сергиевской и М.Успенского, Б.Штерна и С.Ягуловой — тех, кто, может быть, и не пользуется пока всенародным признанием, но мимо кого не должен пройти ни один серьезный читатель.

Л.Ф.

Кадр из фильма «Темные аллеи»

БУНИНА ЧИТАЛИ?

«Темные аллеи»
Театр-студия «Портрет»,
реж. В.Богачев

Бедный Бунин! Мог ли он вообразить, что после многолетних запретов на экранизации его прозы, через которые прошли и Соловьев, и Михалков, и Дыховичный, до него наконец дорвется рыночный кинематограф! Дорвется грубо и похотливо и как пошляк-сладострастник будет смаковать стыдные места на нежном теле. Ух, какой разврат царит в вагоне первого класса: две супружеские пары совершили пьяный «чейндж», и теперь старикашка щупает молодую барыню, а ее муж плещется под душем с престарелой нимфоманкой. Читали что-нибудь подобное у Ивана Алексеевича? Нет? А вот режиссер фильма «Темные аллеи» именно это и мучается воспоминаниями о первой любви (помните «Русю»?), а жена ему мучиться не дает, сидит на нем верхом и производит характерные телодвижения. Впрочем, герою все же удастся припомнить нечто близкое к литературному первоисточнику и инсценированное в лучших традициях самодеятельного театра, однако даже и тут, в романтической вроде бы

истории, вдруг вылезает какая-то пошлая подвзяка на ногу героини...

Анна КАГАРЛИЦКАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ ОТЧАЯНИЯ

«Циники»
ТПО «Подмосковье»,
реж. Д.Месхиев

Дмитрий Месхиев, в прошлом году при соучастии В.Тодоровского превративший купринский «Гамбринус» в камерную модель предреволюционной России, снял свой второй фильм в стиле декаданс по забытому роману Анатолия Мариенгофа (всенинского друга и сожителя) о выморочном существовании в стране, погружающейся в кровавую грязь, о людях, чьи души превращены в пустыню, а смысл жизни уничтожен революцией. При столь мрачном материале картина, однако, не относится к категории «чернушных» благодаря остратенному и не лишенному холодного юмора авторскому взгляду, а сильный актерский состав и пряные, хотя и далекие от прямой сексуальной щекотки, постельные эпизоды делают ее не просто любопытным, но, при всем цинизме героев, по-своему целомудренным зрелищем.

Виктор МАТИЗЕН

P.S.: ВИДЕО
Ведет Андрей
ГАВРИЛОВ

ДАЛЬШЕ СПУСКАТЬСЯ НЕКУДА

«Глубокий спуск»
США, реж. Дж.Саймон

Есть фильмы типа «Левиафана» или «Лучины», которые, нравятся они нам или нет, все-таки — плод довольно большого труда довольно большой группы людей. «Бесконечное погружение» (так точнее переводится название) — одна из тех картин, которые паразитируют на чужом успехе. Подводная лодка с несправедливо обиженным главным героем на борту, несмотря на все происки ВПК, спасает, конечно же, человечество от какого-то подводного гада. Спецэффекты — на нуле, сюжет — на уровне детского сада. Фильм вполне мог быть снят на какой-нибудь советской студии.

ПОКЛОННИК В ОТЧАЯНИИ

«Отчаяние»
США, реж. Р.Райнер

Роб Райнер — очень хороший режиссер. «Отчаяние» — свободные вариации на темы «Сыграй мне «Туманно», «Соблазнения», «Поклонника», а также «Любителя Диккенса» Ивлива Во. Очень хороший, напряженный сценарий, где нет ничего лишнего, такого мастера, как У.Голдман, и прекрасная игра Дж.Каана в главной роли. Итак, все — очень хорошо. Но почему-то нет ощущения, что «Отчаяние» — очень хороший фильм. Может быть, потому, что снят он по роману Стивена Кинга и мы сразу, с первых титров ждем чего-то вроде «Сияния» или «Кристины»? Кстати, интересно — долго мы еще будем знакомиться с современной западной литературой по ее экранизациям, а не по переводам?

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

Игра в будущее

По чьему бы образу и подобию мы ни были созданы, нас уже пять миллиардов, и другого будущего, кроме очерченного искусством, у человека нет. В противном случае нас ожидает прошлое...

Иосиф Бродский.
Нобелевская лекция.

В конце концов

Словами «конец эпохи» никого уже не удивишь и не напугаешь. Конец века, конец света, конец коммунизма, конец гуманизма (не человеческой теплоты, конечно, а некой общей культурной установки, заданной Ренессансом) — лишь разговорами на эти темы конца не предвидится. Каждый готов внести свою лепту в занимательную апокалиптику. Конец эпохи — это финиш, к которому почти одновременно приходят и бегуны, и скакуны, и зрители. Искусство, самый чувствительный орган душевного восприятия, должно первым испытать притяжение будущего, предвосхитить утраты и метаморфозы.

Любой вид творчества (очевиднее всего — живопись и литература) сегодня словно ищет собственные пределы, точки перехода в не искусство — и «конец концов» сулит выдать искомое всем без исключения. Что будет дальше? Что-то, наверное, будет: уже сейчас на стыке новых технологий возник принципиально новый вид художественного творчества для всех — клип.

Счастлив и гениален тот, кто умеет удерживаться в узкой полосе между невнятным словом будущего и исчерпанным языком настоящего. Гениально не слово, а перетолкованное эхо его: ну вот Питер Брук хотя бы. Или Бродский.

Обрежем рассуждение и придвинем на несколько шагов к театру — самому элитарному виду искусства, который в прошлом бывал и самым демократичным.

Мир как неволя и представление

Необходимо подчеркнуть исключительную важность театральных

событий, происходящих у нас в 90-е годы. Театр тихой сапой пытается выехать за «линию конца», никого особенно не уговаривая за собою следовать. В прошлом сезоне он не желал радикального новаторства, не ломал стены «театра-коробки». Работал, возводя дополнительные перегородки в обжитом пространстве: ставя классику и краской стыда метя зоны «внутренней эмиграции».

«Калигула», поставленный Петром Фоменко под крышей театра имени Моссовета, и «Кругом Возможно Бог», выпущенный группой «Четнечет» на малой сцене Ленкома, как бы окаймляют жизнь этого «тихого театра». Пьеса Камю была несколько раз показана перед началом прошлого сезона; пьеса Введенского вышла перед его закрытием: хронологические полюса стали смысловыми.

Проблема Камю: герой и мученик абсурда в отвратительно нормальном, самодовольном мире. В игре Олега Меньшикова прекраснородушное беснование Калигулы обретает утонченную силу додуманной и продленной за «линию конца» мысли. Фантастически умно Меньшиков играет плавную гибель души: то, как Калигула входит во вкус крови, как убийства ради свободы все больше делают убийствами ради убийства. Оставляя герою выбор между смертью и безумием, он отыгрывает оба возможных финала. Это уже — ответ, к которому у молодого Камю не было вопросов, выход на «обратную связь».

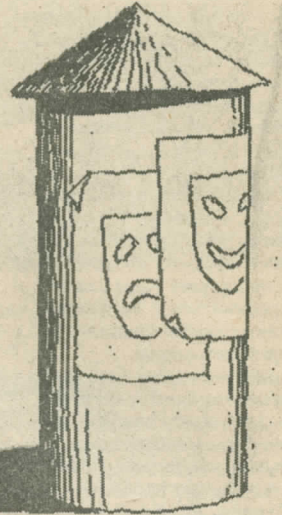
Коллизия Введенского: очумевший и истлевающий мир, спихивающий человека в небытие со всех своих подгнивших ступеней. Камю рекламирует бунт — Введенский описывает фарс, самоглумление и предательство Великих Понятий, принимающих ради самосохранения убудочные формы. Единственно

честная форма человеческого существования в этой катавасии порченных смыслов — заурядность, нищета мысли как чистота мышления.

Режиссер Александр Пономарев взял в протагонисты актера очень странного — Виктора Маркевича. Скванная пластика, затрудненная артикуляция — вопиющая незаразительность, но это-то и существенно для замысла. В спектакле нищета мысли (скажем, удобства ради, образ «маленького человека») подается всерьез и без дистанции, без благословляющего жеста. Это и есть по-обэриутски «реальное искусство».

В обоих спектаклях новый театр утверждает себя вопреки старому и границу проводит ясно. Фоменко не препятствует маститым моссоветцам играть «нормальных», хорошо переваривающих этот мир римлян с грузным пафосом, жирными оценками и трагедийными жестами. Технология нормальности сама себя должна выпороть. Пономарев присовокупляет к пьесе Введенского ехидную безделку Н.Ереинова «Школа этуалей»: в ней кипят страсти, ведутся разговоры о высоком искусстве, а работает школа на жидкий кафешантан, поставляя партиями эстрадные полуфабрикаты.

Так или иначе, в текстах XX века, взятых в работу, ценность человеческого выбора обосновывается смертью. Приняв это как должное, «тихий сезон» обживал XIX век — от Лермонтова до Чехова — и был исполнен бодрого театрального самоутверждения. Оно было программным в «Лесе» Мастерской Михаила Мокеева — спектакле, целиком сделанном ради радости театральной игры. Мокеевским артистам куда ценнее отношения между собой, чем со зрителем. Они не стесняются забывать о зале, пускаясь в дебри каких-то полувнятных внутренних подначек и заморочек. Спек-

Олег Меньшиков в спектакле «Калигула». Театр имени Моссовета.

такль теряет целеустремленную, рассчитанную на отклик выразительность, но зато весел не напоказ. Приемы очень простодушны, техника же изощрена. Здесь научились властью баловаться, не ломая любимых игрушек.

Самоизъявлением театральности и обворожительным самолюбованием был спектакль Александра Филиппенко «Мертвые души» — вот уж не простое и не простодушное, зато как ластящееся к зрителю действо! «Мертвые души» в подаче Филиппенко не оставляли места для умозаключений типа: «Как грустна наша Россия...» Конечно же, грустна, но в данную минуту это не важно. Важен божественный, самоигральный текст поэмы. О литературоведческих мотивациях и претензиях тут даже думать смешно. Что за разница, как преломится луч в огранке камня — ведь все играет!

На «большой сцене» этому торжеству веселящегося театра сегодня пары нет.

Веселая память

Что веселы оказались «Лес» и «Мертвые души» — что ж странного. Но дух веселья, «выпуклая радость узнавания» пронизывает любую работу с классическим текстом, независимо от темы. Это важное и неожиданное свойство «тихого сезона».

Юмор Юрия Погребничко в «Трех сестрах» был довольно жесток, и основания на то имелись. Режиссер, как и в прежних работах, старался выследить последствие пьесы, отголоски чеховских мотивов в после-чеховском времени. Его интересуют не гипотетические «корни культуры», а новые побеги — цветущие,

хилые, засыхающие — неважно. Иногда он с азартом рубит сук, на котором сидит сам, — что ж, вольному воля, а умному — автопародия.

В «Трех сестрах» по сравнению с «Чайкой» нет, кажется, ничего принципиально нового, и как раз отсутствие новизны — принципиально. Чехов для режиссера — не только точка культурного отсчета, но и факт личной биографии. Факт длящийся. Поэтому можно менять приемы игры, но не смыслы и не атрибуты. Режиссер предлагает зрителям следить не за поведением персонажей, а за дальнейшим развертыванием темы. Что могла бы означать фраза: «В Москву, в Москву, в Москву» девяносто лет спустя, в 1991-м? Зачем теперь ехать в Москву? Ответов, скрытых и явных, в спектакль Театра на Красной Пресне заложено несколько, но один самоочевиден. За колбасой, конечно.

Звучит не вполне прилично, то есть по жизни — в самый раз, а вот по Чехову... Но ведь те изъяды культуры, в которых мы себя и всю страну упрекаем, не «пустые места», требующие заполнения, а особая материя той же самой культуры. Дурная плоть, но живая. Именно подспудная любовь ко всему живому делает лихие трюки и выпады в «Трех сестрах» не ироническими, а самоценно веселыми.

На удивление весел и легок был лермонтовский «Маскарад» в 5-й студии МХАТ, поставленный Романом Козаком. Это была радость жизни по законам поэзии, радость полновочувствия и эластичного лермонтовского ямба. Изъясняться на языке до-интеллигентской эпохи, не стилизуя его, а упиваясь им, чувствовать, как в сердце стучит рифмованная кровь «золотого века», — это ли не веселье? Есть, конечно, опасность: сфальшивить с натугой. В такой игре полагаются тайм-ауты.

Арбенина блистательно сыграл Александр Феклистов. В его интерпретации эта трагедия стала трагедией человека, раздавленного образом Игрока с большой буквы. Арбенин выбрал не самого себя, а романтический образ: и в игорном доме, и в своем собственном. Личность была поставлена на карту и, конечно, проиграна сразу, как стала ставкой.

Есть игры-состязания и есть игры-временпрепровождения, отличающиеся отсутствием борьбы и награды: например, театральная. В последних человеку участвовать опаснее, но, конечно, куда веселее. «Тихий сезон» реализовал идею культурной памяти как возобновляемой игры. На победу невозможно рассчитывать. Кого побеждать: себя или культуру?

Это так обнадеживало и раскрепощало, что даже самая мучительная русская проза, тяготеющая от-

нюдь не к игре, а, скорее, к пророчеству (т.е. к высшей степени незабавного), оказалась вовлечена в хоровод легкости, остроумия и веселья. При всем этом ни глубины, ни пронзительности она не потеряла. Я говорю, конечно, о Достоевском и о спектакле Камы Гинкаса «Играем «Преступление» на малой сцене Московского ТЮЗа.

Спектакль строится на резких и — можно и так сказать — юмористических сцеплениях. Вот Раскольников томит зрительскую душу угрожающим сочетанием топора и вкопченной белой курицы: неужто зарубит? Нет-нет — появляется старуха-процентщица (вовсе не старуха, а скорее уж баба): спущенные концы белой шали, круглые бессмысленные глаза, руками хлопает — чудо как похожа на несущую. Ага, это он, значит, вот кого, курицу в высоком смысле слова. Ладно, это хорошо... Хорошо?

Потом она появится еще раз — с придурковатой улыбкой во весь рот и с топором в голове, проломленной аж до переносицы: нате вам. Наиболее впечатлительным зрителям видны брызги мозга на лезвии. А потом, в финале, баба усядется со всеми шинковать капустные головы и хрупать кочерыжки. Вроде бы такой хэппи-энд, травоядное блаженство, а на душе нехорошо.

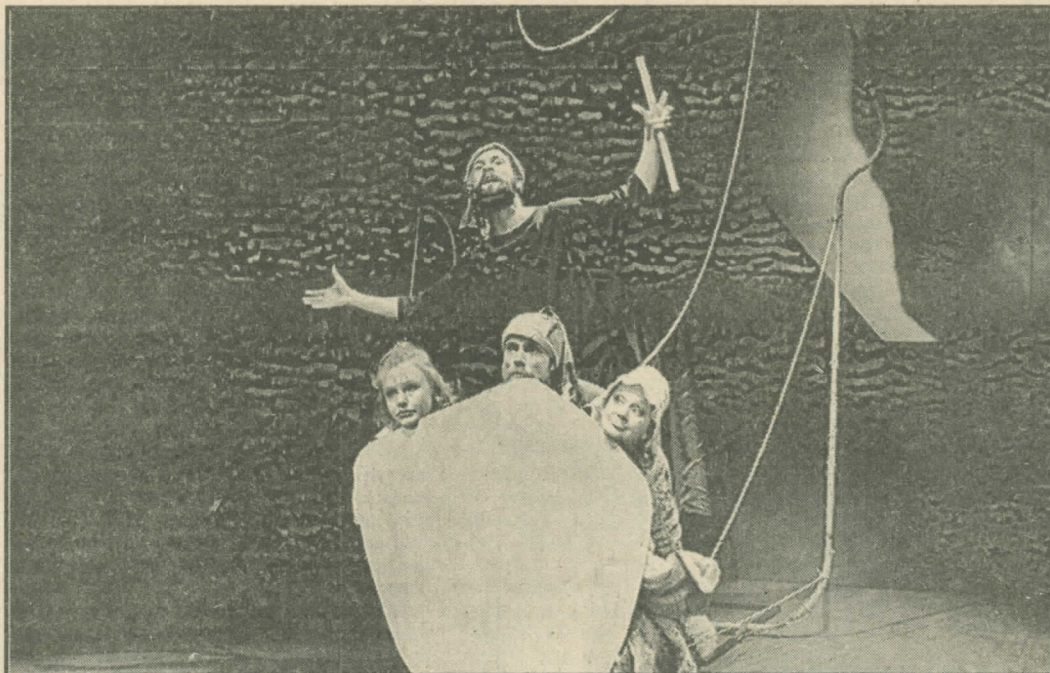
Такая цепочка, при всей ее второстепенности, позволяет уловить принцип спектакля. Все очень просто: шок-шоком вышибают. И в итоге персонажей — дивное трио М.Гротта, В.Гвоздицкого, И.Юревич — окутывает атмосфера рискованного, отчаянного веселья, не до конца переболевшего трагедией.

Незавершенное будущее

Здесь, собственно, можно прерваться, хотя многое осталось вне обсуждения. Я не сказал ни слова о двух чрезвычайно обаятельных режиссерах, занимающих промежуточную позицию между театром традиционным и посягающим на будущее: Сергее Женоваче («Панночка», театр-студия «Человек») и Алле Сигаловой («Отелло», Независимая труппа). За скобками остался также сокровенный пласт «тихого сезона» — театр, уже явно переставший быть искусством для потребителя, театр, становящийся новой формой жизни-искусства: «Школа драматического искусства» Анатолия Васильева, Мастерская Клима и — через запятую с ним не пишущийся — Театр Театр Бориса Юхананова. Однако, держа в уме радикальный «тишайший» сезон, можно попытаться подвести некоторые итоги «тихого».

Театр констатировал, что у нас хватает смелости жить в «конце концов» и испытывать будущее. Чего не хватает — так это собствен-

Сцена из спектакля
«Кругом Возможно
Бог». Группа
«Чет-нечет». ВОТМ.

ных духовных оснований. Как только речь заходит о чем-нибудь более сложном, нежели лозунг или шутка, продолжить разговор без ссылок на классические тексты не получается. Будущее не строится на пустом месте — и, в любом случае, мы куда более готовы его претерпевать, чем строить.

В этом смысле начавшийся сезон, конечно, будет сезоном классики по преимуществу. Хейфец, может быть, доделает Лермонтова, Захаров намерен поставить Чехова, Плущек уже выпустил Уайльда, Левинский сделал советско-австрийское

представление по «Маленьким трагедиям» Пушкина, и это только начало. Единственное, что смущает: для «тихого сезона» классика была проблемой и испытанием, большая сцена склонна видеть в ней панацею и залог душевного комфорта. По нынешним же временам классика — вещь грозная, а не комфортабельная.

Усилиями «тихого сезона» театр преодолел два искуса: искусств неврастенического кривляния, выдающего себя за развлечение, и искусств самодраматизации, более опасный. Можно лишь благословлять «тихий

сезон» за то, что он оказался веселым сезоном, за достоинство отдельной и самоопределяющейся жизни, за бодрое и ровное дыхание.

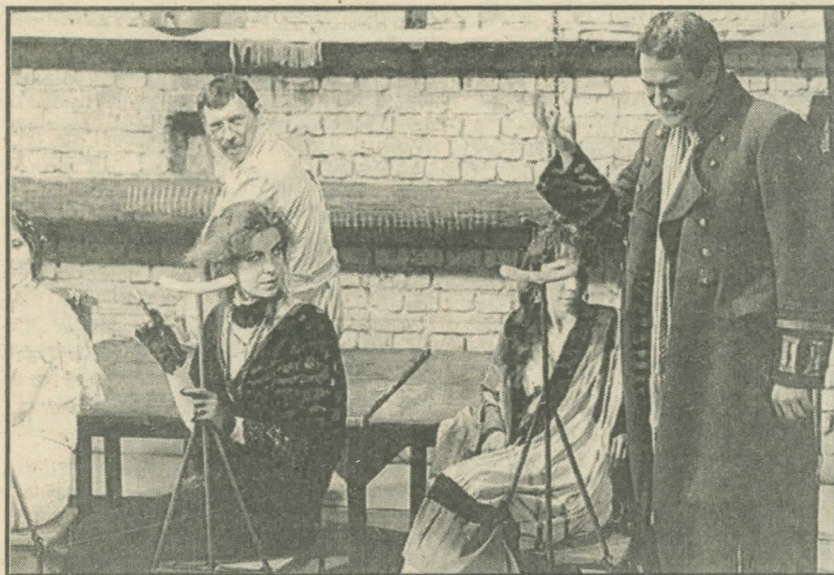
Сочетание слов «свободная Россия» и «голодная зима» маячит на горизонте. Это грозит скорой усталостью духа и этакой прекраснотушной, заранее все грехи себе отпустившей ненавистью друг к другу. Это грозит не торжественной «гибелью», а мелким и тошным «бобком» — всем, кроме тех, кто отваживается жить по подсказке искусства.

Вспомним, как ровно семьдесят лет назад Анна Ахматова писала, сама себе дивясь:

*Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?*

Непрочная гармония, обеспеченная нищетой, нахлынувшая нежность культурного сиротства — все это уже было испытано и было прославлено русским искусством. У нас есть, что вспоминать, и только поэтому — есть, на что надеяться, не по праву, не по заслугам, не знаю — как, но «будущее, очерченное искусством», дает нам к себе прикоснуться. От нас зависит, удостоимся ли мы в него войти. В противном случае (закончим фразу, оборванную в эпиграфе) «нас ожидает прошлое, — прежде всего политическое, со всеми его массовыми полицейскими прелестями».

Фото В.Баженова и И.Кравченко

Сцена из спектакля «Три сестры».
Театр на Красной Пресне.

ИМИДЖ
РЕКЛАМА

«Кто не рискует, тот на Красной площади не приземляется»

*но риск оправдан
только тогда,
когда он застрахован», —
считает
генеральный директор
страхового общества
«Сервисрезерв»
Владимир ЕЛКИН.*

— Владимир Иванович, беседу с вами хотелось бы начать с разговора о фотографии, помещенной на первой странице обложки этого номера нашего еженедельника. Как вам удалось повторить «подвиг» Руста — приземлиться на Красной площади? Да еще и рекламу разместить в самом престижном месте страны — на фоне Кремлевских башен?

— Кто не рискует, тот и рядом с Красной площадью не приземляется... Ну а если серьезно, дело было так. В конце 1990 года в СО «Сервисрезерв» обратилась фирма, занимающаяся воздухоплаванием. Ее представители собирались на показательные выступления во Францию. Дорога, согласитесь, даже для самолета не близкая, а для воздушного шара — тем более. В пути и в небе всякое может случиться, кроме этого, за рубежом к показательным выступлениям незастрахованные экипажи не допускаются, вот и обратились воздухоплаватели в наше Общество с просьбой застраховать себя и свои шары, так как в мощном Ингосстрахе данной фирме предъявили такой платеж за страхование, что невыгодна стала даже и сама поездка во Францию. А мы рискнули, а заодно договорились о рекламной кампании с использованием оболочки воздушного шара. Кстати, для страховых компаний реклама такого типа тоже рискованна. Она выглядит как

определенная гарантия надежности, безопасности этого шара, и если с ним что-нибудь случится в полете, то авторитет страхового общества, расписавшегося на нем, тоже может пострадать.

Риск оправдался. Воздухоплаватели успешно выступили во Франции, и наше сотрудничество вступило во вторую фазу — за счет своих средств мы заказали изготовление еще одного шара с дальнейшей передачей в аренду профессионалам и в ближайшее время будем использовать его в коммерческих целях, в том числе для полетов с рекламой над Москвой и за рубежом.

— Вы хотите сказать, что страхование повышает безопасность любого дела и любого шага?

— Страхование делает риск более осознанным, а значит, и более оправданным. Ведь прежде чем заключить с клиентом страховой договор, наши специалисты оценивают степень риска того, что мы собираемся страховать. Чем выше эта степень, тем больше процент страхового взноса, что заставляет клиента снова думать о повышении надежности своего дела, но уже с нашим участием, ведь мы рискуем вместе с клиентом. После заключения договора страхования все наши службы подключаются, чтобы у клиента операции заканчивались успешно. Как показывают исследования, условия страхового договора могут мобилизовать клиента, а могут вообще отговорить его от слабо проработанной операции, и, я думаю, уже есть с пару десятков наших друзей, ставших ими в связи с предотвращением нашим Обществом их разорения от действий недобросовестных партнеров в хозяйственных операциях.

Особую актуальность страхование приобретает при рыночных отношениях. По сравнению с плановым хозяйством рынок, да еще в сегодняшней экономической неразберихе, более стихийен и подвержен случайностям, как не зависящим, так и зависящим от людей. И как защитная реакция на происходящее — возрастает потребность человека, коллектива в подстраховке себя и своего дела от разбушевавшихся случайностей и страстей. Именно этим и объясняется бурное развитие страхового дела по мере совершенствования рыночных отношений. Страховое дело процветало и в дореволюционной России. Одно из лучших, построенных незадолго до революции, зданий в Москве, где нынче размещается центральный аппарат КГБ, принадлежало в свое время страховому обществу «Россия». А посмотрите на процветание страховых компаний в сегодняшнем

цивилизованном обществе! Нетрудно понять, что без них на Западе не сдвинется с места в наши дни ни один автомобиль. Ни одна крупная коммерческая сделка не совершается без соответствующей подстраховки. В прежние годы нас любили пугать неуверенностью человека в условиях рынка. Но это не так. На Западе сейчас складываются практически неограниченные возможности для делового риска. Не страшась, можно браться за любое сложное дело, ибо каждый твой шаг застрахован.

— Вы тоже стремитесь к всеобщему страхованию в стране? Но в отличие от Запада у нас такое занятие может, наоборот, оказаться разорительным. Особенно сейчас, в период тотальной необязательности. У меня такое ощущение, что в нашей стране, вопреки теории вероятности, даже несчастные случаи и пожары распространяются, как эпидемии: косят всех подряд. Как вы создали Общество и не разорились?

— «Сервисрезерв» был создан два года назад в числе тогда еще немногих страховых обществ, альтернативных Госстраху. Условия жизни, как вы помните, в это время у нас также не были идеальными. Возросли преступность и несчастные случаи, усилилась неуверенность людей, завершались крахом даже самые тщательно разработанные операции. Понесли потери и мы: только по страхованию кредитов мы уплатили за клиентов 13,2 миллиона рублей. И тем не менее наше страховое Общество не лопнуло от нажима обстоятельств. Я благодарен Госстраху, воспитавшему плеяду мыслящих страховых работников, к сожалению, не нашедших себя в государственном страховании, но в коммерческом они оказались как рыба в воде. Раскрепощение человека от лишнего инструктирования — пусть сам мыслит и считает, советуется — способствовало тому, что сегодня нашими страховыми услугами пользуются свыше пятисот организаций из различных регионов страны, десяток тысяч частных лиц, наши активы на 1.07.91 составили более 50 миллионов рублей, только за второй квартал 1991 года мы перечислили в финансовые органы 2 миллиона рублей прибыли.

— Это прибыль только от страхования?

— Конечно же нет. При устоявшемся равнодушии к страхованию привлечь новых, а тем более выгодных, клиентов крайне сложно. К сожалению, к нашим услугам люди предпочитают обращаться лишь после того, как с ними случится нечто неладное. А до того по традиции надеются на

русское «авось пронесет». Поэтому страховой фонд за счет процентных отчислений пополняется медленно. А именно размер этого фонда и является в нашем деле гарантией стабильности. Чем он больше, тем шире и активнее страховая деятельность, тем большему количеству людей мы можем помочь в критических ситуациях. И чтобы быстрее пополнить этот фонд, нам приходится заниматься побочной коммерческой деятельностью, мы направляем в этот фонд сейчас даже дивиденды пайщиков.

— У вас сейчас много конкурентов?

— Об этом говорить рано: я не вижу пока серьезных конкурентов Госстраху, хотя в страховом деле, так же как и в банковском, биржевом, в наши дни наблюдается определенный бум. Только в Москве уже функционирует по крайней мере шесть десятков страховых обществ, а в стране их количества не знает, вероятно, никто. Но их обилие не вызывает тревоги. Специфика страховой работы такова, что вновь появляющиеся общества могут быть серьезными конкурентами только при решении трех задач: наличии профессионально подготовленных кадров, значительного страхового фонда и, что самое главное, наличии доверия клиентов, то есть авторитета. Авторитет в страховом деле, пожалуй, самый важный компонент успеха. Обязательство перед клиентом должно быть свято и нерушимо, и наряду с профессионализмом это основной долг наших сотрудников. Держать свое слово мы обязаны даже ценой значительных убытков. В противном случае клиенты верить не будут. Например, известное положение о 13-процентном налоге на страховые суммы мы выполняем за свой счет, а есть фирмы, которые убеждают клиента страховаться, не ставя его в известность, а при выплатах удерживающие налог с клиентов «по закону». Я это называю обманом клиента и компрометацией страхового бизнеса. На сегодняшний день эти фирмы в более льготных условиях, но завтра с ними никто работать не будет. В условиях конкуренции в конечном итоге победит честный партнер.

— Ваше Общество находится в районе станции метро «1905 года» на улице 2-я Звенигородская, 13, на территории производственного объединения «Мострикотажмаш». Почему вы расположились здесь, а не арендовали офис получше?

— Я знал генерального директора ПО «Мострикотажмаш» Громадчука еще по прежней работе как очень порядочного человека и не ошибся, когда обратился к нему. Из 8 вариантов размещения

«Надеемся стать одной из немногих страховых компаний, организованных по японскому семейному принципу, но с российским размахом»

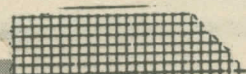
только Андрей Андреевич предложил аренду помещения без дополнительных денег сверх договора, иначе говоря, взятки. И надеюсь, от честности руководства объединение только выигрывает. СО «Сервисрезерв» оказывает сейчас и будет далее оказывать предприятию услуги, направленные на повышение финансовой устойчивости завода и защищенности его работников, чего нынче в производственных структурах особенно не хватает. А помещение со временем мы отремонтируем. Это трудности преходящие.

— Расскажите подробнее о своей работе. Какие услуги вы предлагаете клиентам?

— Наше Общество производит ряд видов страхования, изложенных в почти 60 условиях страхования. Например: личное страхование. Это вид, включающий в себя «Условия коллективного страхования работников, служащих и их детей от несчастных случаев за счет юридических и физических лиц», «Условия страхования социальной защищенности мигрирующего населения за счет предприятий», «Условия страхования водителей и водительских прав», «Условия страхования советских граждан, выезжающих за пределы СССР» и так далее. В принципе, перечень наших услуг охватывает различные виды рисков, подлежащих страхованию и в которых наши клиенты высказали

потребность. Причем перечень этот постоянно расширяется.

Сложность лишь в одном. В неумелом вмешательстве государства, а если точнее сказать — бюрократических структур в страховые дела. В ноябре этого года должен быть принят закон о страховании. Проект его составляли, вероятно, работники Госстраха, и, к сожалению, без понимания того, что жизнь имеет особенность изменяться. К примеру, одной из нелепостей, уже введенной в практику и претендующей быть узаконенной, является обязательное лицензирование условий страхования. Допустим, вы обращаетесь в страховое общество с конкретной просьбой застраховать от того, что во время намеченного вашего выступления вас снимут с трибуны или «захлопают», то есть хотите застраховать себя от моральной травмы. Таких условий страхования у нас нет, но мы вполне можем прийти вам на помощь, ознакомиться с тезисами, за один день оценив степень риска или просто рискнув ориентировочно и составив на следующий день Условия страхования и соответствующий договор. Так вот, чтобы этот договор был признан действительным, надо получить на него необходимую лицензию! Но так же до абсурда можно дойти! Никто не может предугадать, с какой просьбой может завтра обратиться к нам клиент. Жизнь непредсказуема! Я не против лицензирования, но лицензию надо выдавать в целом на страхование

как вид деятельности. Ведь банкам не дают лицензию на каждую операцию! Надо выдавать лицензию на определенную квоту страховой ответственности. Например, наше Общество имеет уставный фонд 20 миллионов рублей — пусть нам дадут предел страховой ответственности в 1 миллиард рублей, а будет фонд больше — можно увеличить этот предел. Или сделать предел ответственности в зависимости от активов. Согласен, что без лицензирования на деятельность нельзя. Наши клиенты доверчивы и часто отдают деньги, не интересуясь уставными документами и балансом страховщика. А это опасно — сейчас много страховых фирм с ограниченной ответственностью в 50—100 тысяч рублей.

Лицензирование ограждает не только клиентов, но и само коммерческое страхование от дилетантов и проходимцев. Вообще в дополнение к лицензированию на деятельность я предлагаю также публиковать балансы страховых фирм.

Не предусмотрены новым законом и условия страхования морали, коммерческих операций, юридического страхования и так далее. Что я имею в виду? Человек, например, просит застраховать себя от незаслуженных нападениях прессы, и мы берем на себя обязательство не деньги уплатить, а добиваться опровержения в случае таких нападков.

— Как я понимаю, застраховать себя можно буквально от всех непредвиденных обстоятельств. Неужели нет ограничений для страхования?

— В принципе страховать можно что угодно. Представим себе, что вы решили сыграть «в наперсток» и для этой игры решили подстраховаться. Оценив степень риска в такой игре как 33-процентную при вашей невнимательности, наши специалисты обозначат в страховом договоре как раз треть суммы, которой вы собираетесь рискнуть. Рискуете ста рублями, вносите в виде взноса 33 рубля — и играйте на здоровье. В случае проигрыша вам сто рублей. В то же время от мошенничества вы будете застрахованы нашими собственными методами, являющимися коммерческой тайной. То есть наш риск — степень вашей внимательности.

Есть, пожалуй, только одно серьезное ограничение для страхования. Это размер страхового фонда. Но об этом уже говорили. Могу только добавить, что как минимум есть два варианта решения проблемы недостаточности фондов: перестрахование или снижение процента страховой ответственности. Наше Общество пока на перестрахование отдает только риск невозврата кредитов на сумму более 40 миллионов рублей или часть рисков с повышенной вероятностью их наступления.

По другим видам страхования наши пределы ниже. Так, максимальная сделка по имущественным видам страхования — страхование зафрахтованных торговых судов поочередно на общую сумму, равную двум миллионам долларов. Такого количества валюты у нас, конечно же, не было. Но мы были готовы, случись что, купить эти доллары на аукционе по рыночному курсу. Скажу честно, что нам пришлось пережить несколько недель напряженного волнения, пока наши американские страховые партнеры не сообщили, что торговые суда прибыли к месту назначения.

— Вы страхуете даже на случай общенациональных катастроф, гражданской войны?

— Ни одна из коммерческих страховых компаний, конечно, если она не «надувает щеки», не возьмет на себя обязательства возмещать убытки в случае общенациональных катастроф. Для этого должен быть запас средств в миллиардах рублей. Проектом нового закона о страховании предусмотрено создание российского специального фонда катастроф. Правда, я не согласен с тем, что взносы в него должны вносить только страховые компании. Это обязанность всех до одного юридических и физических лиц страны, а вот резервный страховой фонд должны собирать страховые компании. В то же время управлять им должен не Совет Министров РСФСР, а лицензионный страховой комитет, который должен, как я считаю, и давать лицензии на страхование, и нести ответственность за убытки, нанесенные клиентам непорядочным страховщиком при наличии лицензии, и помогать страховщикам в трудных положениях на льготной возмездной основе из этого фонда.

— А что людей беспокоит сегодня больше всего? От какой напасти они страхуют себя чаще обычного?

— Сейчас люди боятся завтрашнего дня. Боятся новых налогов, взвинчивания цен, разорения, нищеты. Я не могу сказать, какие условия страхования сейчас максимально в ходу, — это наша небольшая коммерческая тайна. Но нестабильность обстановки, как политической, так и экономической, мешает и развитию страхования, заставляет очень серьезно относиться к вопросу проверки риска хозяйственных операций, тратить на это значительные суммы, которые мы могли бы направить на социальную защиту малоимущих слоев населения.

На сегодняшний день не могу похвалиться широким развитием индивидуальных видов

страхования, что требуется многим. Разве только страхование дач. Общество работает, в основном, с организациями. Немало руководителей предприятий, заботясь о своем коллективе, заключили с нашим Обществом коллективные страховые договоры. Мы, например, заключаем договоры страхования работников предприятия за счет средств предприятия на случай ликвидации производства (цеха, отдела), на случай снижения дохода работников, договоры смешанного страхования жизни, страхования от несчастного случая всего трудового коллектива (на случай травмирования отдельного работника), причем как минимум по 4 позициям выгоднее для клиента, чем Госстраха. Например, ответственность по аналогичному договору у Госстраха — 8 часов плюс минус время «на работу — с работы», а мы несем ответственность 24 часа в сутки, Госстрах не отвечает за смерть от старости, от инфаркта, инсульта и так далее, которые для него не значатся в несчастных случаях. Но ведь люди хотят жить, и мы несем ответственность за их смерть от любой причины.

— Вы упомянули о дачах. Неужели их тоже выгодно страховать? Ведь, судя по миллионским сводкам, дачи сегодня особенно часто подвергаются нападениям преступников, так как являются практически беззащитными.

— Страхование дач прибыли нам не приносит, хотя мы и подняли тариф до одного рубля со ста страховой суммы. Но в данном случае мы ее и не преследуем. У страхования другая цель: помочь в беде человеку, вернуть ему уверенность, спокойствие и возможность в кратчайшие сроки восстановить дачу. Ну а заработать можно и на другом виде страхования.

— А какие еще преимущества ваше Общество имеет перед Госстрахом?

— Мы и создавали «Сервисрезерв» с тем, чтобы помочь людям в том случае, когда их риски не охватывает Госстрах, то есть не в противовес, а в дополнение к государственному страхованию. Поэтому перечень специфики и особенностей наших услуг мог бы занять много места. Скажу лишь об одном существенном нюансе: мы выплачиваем страховую сумму или возмещение пострадавшему в течение одной недели, еще до завершения работы следственных органов и решения суда. Причем оперируем не государственными, а рыночными ценами и договорными тарифами.

— Как вы видите конкуренцию со стороны Госстраха?

— Конкуренции, как я уже отметил, еще нет. Мы слабы. Но попытка монополизации со стороны Госстраха была еще в 1989 году, когда заместитель министра финансов СССР — председатель правления Госстраха СССР т.Шахов разослал во все министерства письмо о самозванцах на страховом поприще. Это письмо отбросило коммерческое страхование на годы. Времена изменились, т.Шахов отказался от монополии, но не извинился перед «самозванцами», и отголоски этого письма еще сказываются в глупинке России, где работают наши представительства.

Сейчас пока другой конкуренции не чувствуется, разве что через новые документы, жмущие на нас. Госстрах сейчас занят «приватизацией».

На сегодня, я считаю, та «приватизация» Госстраха, которая идет, в корне неправильна. Надо не плодить «независимые» акционерные общества без фактических страховых фондов, но с пайщиками-руководителями, а разделить все активы Госстраха на число граждан страны, и пусть каждый решает, куда ему вложить эти деньги: в Госстрах или другую структуру. Тогда можно будет говорить о конкуренции.

А вообще, хотя Госстрах и развивается, жаль, очень жаль эту мощную структуру, которой я отдал 10 лет своей жизни и которая гибнет из-за некомпетентности ряда руководящих звеньев. Она могла бы дать государству дополнительные миллиарды рублей без ущемления чьих-либо интересов и к пользе клиентов. Вместо этой структуры в страховой рынок страны вклиниваются иностранные страховые фирмы, интерес которых, конечно же, не связан с населением нашей страны или сейчас уже — группы стран.

— Несколько слов о своих планах на будущее...

— Уверен, что вскоре создание новых страховых компаний в странах бывшего СССР прекратится. Мировой опыт свидетельствует о том, что малые страховые фирмы поодиночке выживают только узкоспециализированные. Или они поглощаются более сильными. Наш ограничитель еще — отсутствие достаточного числа специалистов. Надеемся в будущем стать одной из немногих мощных страховых компаний, организованных по японскому, семейному принципу, но с российским размахом. Мы заинтересованы в том, чтобы у нас работало как можно больше родственников. Семейственность, на наш взгляд, это гарантия честности, заботливости, доверительности, всего того, что исключительно необходимо процветающему страховому обществу, да и любой коммерческой структуре.

Беседу вел Ю.БЫЧКОВ

Аркадий ЛЬВОВ:

«КУМИРЫ МНЕ НЕЕНАВИСТНЫ»

Шести изданных на родине книг, многочисленных публикаций в периодике, благожелательных оценок литературных генералов не хватило Аркадию ЛЬВОВУ ни на то, чтобы стать членом СП, ни даже на то, чтобы уберечься от дознаний по линии КГБ и внесения в «черный список». Лишенный возможности печататься, Львов в 1976 г. эмигрировал в США, стал членом ПЕН-клуба, научным сотрудником Гарвардского университета, ведущим разнообразных программ на радио «Свобода» и — главное — «одним из наиболее выдающихся современных русских писателей» (Айзек Башевис Зингер, лауреат Нобелевской премии по литературе). Издан роман «Двор» (2 тома из четырех задуманных) — на французском, английском и русском языках, изданы сборники рассказов «Большое солнце Одессы» и «Бизнесмен из Одессы», вышли две книги литературоведческих эссе (еще две — готовятся), посвященных «русским советским» писателям — евреям по происхождению, в Нью-Йорке появился сигнал нового романа «Химеры».

Сегодня, продолжая знакомиться с прозой Львова (в «Дружбе народов», №№ 2—4 за этот год, уже напечатан «Двор», журналы и газеты публикуют жестоко-сентиментальные «американские» рассказы), стоит ясно сказать себе, что в нашей литературе ныне живет ни на кого не похожий ЕВРЕЙ — большой, сильный, зычный шестидесятичетырехлетний человек, который позволил себе ввалиться в чопорные русскоязычные стены, волоча за собой весь кагал одесских сородичей с их вечными гвалтом, кипежем и бесчисленными цорес. То, что долгое время было предметом полустыдливого полухихиканья либо интимно-ханжеского (даже наедине с собой) умолчания — именно феномен советского еврейства, — Аркадий Львов сделал Литературой. Под таким углом зрения и следует, на мой взгляд, читать не только его блестящую художественную прозу, но и эссе о писателях (отры-

вок одного из эссе — об Осипе Мандельштаме — мы публикуем), а также выслушивать его суждения: все это написано и сказано евреем — во всех имеющихся высоких и низких, печальных и забавных смыслах этого понятия.

В 1946 году, 19 лет, я был исключен из университета (я одновременно учился на его историческом факультете и на электротехническом факультете Политехнического института) — «за клевету на советский народ и ревизию учения товарища Сталина».

— **В чем же состояли клевета и ревизия?**

— Понимаете, я всю жизнь, буквально с детства, чувствовал какое-то колоссальное давление. Чувствовал, что в той чудовищной кумирне, в которую превращена страна, есть нечто непристойное. Символично, что когда я пришел вступать в пионеры — то забыл галстук, и в пионеры меня не приняли. Точно так же позднее я забывал платить комсомольские взносы, и меня исключили через 10 или 11 месяцев после вступления.

— **Интересно. Вы ведь из простой советской семьи...**

— Абсолютно простой и советской трудовой семьи: мама — портниха, отец — рабочий. Жили, как все советские люди, в страхе: скрывая отцово непролетарское торговое происхождение. У нас в семье никогда — не помню ни одного эпизода — не велись разговоры о политике: мать моя считала, что это к добру не приведет, а когда у меня началось все это дело с исключением из университета, была в безумном страхе.

— **...Простая советская семья, советская школа, советский вуз, год рождения — 1927... Считается, и не без оснований, что именно поколение 20-х годов, все впечатления детства которого были уже (или еще), так сказать, вполне советскими, а жизнь протекала под грохот великого социалистического строительства, есть первое и, в некотором роде, единственное поколение истинно советских людей. Тем интереснее исключения.**

— Я бы не решился делать сам о себе такие выводы, если бы не факты. У меня сохранились дневниковые записи, сделанные во время войны (мне было 14 лет), где я впервые поставил для себя под сомнение заслуги Сталина.

Позже, учась в университете, я услышал знаменитый тост Сталина о великом русском народе, герое и труженике, и сказал, что в этом есть что-то немарксистское, потому что, раз есть народы храбрые и трудолюбивые, должны быть народы трусливые и ленивые. Это мне как раз инкриминировали при разбирательстве. Любопытно также, что в один прекрасный день я хорошенько поддал, лег на кровать, и в моих ушах сами стали звучать антисталинские стихи (это 1946

год!), которые я запомнил и читал друзьям, но никогда не записывал и не публиковал, потому что никогда не считал себя поэтом. Записал эти стихи впервые совсем недавно — попросили.

А самое любопытное, что сейчас речь идет о том, чтобы включить меня в списки почетных выпускников того самого выгнавшего меня университета за всю его 125-летнюю историю. Мне предложено читать там курс. Даже медаль дали. Она такая увесистая — в Нью-Йорке это очень существенно: ночью можно защититься...

— **А как складывалась ваша судьба после исключения?**

— Университет я все-таки окончил, потеряв немало времени, в 1951 году. Работал учителем в школе — сперва на Западной Украине, в городишке Чертков в Тернопольской области. Преподавал все: историю, географию, литературу, даже математику.

— **И как жилось в обществе, которое было вам поперек горла? Конфликты продолжались?**

— Беспеременно! Сам себя я всегда квалифицировал как «застенчивого диссидента»: я никогда не состоял ни в каких организациях, но конфликты с властью сопровождали меня всю жизнь, куда бы ни приходил — а меня периодически выгоняли, приходилось часто менять места работы. Одно время было очень плохо — практически нечего было есть. Я, однако, считал недопустимым, чтобы мне, скажем, помогал отец, полагал, что не имею права жить на чужие деньги — что заработал, то заработал. Это было мое правило. Тут, понимаете, вопрос даже не морали, не какой-то там высокой нравственности — мне это было нужно, просто чтобы сохраниться, не погибнуть как личности.

Если хотите, можете все мои контры с властями объяснить национальным происхождением — в Ветхом Завете сказано: «Не сотвори себе кумира», и всю жизнь кумиры мне ненавистны. И иждивенцем я никогда не был, ни здесь, ни в Штатах. Когда говорят, что государство или правительство что-то мне дало, это значит, что с меня сняли ответственность: не я заработал, а мне дали. А за какие заслуги? А где они взяли то, что они мне дали? Самая страшная ошибка советской власти состояла в том, что она пыталась подменить волю каждого отдельного человека волей партии, волей власти. Это абсолютно невозможно: по образу и подобию Божьему создан человек, а не партия и не государство. Каждый отдельный человек должен нести ответственность. Подавляя, ограничивая его, вы посягаете на волю Творца, исключаете всякую живую жизнь. Я

вспоминаю, как моя соседка в Одессе — глупая женщина, обычная одесская обывательница — говорила: «Ну что, понимаете, они строят *Церемочки* (Черемушки)? Вы поедете туда — не *чешите* себя надеждой; от того, что вы увидите, у вас волосы *дубом* встанут». И действительно: создавалось нечто новое, чуждое, безликое, усреднявшее абсолютно все и лишавшее людей своего лица. За это я партию не любил еще больше, чем КГБ: с теми не было никакой неясности, а партия всегда прикидывалась не тем, что она есть, — доброхотом, наставником... А это были подлые, лицемерные, хитрые, убогие, ничтожные люди, которые стремились к общему нивелированию. Я помню, как секретарь Одесского обкома говорил мне, уже писателю: вот вы пытаетесь доказать, что Одесса своеобразна, а ведь между нею и Рязанью, в сущности, нет разницы — это советские города. А я ничего не пытался доказать, я просто рассказывал об Одессе, как я ее видел.

— **Мы забежали вперед. Если можно, вернемся к началу: как из провинциального учителя вы превратились в писателя, которого публикуют столичные издательства?**

— Писать я начал рано, лет с девяти. В 11 лет уже писал свой первый фантастический роман. Так и писал себе. Напечататься, конечно, хотелось, но не это было главное. Потом начал сотрудничать в газетах, стал заведовать литературной консультацией в молодежной газете «Комсомольская искра», потом меня стали публиковать в Одессе, а с 1965 года — в Москве. Здесь большую роль сыграл Константин Симонов, который прочитал ряд моих вещей и написал мне восторженной письмо. Он отдал рукопись моей первой книги «Большое солнце Одессы» в издательство «Советский писатель» — случай беспрецедентный, я ведь не был членом СП и вообще почти еще не печатался! — где она и вышла в 1968 г. (еще раньше, в 1966 г., книгу поторопились издать в Одессе, увидев мое имя в опубликованном плане «Советского писателя»). К Симонову, кстати, восходит название моей главной книги, романа «Двор». Помню, мы шли с ним по улице, я рассказывал ему, что хочу писать такой роман, где из одного одесского двора был бы увиден весь XX век, и перебирал вслух возможные названия: «Дом, в котором я живу», «Двор, в котором я живу»... Симонов остановил меня и сказал резко: «Нет. *Двор*. Просто *двор* — огромный, как *вся империя*». Представьте себе, что это были за слова в устах человека такого положения! «Двор» напечатать

было абсолютно исключено, это я понимал, хотя еще при жизни Твардовского, в 1970 г., отдал куски в «Новый мир», и заместитель Твардовского А.И.Кондратович читал их.

А вообще публиковаться я стал регулярно, выходили книги, я хорошо зарабатывал, но в СП меня не принимали, хотя рекомендации у меня были самые высокие, какие только могли быть: Симонов, Б.Н.Полевой, В.П.Катаев. Наконец, приняли, протянув три года, в Одессе — но Киев не утвердил. Тогда был такой Солдатенко, секретарь СП, он сказал: «Ни одного жиди из Одессы не примем».

Ну вот, а в 1970 году, летом, в Одессе была холера, город был закрыт, а КГБ проводило дознание по моему делу. Что-то такое было в Варшаве на улице Бабеля (в действительности — «Бабилон», т.е. Вавилон), и меня обвинили в том, что я резидент международного сионистского центра в Варшаве под названием «клуб Бабеля», а также руководитель сионистского подполья в Одессе. На следствии мне все припомнили: и то, что из комсомола меня выгнали, и то, что в партию я не вступил. Насчет последнего я говорил, что не хочу быть, так сказать, формальным членом: раз я член, я должен что-то делать, а делать я ничего не могу, потому что такова моя натура. Занимавшийся мною лично начальник Одесского КГБ генерал Куварзин прекрасно все понимал (он читал все мои книги) и верно все истолковал. Он сказал мне: «Эстетически вы талант, граждански вы нас не устраиваете, вы — наш враг».

В 1973 году я лежал в институте гастроэнтерологии в Москве — у меня было обострение язвы, и друзья из редакции «Недели» помогли мне лечь туда, хотя это было очень сложно: всего 32 койки для язвенных больных на весь Союз. Я лежал в тяжелейшем состоянии, подозревали, что у меня рак позвоночника, так было плохо. И в это время пришло известие, что председатель Президиума ВС Украины Иван Грушецкий опять выступил против меня. Оправившись все-таки, я приехал в Одессу, и мой приятель, директор издательства, сказал, что публиковать меня больше не будут. Я спросил: «В Одессе? На Украине?» Он сказал: «Вообще». Я попал в «черный список» Комитета по печати. Что оставалось делать? Надо было уезжать.

— При выезде, насколько я понимаю, вы проделали обычный тернистый путь советского еврея, так хорошо вами описанный в «американских» рассказах. Виза в Израиль, Вена, Рим, потом Штаты, трудности адаптации...

— Во-первых, я полтора года не мог

получить разрешения. Меня стали уговаривать остаться — в обкоме, в областном управлении по печати, даже зам. министра внутренних дел Украины. Говорили, что поставят-таки мой сценарий — я тогда сдал его на киностудию и уже получил по договору деньги, но в связи с моим положением непубликуемого ставить его не собирались, а тут — пожалуйста... Они боялись, что я, как только выведу, буду выступать против них. А я, кстати, никогда не позволял себе сводить личные счеты.

Потом возникла проблема с рукописями. Мой друг, архитектор, переснял «Двор» и рассказы на микроплёнку, и они с моим племянником вывезли их в обувных щётках, выдолбив колодки и спрятав там. Но я думал, что дадут вывезти хоть рукописи опубликованных книг — после проверки в КГБ вроде бы разрешили, я был уверен, что дадут распоряжение на таможеню. Там, однако, гэбист стал все вынимать из ящика и разбрасывать — тысячи страниц, представляете? И один знакомый, глядя на это, сказал: «Что ты делаешь, это же человеческие мозги!» Короче, абсолютно ничего мне вывезти не разрешили — лишили всех рукописей. Заявили, что это — «культурная ценность советского народа». Мои рукописи! Так я и не знаю, где они.

А в Штатах все было поначалу очень непросто: я, вообще говоря, бедствовал.

— А было у вас ощущение, что вот едете вы, известный писатель, инакомыслящий, и принять вас должны с распростертыми объятиями?..

— Понимаете, в чем дело, в Риме еще, в американском посольстве, мне сказали, что в Вашингтоне меня ждут и все сделают и т.д. и т.п. — а потом все оказалось иначе. Может быть, это было связано с тем, что там в то время все поменялось — президент, администрация... не знаю. Первое время условия у меня были очень тяжелые — не было денег даже на метро. Я установил себе правило: сорок кварталов можно пройти пешком, а если больше — я уже брал билет. Естественно, не было денег и на то, чтобы перепечатать мои вещи. Второй том «Двора» пошел по каналам самиздата, Войнович его переправил из Москвы в Нью-Йорк. А первый том и рассказы (это примерно 1,5 тыс. страниц) я сам перепечатывал — на это год ушел. Разумеется, я кое-что сразу стал зарабатывать — через две недели после приезда я уже печатался в газете «Новое русское слово», а через два месяца начал выступать на радио «Свобода». Могу вам сказать, что за годы работы там я сделал не менее 2,5 тыс. передач, сдал около 12 тыс. машинописных страниц, вел множество

программ — об иудаизме, о христианстве, о писателях, «История КП(б)У в документах», «Советологи о Советском Союзе» и т.д. Это при том, что я писал свои книги. Потом, когда я стал издаваться на западных языках, это уже были деньги.

— А вы богатый человек по американским стандартам?

— Человек я не богатый. А вот писатель я по американским стандартам довольно хорошо обеспеченный. Я так называемый «free-lance writer» — это примерно эквивалентно здешнему «свободный литератор», но включает в себя (в Америке это существенно) то, что писатель живет на доходы от своей писательской деятельности. Кроме того, на радио я «anchorman» (от «anchor» — якорь) — веду программу, в которой занято несколько человек. У меня были периоды, когда при сложении моих писательских доходов, заработка на радио и в университете можно было получить шестизначную цифру годового дохода. Чтобы вы получили представление, что это такое: несколько лет назад «Нью-Йорк таймс» провела опрос двух тысяч писателей, живущих в Нью-Йорке, с целью выяснить, как можно жить на литературные заработки. Доход свыше 100 тысяч долларов в год имели 40 человек. Большинство — около 5 тысяч.

— Это очень мало, насколько я понимаю.

— Это пособие по безработице. Иные живут на деньги своих жен.

— Писательство в Америке, как кажется, своего рода блажь, роскошь, которую может себе позволить богатое «общество потребления». Как говорит герой одного из ваших рассказов, неудачливый писатель из Одессы: «В России есть такая профессия — писатель, в Америке такой профессии нет, в Америке писатель — это хобби».

— Отчасти. Там коммерческий подход, вот и все. Можете быть гением и жить, как последний бродяга.

— А это правильно?

— С какой точки зрения?

— Ну... с некоммерческой.

— С моей — абсолютно неправильно. Это, однако, есть демократия: то, что вы заработали, вы заработали сами. И потеряли — если потеряли — тоже сами.

— Демократия имеет, таким образом, свои издержки.

— Не то слово! Вспомним, между тем, слова Черчилля о том, что демократия, конечно, несовершенна, но пока не найдено ничего лучше. Я провалился — и ни к кому не в претензии. Бранить могу кого

угодно, но кого мне винить? Президента Буша? Госсекретаря Бейкера? Зато уж и мой успех — это мой успех. Я никогда не занимался ничем, кроме писательства и журналистики. Я ничего ни от кого не получал — никаких пособий, ничего. И никому не был благодарен — ни советскому правительству, ни американскому. Я считаю, что благодарен — правительству или хозяину — может быть только раб. В тот день, когда вы сказали «спасибо» тем, кто якобы вас благодетельствовал, вы сказали: «Спасибо за то, что я раб». А в Библии сказано, что все мы рабы Господа. Человек не может быть рабом человека. «Спасибо» можно говорить только себе — и никому else.

Это очень важно для этой именно страны, которую губит привычка сначала благодарить — партию, советскую власть, а потом кричать, что партия, советская власть, КГБ нам мешают. Да кто вам мешает? Плохому танцору, знаете, что мешает? Сколько можно болтать, хватит, скажите, наконец: «Мы виноваты. Мы сами» — и делайте! «Двор» как раз об этом: все виноваты, все, в большей или меньшей степени, были причастны, подобно тому, как человек, который говорит, что Бога нет, такой же верующий, как и тот, который говорит, что Бог есть.

— **Здесь возникает традиционный уже вопрос к приезжающим из «русского зарубежья»: как вам видятся здешние обстоятельства? Я знаю, что вы много времени проводите в родной Одессе и связано это не только с предполагаемой экранизацией «Двора»...**

— Я вижу, что происходит, и знаю, как людям здесь плохо. Меня многое тревожит — когда на той же Украине, скажем, тамошние «дэмократы» кричат, что нужно восстановить «українську мову» — ограничить русский язык, что сначала надо сделать Украину единой, а уж потом думать о федерации. Нет, уж вы сначала дайте тогда автономии Юго-Западной земле (Одесская, Херсонская, Николаевская, часть Кировоградской, Днепропетровской, Запорожской — сколько областей!), дайте самостоятельность этим землям, где преобладает русский язык, — а потом уж делайте Украину единой! А то ведь они кричат, что на Украине русско-еврейское засилье; в Канаде украинцы до сих пор

убеждены, что жида правят Украиной. Какие жида!.. там два с половиной еврея осталось. Полная нелепость.

— **Вы, как видно, считаете, что писатель вправе активно вмешиваться в политическую жизнь...**

— Конечно, писатель должен писать. Но сейчас речь идет не о том, что я считаю или не считаю. Вот, допустим, вам больно, а вас спрашивают: а вы считаете себя вправе вопить? Ну больно мне, понимаете! Мне безразлична эта земля. Я хочу, чтобы людям было хорошо. Я пытаюсь сейчас помочь создать в Одессе свободную экономическую зону. И это не абстрактное пожелание: я, пользуясь своими связями, приглашаю туда выдающихся ученых-экономистов — и они придут!.. Знаете, меня в Америке тоже часто спрашивают: а сколько тебе КГБ платит? Я говорю: не так много и в рублях. И кто спрашивает — бывшие члены партии! КГБ меня за всю жизнь не сломало, — я буду с этими «дэмократами», что ли, церемониться!

Когда мне сегодня задают вопрос по поводу недавних событий, победили ли демократы, — я говорю: нет, не победили. Путчисты потерпели поражение, но находятся не в нокауте, а в нокадауне. Возможен ли новый путч? — абсолютно убежден: возможен. Демократия не декретируется. Для нее требуются абсолютно новые отношения.

— **Так победил не демос, а охлократия?**

— Вообще говоря, демократия и охлократия — понятия очень близкие, а в некоторых случаях совершенно тождественные. Конечно, в высокоразвитых цивилизациях существует демократия, а не охлократия. Но здесь... скажите, кто здесь демократы? Недавние партийные функционеры. Хорошо, допустим, можно изменить взгляды — но привычки? Не помню, кто сказал блистательную фразу: «Если англичан заставить сморкаться по-другому, они устроят революцию». Я прихожу сейчас в гостиницы, в дома — я вижу те же глаза, руки... пусть со мной разговаривают чуть вежливее, но это те же люди. Абсолютно.

Человек из демократического общества прежде всего сознает свою индивидуальную ответственность. Ему не придет в голову винить правительство.

— **Вы думаете, что в этой стране возможна демократия амери-**

канского типа?

— Многие десятилетия нужны.

— **Нужны ли?**

— Видите ли, в России авторитарность все-таки в крови, это часть истории России, и я далек от мысли, что эту часть надо просто исключить. Я абсолютно убежден, что сейчас надо создать партию, которая была бы альтернативна коммунистической, иначе неизбежен возврат.

— **Но теперь много партий...**

— Нет-нет, я имею в виду широкую и достаточно авторитетную партию. Может быть, подобную коммунистической в этом смысле, только противопоставленную ей идейно и политически.

— **Авторитетную и авторитарную?**

— Точно! Авторитетная в условиях России так или иначе значит авторитарная.

— **А на каких началах, по вашему, может быть создана такая партия?**

— Не знаю. Может быть, такая общедемократическая партия будет социал-демократического плана. Все-таки европейский опыт показал, что социал-демократы весьма жизнеспособны, настолько, что сам приход к власти других партий можно считать частью общего социал-демократического настроения общества. Периодическое пребывание у власти несоциалистических партий исключает всякое тоталитарное начало, а сами социалистические партии обновляются и оздоравливаются как раз в такие периоды. Впрочем, дело не в названии, конечно. Ясно, однако, что в этой стране необходимо стремиться к предоставлению малоимущим людям определенных возможностей, т.е. к некоторым социалистическим чертам. Хотя я лично абсолютно не верю в социализм как таковой...

— **А во что вы верите? В свободную волю?**

— Знаете, хотя в «ритуальном» смысле я не религиозный человек, у меня есть абсолютная уверенность в том, что существует высший источник. Я чувствую это, когда я пишу, — какая-то сила как бы ведет меня и направляет и заставляет что-то делать. Я не хозяин себе. И в этом смысле я не верю в свободную волю. Бывает, что я впадаю в печаль, но я знаю, что это великий грех. Поэтому я оптимист.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Аркадий ЛЬВОВ

Из книги

«Желтое и черное»

Моя соседка в Одессе мадам Сербул, обрусевшая молдаванка, разделяла всю Одессу на жидов и нежидов. Насчет первых она не уставала повторять народную мудрость: жид жида держится. Я бы мог ей легко возразить, опираясь на собственный опыт: в университете, когда на лекции профессора Готалова-Готлиба, кстати, выкреста, с упоением цитировавшего знаменитый тост товарища Сталина в честь великого русского народа, я сказал, что тост товарища Сталина немарксистский тост, ректор Микола Опанасович Савчук, впоследствии министр просвещения Украины, передал мое дело в МГБ. Профессора Давид Генрихович Элькин, психолог, и Самуил Яковлевич Коган, философ, заявили про меня, что я всегда мудрую, все подвергаю ревизии и вообще нет для меня ничего святого. А профессор Константин Павлович Добролюбовский, в прошлом кадет, и доцент Николай Павлович Коровяков, ученик Ключевского, оба коренные русские люди, тщились представить меня несмышленишем-мальчишкой и если не выгородить, то, по крайней мере, уменьшить наказание. На студенческом же собрании, где замдекана Пантелеймон Чухрий и парторг Иван Лученко квалифицировали мое суждение о тосте как ревизию учения товарища Сталина и еврейский буржуазный национализм, все, в их числе евреи, голосовали: выбросить из университета и передать дело куда нужно. Все, за исключением одного человека: украинки Маруси Шевченко.

Увы, жид жида, как видим, держится не всегда и не без разбору. Более того, можно привести тысячи примеров, когда не было еврею большего врага, чем другой еврей, и не было еврею большего зла, чем от другого еврея.

Но что из этого? Разве хоть сколько-нибудь снимается этим факт, что при прочих равных обстоятельствах еврей действительно более влечется к еврею, точно так же, как русский к русскому, армянин к армянину, немец к немцу? Разве не говорил великий космополит Томас Манн, что евреи-одноклассники и евреи-издатели бывали ему даже ближе и больше друзья, чем немцы? Разве не приравнивал Антон Павлович Чехов — отнюдь не юдофил — одного еврея Исаака Левитана, по ценности, к трем русским?

Надо быть слепцом или абсолютным ханжой, чтобы в самом этом паритете, которого держались признанные гуманисты, не усмотреть действия племенного магнита, не учяя родовых биотоков, которые то с тиранической силой, то с легкостью зефира обуревают или обвевают наши души.

Не так элементарно, не столь очевидно, как в неживой материи, но существует, бесспорно, национальная валентность, которая определяет психическое сродство «элементов» данной группы.

А теперь вернемся к Осипу Мандельштаму, который в молодости и даже позднее, в зрелые годы, буйно, как это умеют евреи, отряхнулся от иудейских своих валентностей, кои сами иудеи именуют проще: еврейские шуточки-дрючки.

Для него, для Оси, самой фатальной, самой роковой изо всех этих шуточек-дрючек оказалась одна: полная неспособность приладиться к диктаторскому, к палаческому режиму товарища Сталина.

Кто только не набивался Осе в учителя, в наставники! И поносили, и порицали, и журили его за то, что не сыскал в себе сил притереться ко времени, как притирались тысячи других, не мог сам заработать на кусок хлеба и докатился до того, что в буквальном смысле слова стал побирухой, нищим! Как же так: где прославленный — точнее, ославленный — еврейский талант просунуть хвост, где голова не лезет, где вековое умение угодить, найти себе хозяина, покровителя, мецената, вокруг которого еврей мог бы крутиться с пользой для обоих: и для него, и для себя!

Постойте: а может, дело вовсе не в полной, поразительной для еврея, Осиповой бездарности по части приспособления и угодливости, которую этнографы именуют сервиллизмом, может, над ним, над императивом сервиллизма, стоял другой — императив иудейской гордыни?

Но как же сказать, что всему виной он, императив гордыни, если Ося и сам, и через жену свою Надю все свои советские годы, то есть чуть не полжизни, искал себе благодетелей, которые, пусть летами были ему ровней или годились даже в младшие братья, выступали бы для Оси на ролях отцов: и армянские наркомы, и Николай Иванович Бухарин, и секретарь ВЦИК Абель Енукидзе, и сталинский опричник, глава ЦКК М.Шкирятов — не от Малюты ли Скуратова? — и поэт Демьян Бедный, и литературный начальник Александр Воронский, и одесский умелец Валя Катаев, и эстет Ромен Роллан, которому была женой княгиня Майя Кудашева, некогда знавшаяся с Осей. Ах, вздыхал в своей воронежской ссылке Ося, когда в СССР приехал погостить Ромен Роллан: «Майя бегаёт по Москве. Наверное, ей рассказали про меня. Что ему стоит поговорить со Сталиным, чтобы он меня отпустил...»

Боже мой, да разве же это слова мужа — это же причитания, грезы мальчика, который всю жизнь рос без папы!

Надежда Мандельштам писала в «Воспоминаниях»: «Всеми просветами в своей жизни О.М. обязан Бухарину». И книга стихов двадцать восьмого года вышла благодаря ему, Бухарину, и Кирову.

Конечно, Осип Мандельштам среди писателей-поэтов был не один такой: все искали покровителей, все, как выражалась жена Ежова, «к кому-нибудь ходят». К са-

мим Ежовым ходили, например, Бабель, Пильняк. Это ныне, из далека в полсотни лет, кажется зазорным, загадочным, как можно было ходить в гости к Николаю Ивановичу Ежову. А в те года была в этом немалая честь. Не только честь, но и гарантия и, говоря по-теперешнему, приличный навар.

К товарищу Сталину мог ходить только один: Максим Горький. Но стоило товарищу Сталину звякнуть по телефону Борису Леонидовичу Пастернаку, как тут же разнеслось по всем градам и весям: Сталин звонил Пастернаку! И по сей день, почитай, уже полвека, тренькает этот телефон в историях русской литературы.

Каким Августам, каким Вергилиям, Овидиям, каким Людовикам, Мольерам снилось такое!

Но в том-то и дело, что можно ходить и ходить: один — чего-нибудь да выходит, а другой — с чем пришел, с тем и уйдет. И хорошо еще коли так, без новых цорес.

Осип как раз был этим другим: сначала, в первые годы советской власти, еще, бывало, чего-нибудь унесет в сидоре своем — то путевочку в санаторий, то командировку к гипербореям, — а позднее ничего уже, кроме свежих цорес, в сидоре его и не водилось.

Выше было про Осю сказано: цадик. Так что, был он цадик или не был? Да, был. Но разве у цадика не случаются минуты слабости, тем более у цадика-поэта? Назовите хоть одного поэта — я сразу сдаюсь: не знаю — с тех пор, как люди стали сочинять стихи, у которого не случались бы такие минуты слабости!

Разве это кто-нибудь другой, разве не сам про себя сочинил Ося:

*У нашей святой молодежи
Хорошие песни в крови:
На баюшки-баю похожи,
И баю борьбу объяви.*

*И я за собой примечаю
И что-то такое пою:
Колхозного бая качаю,
Кулацкого пая пою.*

А это, хоть посвящено памяти Андрея Белого, разве не про себя писал Ося:

*Меж тобой и страной ледяная рождается связь —
Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно прямаясь.*

Бесконечно прямиться — это возможно только в идеале. Бесконечно прямиться — это никому не дано при жизни. Но, коли хочешь жить — «Я должен жить, хотя я дважды умер», — учись прямиться, готовь себя к последней прямизне, которая, пока ты еще здесь, на этом свете, дана с полнотой лишь в программе партии, в генеральной линии ВКП(б).

И цадик Осип наказывал себе «с последней прямою»:

Я должен жить, дыша и большевеея...

Что нельзя жить не дыша, это известно каждому. И вот так же, как необходимо для жизни дышать, так же необходимо — большевеея.

Что-то такое непонятное — какой-то «проклятый шов, нелепая затея» — наложилось в былые дни на Осину жизнь. Но, хотя мальцом еще Ося забросил Моисееву рвань под диван, разве не усвоил он мудрость праотцев: что дана человеку свободная воля и от него самого, от человека, зависит, как распорядиться этой волей.

И Ося в благословенные майские-июньские дни тридцать пятого, в воронежской ссылке — у всякого поэта

Болдинская пора по-своему — сочинил «Стансы», где сам объяснил себе, в чем должна состоять его свободная воля:

*Я не хочу среди юношей тепличных
Разменивать последний грош души,
Но, как в колхоз идет единоличник,
Я в мир вхожу и люди хороши.*

*Люблю шинель красноармейской складки,
Длину до пят, рукав простой и гладкий,
И волжской туче родственный покров...*

Думаете, так, зазря, отправили Осю в Воронеж, думаете, кремлевский горец, наказавший изолировать его, «но сохранить», вконец доломал Осину жизнь? Ничего подобного. Во-первых, не было никакого личного наказания, а была воля страны:

«Моя страна со мною говорила, // Мирволила, журида, не прочла, // Но возмужавшего меня, как очевидца, // Заметила — и вдруг, как чечевица, // Адмиралтейским лучиком зажгла». А во-вторых, как видите, не только не покарала Осю, не только не изолировали его, но, напротив, выделили из толпы, особо отметили и зажгли к новой жизни.

И еще раз, высоким горловым голосом, в тех же «Стан-

сах», Ося отдает сам себе приказ: «Я должен жить, дыша и большевая, // Работать речь, не слушаясь, сам-друг...» А под конец, подбивая итог, он с энтузиазмом докладывает партии, народу, стране, что в ссылке своей, в Чердыни да Воронеже, не только не понес убытку, но, напротив, вышел даже с прямой прибылью: «И не ограблен я и не надломлен, // Но только что всего переогромен...»

И до такой степени Ося почувствовал себя своим среди своих, что «И хотелось бы эту безумную гладь // В долгополой шинели — беречь, охранять». Кто бывал на площади Дзержинского в Москве, тому не надо объяснять, что такое долгополая эта шинель — любимый наряд железного Феликса, отлитого ныне в бронзе.

Смиренно, но со страстью и ревностью послушника, Ося предался весь, с головы до пят, партийному настоятелю:

*Ты должен мной повелевать,
А я обязан быть послушным.
На честь, на имя наплевать —
Я был большим и стал тщедушным.*

*Так пробуй выдуманный метод,
Напропалую, напрямик,
Я — беспартийный большевик,
Как все друзья, как недруг этот.*

Принявши обет послушания, Осип не только в себе, в тщедушном своем теле, учуял большевика, но и всю страну, со всеми ее болями, дабы обеспечить ей нужное лечение, почел за высшее благо для этой страны — передать ее на полное попечение ВКП(б):

*Мир начинался страшен и велик:
Зеленой ночью папоротник черный.
Пластами боли поднят большевик —
Единый, продолжающий, бесспорный,
Упорствующий, дышащий в стене.
Привет тебе, скрепитель дальнзоркий
Трудящихся. Твой угольный, твой горький
Могучий мозг, гори, гори стране.*

Но, Боже мой, разве для того рождается на свет еврей, чтобы приказывать своему сердцу «люби!», когда на самом деле оно ненавидит! Разве для того четыре тысячи лет пестовали отцы веру в Единого, разве для того закланали — Не сотвори себе кумира! — чтобы сыновья поклонились кремлевскому фетишу, в миллионах гипсовых идиолов размноженному по всей великой, по необъятной Руси!

Ай, нет, не для того:

*Если б меня наши враги взяли
И перестали со мной говорить люди;
Если б лишили меня всего в мире —
Права дышать и открывать двери
И утверждать, что бытие будет,
И что народ, как судия, судит;
Если б меня смели держать зверем,
Пищу мою на пол кидать стали б, —
Я не смолчу, не заглушу боли,
Но начерчу то, что чертить волен...*

*.....
И в глубине сторожевой ночи
Чернорабочей вспыхнут земли очи,
И промелькнет пламенных лет стая,
Прошелестит спелой грозой — Ленин,
Но на земле, что избежит тленья,
Будет губить разум и жизнь — Сталин.*

Это писано в ссылке, где боролся Ося «за воздух прожиточный», где заговаривал «сознание свое... полуобморочным бытием», где, безумя от боли, от нескончаемой муки, кричал немим криком: «Свою голову ем под огнем!»

Не существуют испытания сами по себе, не существуют страдания сами по себе — существуют испытания и страдания каждого отдельного существа, нареченного человеческим именем, наделенного душой и телом, его единственного, его неповторимого Я: что одному щекотка — то другому конвульсия, что одному смех — то другому смерть.

Ося внушал себе: «Пою, когда гортань сыра, душа суха. // И в меру влажен взор, и не хитрит сознание». Но когда же не хитрило его сознание, если тут же открывалось, что шепчет Ося «обескровленным ртом», что «столетья окружают меня огнем», что даже ребро у Оси — и то горящее, не как у других людей. И помыслы, само собою, тоже не как у других людей: еврей Эйнштейн увидел, как сплющивается время. Еврей Мандельштам возжелал «услышать ось земную!»

И вдруг, как в кино, где не только что части перепутал механик, а все кадры смешал без толку, без порядка, Ося выкрикивал:

*И к нему — в его сердцевину —
Я без пропуска в Кремль вошел,
Разорвав расстояний холстину,
Головою повинной тяжел.*

Господи, где взять силы, чтоб устоять! «Хорошо умирает пехота» — не с ней ли стоять, чтоб, умирая, устоять! Это из «Стихов о неизвестном солдате». Но, помилуйте, какой же неизвестный солдат, коли точно известно его имя: Осип Мандельштам. Более того, известно, какого роду-племени этот солдат, ибо, талмудист по крови, всякую свою занозу, души ли, тела ли, он возводит до вселенских размеров, а галактики, миры низводит до земных человеков, человеческих дел и нравов:

*Шевелящимися виноградинами
Угрожают нам эти миры,
И висят городами украденными,
Золотыми обмолвками, ябедами —
Ядовитого холода ягодами —
Растяжимых созвездий шатры —
Золотые созвездий жиры.*

А звезды — какие же это звезды, коли они те же, подвешенные в небе, соглядатаи:

*До чего эти звезды изветливы:
Все им нужно глядеть — для чего?
В осужденье судьи и свидетеля,
В океан, без окна вещество.*

«Заблудился я в небе... Что делать?» Вы слышите: уже не только на земле, уже и в небе заблудился Ося. «...Тише! Тучу ведут под уздцы».

Да разве это слова бывалого, мудрого еврея? Да это же лепет мальчика, который потерялся. Ося и сам говорит: «Вот оно, мое небо ночное, // Пред которым как мальчик стною...»

Ну а что если не мальчик он, если причина этим словам, этим видениям вовсе иная? «Может быть, это точка безумия...»

Не мы, не кто-нибудь другой — сам Осип первый произнес эти слова, это у него у первого возникла в голове догадка о безумии Осипа Мандельштама — не того, что

прыгал в окно, не того, что звал за собою, к прыжку в вечность, свою жену, а того, что сочинял вирши и мечтал оборотиться лучом: «О, как же я хочу — // Нечуемый никем — // Лететь вослед лучу, // Где нет меня совсем».

Близилась к концу его земные дни, он говорил же жене: «Я к смерти готов...» Но — вот оно, безумие поэта! — твердил в своих виршах: «Не разнять меня с жизнью...»

И так сражались они в нем — человек, безмерно уставший от жизни, и поэт, весь во власти мечты о бессмертии, о лавровом венке, которым люди венчают своих великих, своих признанных сынов. Но и в эти, считанные уже недели-месяцы жизни, верный своей гордыне — он же «потомок народа овцеводов, патриархов и царей!» — просил Ося человечество как раз об обратном — чтоб не клали ему венка:

*Не кладите же мне, не кладите
Остроласковый лавр на виски —
Лучше сердце мое расколите
Вы на синего звона куски.*

Опять, опять мечты, грезы мальчика: помните, как, ударяя вороненую сталь, сколок о сколок, высекали мальчики синий звон и синие искры. Между двумя приступами удушья старик-мальчик Ося Мандельштам не

только себя, но и других норовил уверить, что у него стальное сердце: расколотое, это сердце взлетит над землей кусками синего звона.

«...Упрямые, рассудочные, в глухих местечках метавшие в гении юноши...» — кому, как не им, приходился Ося самым близким, кровным родичем! Вечные бродяги — они были везде дома, без куска хлеба — они были всегда сыты, дрожащие от холода — они пылали душевным огнем, униженные и оскорбленные — они возносились над человечеством, безымянные, неведомые — они в мечтах помечали столбовые дороги города и мира своими именами:

Эта, какая улица?

Улица Мандельштама.

Что за фамилия чертова! —

Как ее ни вывертывай,

Криво звучит, а не прямо.

Мало в нем было линейного.

Права он не был лилейного,

И потому эта улица,

Или, верней, эта яма —

Так и зовется по имени

Этого Мандельштама.

ПЕРИСКОП

ОТЕЛЬ «ОДИНОЧЕСТВО»

«Требуется супружеская пара для присмотра за маяком, а также для обслуживания находящегося при нем отеля. Требования, предъявляемые к возможным кандидатам на должность: наличие прав на управление моторной лодкой, а также умение вкусно готовить. Зарплата — 60 тысяч долларов в год».

Около ста пар ответили на это объявление, появившееся в газетах Сан-Франциско. Однако большая часть кандидатов отказалась взять на себя перечисленные в нем обязанности, как только стало известно, о чем идет речь.

Маяк «Ист Брайдер» расположен на острове в северной части залива Сан-Франциско. С острова открывается потрясающий вид на город, на неповторимый мост «Золотые ворота» и удивительный горный пейзаж. Вокруг плавают моржи, воздух полон криками чаек. Архитектор Томас Батт купил этот остров двадцать лет назад, привел в действие маяк, построенный за 120 лет до этого, и превратил его в маленький отель, окутанный романтической атмосферой. Отель стал местом паломничества состоятельной публики. Каждый желающий провести в нем уик-энд должен заказывать ме-

сто за год до предполагаемого визита.

Но удовольствие от уединенности и романтической атмосферы отеля получают только временные постояльцы, но не служащие отеля, которые обязаны находиться на острове безотлучно. Ни одна пара, работавшая в отеле, не выдержала одиночества больше двух лет. Исключением являются только последние управляющие — Линда и Ли Герли. Они провели на острове целых семь лет и оставили место работы только из-за маленькой дочери, страдавшей от одиночества. Линда говорит, что хорошо понимает людей, отказавшихся от выгодного предложения.

В отеле четыре двухместных номера, и управляющие должны выполнять обязанности горничных, уборщиц, швейцаров и поваров. Линда рассказывает, что они работали с утра до позднего вечера. Иногда не могли даже принять душ, так как воды хватало только для постояльцев.

Томас Батт продолжает поиски: он уверен, что в конце концов найдется пара, согласная страдать от одиночества хотя бы два года — ведь 60 тысяч годового дохода на дороге не валяются.

«Спутник» (Израиль)

СПОЕМ?

«Лазер Караоке» — так именуется изделие одной из самых известных фирм Японии. «Лазер Караоке» представляет собой систему, состоящую из телевизора, стереосистемы и компьютера и позволяющую любому почувствовать себя знаменитым исполнителем. Эффект достигается путем совмещения голоса «молодого» исполнителя и звучания оркестра. При этом «Лазер Караоке» позволяет не только попробовать свои силы в исполнительском искусстве, но и обучает при этом некоторым приемам вокала. Так, музыка на экране телевизора сопровождается бегущей строкой текста песни, причем слова на этой строке появляются в точном соответствии с музыкальным сопровождением и изменяют свой цвет на экране по мере того, как музыкальный ритм приближается к ним. Новая музыкальная система позволяет развить в себе способность к музыкальному творчеству, так как в ней заложена возможность регулировки высоких и низких тонов, ритма и многих других характеристик музыкального произведения.

«Эуропо» (Италия)

Джованни БЕНСИ, комментатор радио «Свобода» — специально для «Столицы»

ЮГОСЛАВСКАЯ ТРАГЕДИЯ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

В конце июня две северные и наиболее развитые в экономическом отношении республики Югославии, Словения и Хорватия, заявили о своей независимости. Центральные власти в Белграде не хотели мириться с отделением этих республик, а потому и пошли на вооруженный конфликт. Формальным поводом для начала военных действий в Словении был вопрос о том, кто должен контролировать границы республики, являющиеся и границами Югославии: «Югославская народная армия» (ЮНА) или же словенские военные формирования. Конфликт между Белградом и Любляной удалось залатать, хотя и с грехом пополам, но тут же вспыхнуло насилие в Хорватии.

Перед лицом обострения ситуации Европейское сообщество созвало 7 сентября мирную конференцию по Югославии в Гааге. Работа конференции выявила полное несовпадение взглядов конфликтующих в Югославии сторон, взаимные обвинения и непримиримость позиций.

Выступая перед участниками конференции, Председатель Президиума СФРЮ хорват Стипе Месич огласил послание президиума, в котором изложена

точка зрения высшего органа власти на пути разрешения конфликта. Каждая нация и республика Югославии, заявил Месич, имеет право на получение такого государственного статуса, который соответствует их собственным законным интересам. Если решение по поводу этого статуса будет принято демократическим путем, то оно должно быть реализовано. Никто не имеет права навязывать другим свою волю, применение силы должно быть исключено. Политические договоренности должны быть законно санкционированы.

Согласно принятым на конференции решениям, периодически будут проводиться заседания арбитражной комиссии по югославскому урегулированию. В ее состав войдут пять влиятельных юристов: три от Европейского сообщества и два представителя Югославии. Кроме того, в СФРЮ будет направлена дополнительная группа наблюдателей для контроля за прекращением огня в Словении и Хорватии.

Все это звучит очень хорошо, однако основные вопросы не были решены. Они заключаются в следующем: станет ли реальной независимость Хорватии и Сло-

вении? Возникнет ли в какой-либо форме «третья Югославия», после довоенной, королевской, и послевоенной, коммунистической? Создание Югославии после первой мировой войны не было результатом свободного волеизъявления народов. Это решение было принято международной дипломатией по соображениям регионального баланса, чтобы создать противовес влиянию Италии и Германии после распада Австрийской империи. Народы Югославии, родственные по языку, но сильно отличающиеся друг от друга по истории, культуре, религии, степени экономического развития, не срослись, не развили чувства общности. В первой Югославии доминировали сербы, королевская династия Карагеоргиевичей была сербской. Жители Югославии воспринимали эту страну не иначе как «великую Сербию».

После второй мировой войны при поддержке как западных союзников (особенно Великобритании), так и Советского Союза в Югославии захватили власть коммунисты под руководством партизанского вождя (и лидера компартии) Иосипа Броз Тито. После разрыва со Сталиным в 1948 году Тито (по крайней мере это утверждают многие в Югославии) для создания баланса между разными народами содействовал установлению гегемонии Хорватии и Словении в экономике, а Сербии — в армии и политике. Однако таким образом он только вызвал всеобщее недовольство. Северные республики жаловались на то, что они не обладают достаточным влиянием на судьбы федерации. Сербия же считала себя обделенной экономически, рассматривала успехи Хорватии и Словении как незаслуженные и пользуется теперь своим влиянием на армию, чтобы подчинить себе силой северных «бунтарей». Вся Европа в последние месяцы наблюдает за этими ужасающими событиями по телевидению: танки югославской армии, именующей себя «народной», мчатся по дорогам Хорватии и Словении. Самолеты югославских ВВС бомбят люблянский аэродром и огневые точки хорватской территориальной обороны. На земле — тела убитых, порой жутко изуродованные. Эти сцены вызывают у европейцев, которые думали, что опасность военных конфликтов в Европе миновала и наконец наступила долгожданная эра мира и спокойствия, страшные воспоминания. Ведь югославская трагедия — это первый случай военных действий на нашем континенте после окончания «холодной войны».

Но если хорошо всмотреться, то танки, проносящиеся по Хорватии и Словении, — это отголосок именно «холодной войны». Многие обозреватели, комментируя югославский конфликт, определяют его как «национальный» и ищут его корни в исторической вражде между сербами и хорватами. Тут закономерно спросить: действительно ли существует эта вражда? События в Хорватии и Словении заострили внимание югославской общественности на проблеме, которую

они до сих пор не вполне осознавали или недооценивали: в Югославии, по крайней мере в некоторых ее регионах, исторический процесс образования и размежевания наций еще не завершен.

Сербы и хорваты, например, несомненно, разные народы, но порой трудно определить, где кончается «сербское» и начинается «хорватское». Это «сходство в различии» и объясняет трудные взаимоотношения между ними. Еще более сложно обстоят дела в Боснии и Герцеговине, население которой говорит на сербско-хорватском языке, но в большинстве исповедует ислам и носит арабо-турецкие имена и фамилии со славянскими окончаниями. Эту дилемму хорошо выразил президент Боснии и Герцеговины Алия Изетбегович. Республика, сказал он в интервью сараевской газете «Освобожден», «одинаково близка Сербии и Хорватии и одинаково далека от них. Эта теория «равного расстояния», — продолжил он, — единственно адекватна реальному положению в нашей республике. Все остальное ведет к столкновениям и к неизвестному будущему». «Все остальное», о котором говорит Изетбегович, — это притязания как Сербии, так и Хорватии на гегемонию в Боснии. Ясно, что этнической «взрывчатке» в Югославии, к сожалению, еще много.

Однако элемент национального противостояния, хотя и реальный, на наш взгляд, сегодня не решающий. Дело в том, что центральное югославское правительство и его главная опора, республика Сербия, отстали от времени.

Недаром события в балканской стране с европейской перспективой воспринимаются как нечто архаичное, как пережиток другой эпохи. Что это такое? Два очень близких друг к другу народа, сербы и хорваты, говорящие практически на одном и том же языке, ведут ожесточенную междоусобную войну, с сотнями жертв, с жестокостями и зверствами. Почему? Как правило, в кризисном районе сербы и хорваты живут в соседних деревнях, в одном и том же городе, занимают одним и тем же, имеют один и тот же жизненный уровень, общаются между собой без помощи переводчика: откуда такая ненависть, которая теперь вооружает сербов против хорватов, а в прошлом с не меньшей ожесточенностью вооружала хорватов против сербов? Неужели в наш век достаточно разницы в религии (сербы — православные, хорваты — католики), чтобы натравить народы друг на друга? Все это отдает прошлым веком, отжившими эпохами. В конце концов немцы, например, разделены почти поровну на католиков и лютеран, но в Германии вооруженная борьба между ними была бы немислomorphic.

К сожалению, в Сербии есть силы, которые хотели бы придать конфликту в Словении и Краине характер религиозного конфликта, вызванного «насилием» католиков над православными.

Нельзя, конечно, отрицать, что различия в религии, в языке (они небольшие, но есть), в исторических традициях,

в культуре между сербами и хорватами создают проблемы. Периферийное положение Балкан в Европе и исторические условия прошлого замедлили там развитие политической культуры и утверждение принципов терпимости (результатом чего были, например, и зверства хорватских фашистов «усташей» против сербов во время второй мировой войны). Однако большая доля вины за нынешнюю трагедию лежит на коммунистическом режиме. Коммунизм, не только в Югославии, но и в Советском Союзе и других странах, «решал» проблемы тем, что запрещал говорить о них и заклинал их магическими формулами, «лозунгами» о «дружбе народов» или, как в Югославии, о «братстве и единстве». Это, впрочем, типично для всех диктатур и авторитарных режимов. Но замалчивание проблем приводит не к их решению, а к их усугублению и ожесточению, как запущенная рана приводит к гангрене.

Отсюда архаичный вид сербско-хорватского конфликта, который мог бы быть закончен еще после первой мировой войны. Однако этому мешали монархический авторитаризм, установленный после 1918 года, и коммунистическая диктатура, сменившая его в 1945 году. Коммунизм умер в Хорватии и Словении, где на свободных выборах выиграли демократические силы под руководством президентов, соответственно, Франьо Туджмана и Милана Кучана, но, к сожалению, он еще жив в Сербии.

Давно принято считать, что Югославия — миниатюрный Советский Союз. Аналогии на самом деле разительны. И тут и там — многонациональное государство, объединяющее народы с разными языками, культурами, религиями. В обоих государствах есть основная национальность, вокруг которой собираются все другие и язык которой де-факто служит официальным языком: в СССР это — русские, в Югославии — сербы. И тут и там главные республики в свою очередь тоже многонациональны.

Когда Иосип Броз Тито в 1945 году воссоздал югославское государство на коммунистической основе, он сознательно руководствовался советской моделью: то же формально федеративное устройство, те же союзные республики, та же система автономий для национальных меньшинств (Косово с албанцами и Воеводина с венграми в составе Сербии). И, наконец, идеологическая общность: как в сталинско-брежневском СССР, так и в титовской Югославии единой идеологией был объявлен коммунизм (хотя еще в 1948 году пути Югославии и СССР в идеологическом отношении все-таки разошлись).

Когда-то коммунизм считался многими идеологией будущего: кто-то говорил об этом с надеждой, кто-то со страхом, но мало кто думал, что он вдруг рухнет как картонный домик. Когда начался кризис коммунизма? Когда он начал терять прежнюю привлекательную силу? Можно называть конкретные даты: начало разоблачения Сталина и советская оккупация Венгрии в 1956, вторжение в

Чехословакию в 1968 и в Афганистан в 1979 году. Коммунисты реагировали по-разному на дискредитацию своей идеи: в свободных странах они старались обновить себя (вспомним «еврокоммунизм») и наконец отвергли марксистско-ленинские догмы (пример: итальянская компартия, когда-то крупнейшая на Западе, ставшая теперь «Демократической партией левых сил»).

В Советском Союзе и Югославии значительная часть коммунистов пыталась спасти свою идеологию и свою власть, заключив альянс с наиболее темными силами национализма внутри основной нации, соответственно — русской и сербской. Национал-большевизм — реальность как в СССР, так и в Югославии: его «философию» коротко выразил недавно в одном из органов этого направления, «Литературной России» (6 мая 1991 г.), бывший диссидент, священник Дмитрий Дудко. «Христиане и коммунисты, — пишет он, — остаются верными России, то есть патриотами. Демократы смотрят на Запад, это и естественно, потому что это нерусское явление». Конечно, досадно, что такие слова пишет священник, притом испытывавший на себе и репрессии, и шантаж коммунистической власти, но факт остается фактом. Подобных заявлений можно найти сколько угодно и в сербских органах печати.

Кроме того, в середине апреля сам Милошевич, чтобы показать свой «патриотизм» и «благосклонность» к православию, посетил сербскую национальную святыню на Афонской горе — Хиландарский монастырь. Правда, игумен монастыря, архимандрит Паисий, не хотел его принимать и согласился только под давлением греческих властей, которым подчиняется Афон. Надо сказать, что Паисий вел себя с достоинством и не поддавался попытке вовлечь его в нечестную национал-большевистскую игру. В своей речи игумен напомнил о насильственном подавлении демонстрации оппозиционных сил Сербии, состоявшейся в Белграде 9 марта этого года, и объявил, что 19 апреля по случаю 40 дней со дня гибели одного участника демонстрации, Бранивоя Милиновича, он отслужит панихиду за упокой его души.

Однако тут аналогия между СССР и Югославией кончается. То, что происходит сейчас в Югославии, служит наглядной иллюстрацией того, чего избежал Советский Союз благодаря поражению путчистов. Заговор этих людей был более «национал-большевистским», чем коммунистическим. Недаром в обращении к народу, опубликованном мятежниками, не содержится ни одного слова из традиционного коммунистического жаргона: там нет ни «социализма», ни «коммунизма», ни тем паче «марксизма-ленинизма», ни самого Ленина, ни «октябрьской революции». Зато рядом с демагогией по поводу «беспорядка» и «порнографии» почти в каждой строке содержатся слова «родина», «отечество» и «патриотизм», слова, которые на

устах подобных людей звучат кощунственно, но которые они использовали в попытке, слава Богу, неудавшейся, завоевать поддержку определенных слоев общества.

После того как «национал-большевики» в России потерпели поражение на свободных выборах, они попытались взять реванш, повернуть вспять колесо общественного развития и захватить власть силой. Это им не удалось. В Югославии же «национал-большевикам» не было нужды затевать государственный переворот: в Сербии они получили большинство на прошлогодних республиканских выборах, утвердивших на посту президента республики Слободана Милошевича, лидера «социалистической партии». Эта партия на самом деле является преемницей старого Союза коммунистов, но с подчеркнутым великосербским уклоном. Имперский шовинизм и ура-патриотизм, очевидно, последнее убежище обанкротившихся коммунистов. Их методы очень похожи и в СССР, и в Югославии: и тут и там ставка на армию (в СССР неудачно, а в Югославии пока успешно) и попытка манипулировать русскими (соответственно — сербскими) меньшинствами в других республиках. Только иная расстановка сил в Прибалтике помешала тому, чтобы «интерфронты» сыграли ту же роль, что и «четники» в Хорватии.

Теперь из победы национал-большевиков в Сербии черпают силы генералы югославской армии вроде Аджича и Неговановича, подавляющих независимость Словении и Хорватии. И в Советском Союзе есть свои Аджичи и Неговановичи (скажем, Язов, Громов и прочие), но у них, слава Богу, не оказалась той опоры в лице России, какая есть у их югославских коллег в лице Сербии, поэтому, несмотря на тревожные прецеденты (Тбилиси, Рига, Вильнюс...), они не одержали победу.

То, что между советскими и сербскими национал-большевиками существовали не только духовно-политические, но и практические, оперативные связи, показывают разоблачения, с которыми выступил глава югославского правительства (существующего уже только условно) Анте Маркович. Он рассказал, что в марте этого года министр обороны Югославии Велько Кадиевич (одна из опор Милошевича) тайно посетил СССР, где встретился со своим единомышленником и будущим путчиком Дмитрием Язовым, от которого получил известное число боевых вертолетов и другого тяжелого оружия, применяемого теперь против Хорватии. Маркович призвал Кадиевича подать в отставку, но тот отказался подчиниться, совершив своего рода военный переворот. Конечно, разоблачение Марковича вызывает также вопрос: мог ли тогдашний министр обороны СССР передать такое количество тяжелых вооружений югославскому «товарищу» так, чтобы Горбачев и остальные советские руководители об этом не узнали? Но боюсь, этот вопрос завел бы нас слишком далеко.

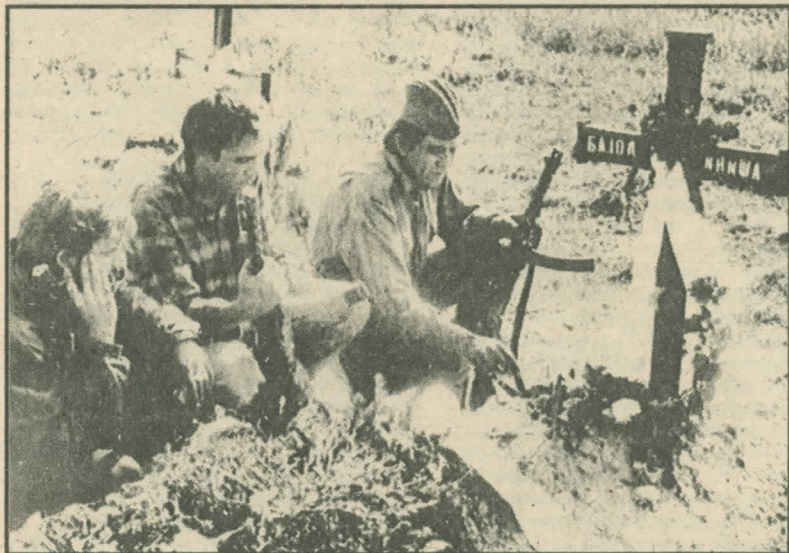
Сербские коммунисты во главе с президентом Слободаном Милошевичем получили большинство голосов на свободных выборах, потому что сумели мобилизовать в свою пользу вековые национальные «комплексы» широких кругов сербского общества. Именно лозунгами сербского национализма сегодня прикрывается старая коммунистическая номенклатура, пытающаяся заменить ими дискредитировавшие себя лозунги «титовского» марксизма. Эта номенклатура, несмотря на переименование старого Союза коммунистов в «социалистическую партию», старается любой ценой сохранить свои позиции, свою гегемонию, которая возможна только в общегославском плане. Сербия — слишком узкое поприще для их «подвигов», в ее пределах наци-

онализм рано или поздно вытеснит бы коммунизм (популярный лидер сербской оппозиции Вук Драшкович, имеющий хорошие шансы выиграть на очередных выборах, тоже по-своему националист, но ярый антикоммунист).

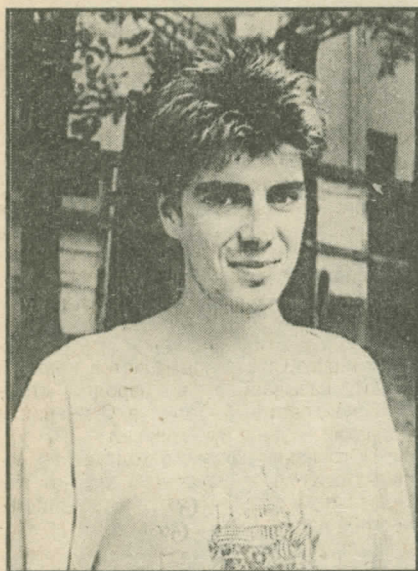
Коммунисты особенно сильны в командном составе армии, в котором, кроме того, преобладают сербы. Поэтому в военной верхушке оказалось очень легко создать союз между коммунизмом и сербским национализмом. Представители высшего офицерства создали так называемое «Движение за Югославию», рассматриваемое как продолжение старого Союза коммунистов и иронически называемое в народе «генеральской партией». Танки в Словении и Хорватии — дело рук этих сил.

В Югославии пущена в ход адская машина насилия, и шансов на то, что она будет приостановлена в ближайшее время, мало. Быть может, этому содействовало бы властное вмешательство Европейского сообщества, например, путем отправки в кризисный район не только наблюдателей и арбитров, но и военных «сил разъединения». Этот вариант обсуждался, но крайне маловероятно, что он будет осуществлен. Вся надежда на досрочные выборы в Сербии (которых требует оппозиция в этой республике). Сербское население за истекший год созрело на горьком опыте, и много говорит о том, что на этот раз «национал-большевики» в Белграде потерпят поражение. Нельзя считать, что все сербы разделяют великодержавную, коммунистическо-шовинистическую политику Милошевича. И в Сербии влиятельные круги, особенно среди интеллигенции, примыкающей к оппозиционным партиям, выступают против гегемонизма и бессмысленного кровопролития. Наиболее авторитетный сербский еженедельник «НИН», комментируя военные действия югославской армии в Словении и Хорватии, пишет: «Жизни наших детей принесены в жертву во имя антиисторической, отжившей свой век политики, которую проводят кроважидные хамелеоны, воспитанные в духе коммунистического однообразия. Война в Югославии, — поясняет журнал, — развязана теми же людьми, которые еще несколько лет тому назад «единогласно» принимали резолюции коммунистических и комсомольских съездов, дружно распевая песню «Друже Тите, ми ти се куномо...» («Товарищ Тито, мы клянемся тебе» — официальный партийный гимн бывшего Союза коммунистов Югославии, СКЮ. — Прим.авт.). Теперь, — пишет далее «НИН», ничтоже сумняшеся, эти люди лгут перед собственным народом, обманывают Европейское сообщество, из молодежи делают пушечное мясо».

Остается надеяться, что разумные силы возьмут все-таки верх в Сербии и конфликт будет решен к всеобщему удовлетворению.

Лев Черняев: «ПЛЕВАТЬ МИРУ В ЛИЦО МНЕ НЕИНТЕРЕСНО...»

Пыльный чердачный воздух. Какой-то мусор под ногами — рваная обувь, поломанные игрушки. В носу щекотно.

— Подержи, пожалуйста, меня за ноги. Если тебе не трудно, — вежливо просит Лева Черняев.

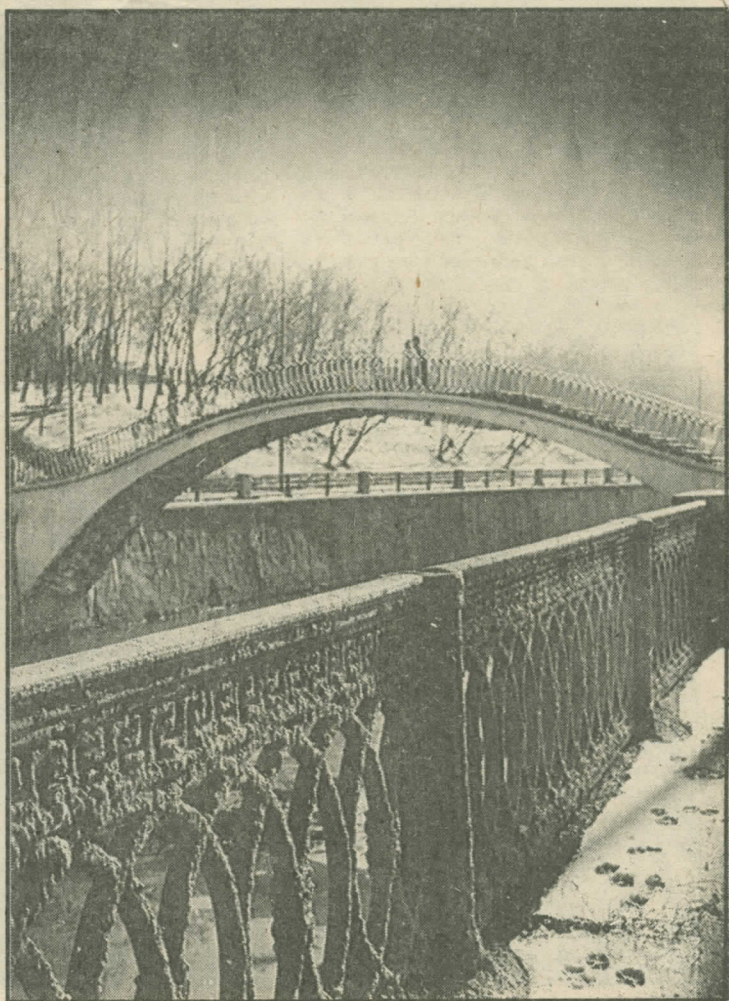
И я хватаю его за щиколотки, и он свешивается с крыши семизэтажного дома, и кривляется там со своим аппаратом, и оба мы давно уже вымазались, и хочется чихнуть, но его «пожалуйста» звучит вполне уместно.

Лева снимает Город.

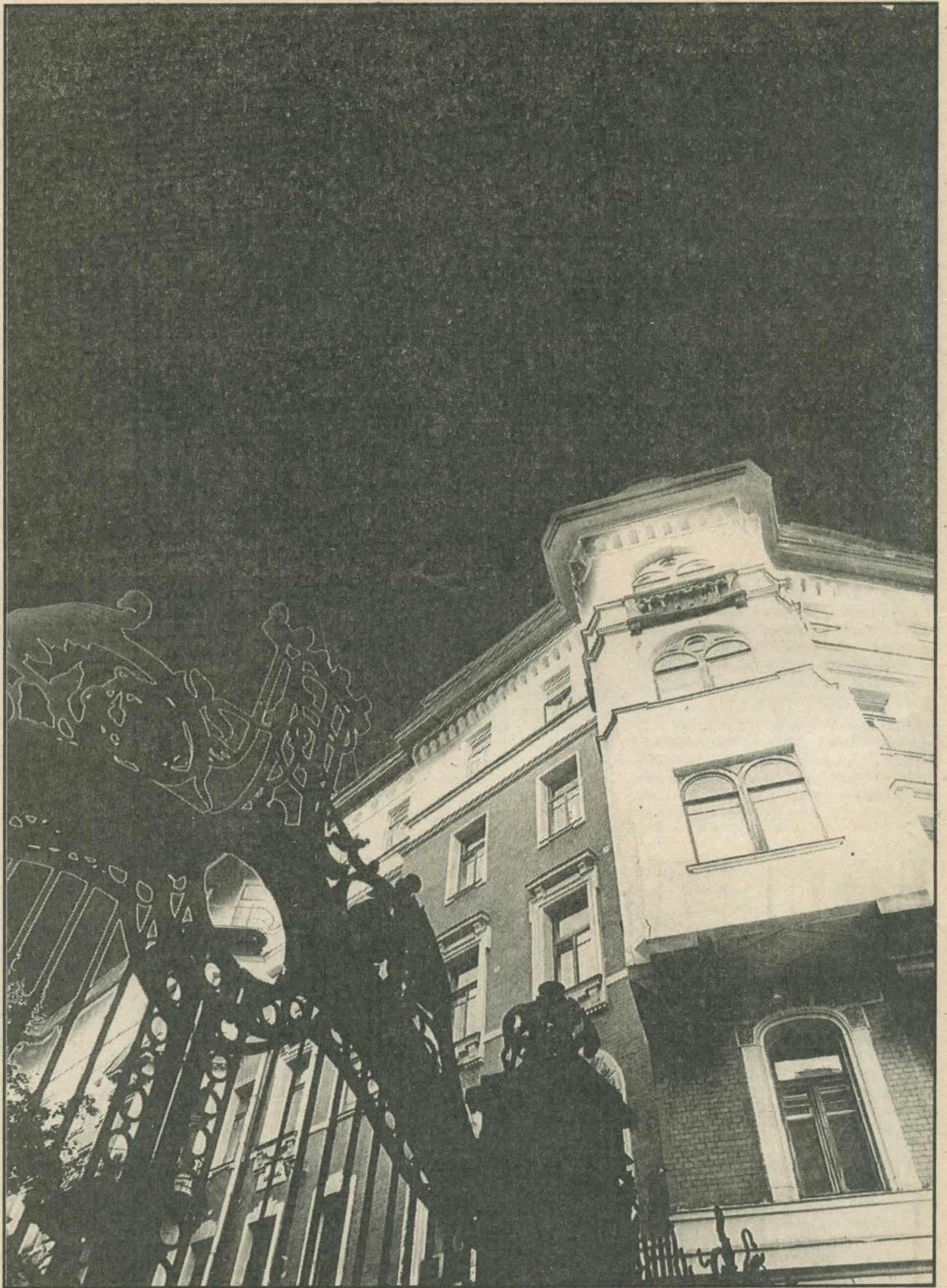
После мы спустимся вниз, и он извинится, что на моей рубашке остались следы его кроссовок, и я поеду домой, а он — в подвальчик-лабораторию. Там — прохлада, приятная музыка, малопонятные приспособления, огромные емкости с разноцветной водой. Чистый лист фотобумаги из проявителя — раз — на стекло! Со стекла — под увеличитель — техника «мокрая печать». Первая засветка, слегка заметное смещение, и таинственные пассы — руками между объективом и экраном. Смена негатива, новые пассы — и снова проявлять.

А на следующий день я увижу готовые снимки и не пойму, что это. Затем узнаю и удивлюсь — как же я раньше не замечал, что оно именно такое.

А Лева лишь улыбнется скромненько, но гордо:

тия, его продолжение. Но люди подозрительны, задавлены, озлоблены, они враждебны ко всему, что выходит за привычные для них узкие рамки. В частности — к человеку, фотографирующему на улице. Я постоянно ощущаю агрессию их взглядов. Поэтому люблю ходить на съемку вдвоем с кем-нибудь — это отвлекает. Пользуюсь «Горизонтом» — его не нужно наводить на резкость, можно даже не подносить к глазам. Иногда удается поработать с энергетикой — закрутить свое защитное поле и стать как бы незаметным.

И все-таки Лева снимает Москву. Хотя сначала был к городу равнодушен, потом Москва вдруг стала забавлять его непредсказуемостью планировки и архитектуры, своими романтическими крышами и увлекательными окнами.

— Я вижу здесь неисчерпаемое поле. Много интересных мест, наполненных разными людьми, которые бегают, суетятся. Свой запах и свой вкус. Свои безобразия и свой маразм. И свои прелести, которые тщательно скрываются. Непонятно, почему, если Останкинский дворец закрыт на реставрацию, я не могу посидеть рядом и полюбоваться на него. Его сотрудницы — кухарки, дорвавшиеся до маленькой, но власти, обязательно должны меня прогнать. Ленинизм, сталинизм и хрущевизм чувствуется повсюду.

Лева снимает не только город. Природу, портреты, даже натюрморты целыми циклами — «из жизни апельсинов», например. А время от времени всерьез «уходит из фотографии».

— Все! — кричит он. — Хватит! Я ухожу из фотографии. В брокеры!!!

Его обаятельнейшая улыбка куда-то исчезает, и всегда вдохновенный взгляд вдруг делается подавленным. Но через несколько дней Лева становится прежним и сообщает:

— Знаешь, Леш, а я вчера снова два снимка сделал.

Алексей МИТРОФАНОВ

— Вот такая Москва бывает. А я уже вижу и верю — бывает. ...Совсем, казалось бы, недавно являлся он простым советским студентом, потенциальным низкооплачиваемым «специалистом» — учился в МИЭМ. Но в 1987 году попал в Босфорский подводный археологический отряд и там познакомился с Димой Давыдовым — человеком, почти не расстающимся с

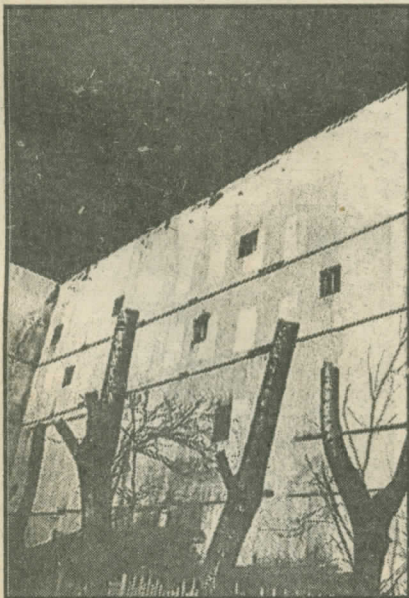
аппаратом. Дима привел его в тот самый подвал, и в 1989 году Лева уже участвовал в первой выставке. Поначалу было увлечение сюрреализмом, сейчас же «сюр» стал лишь одним из средств к достижению главного:

— Я хочу снимать вечную переменную — людей. Притом делать это спокойно и лирично. Плевать миру в лицо я уже научился, это уже неинтересно.

...Мир, в котором мы обитаем, отталкивает. И художники — ведь люди же — бегут из него. Безжизненно чистые линии, бессмысленно играющие краски... Художники существуют в своем, вымышленном и нарисованном царстве, шляются по разным мастерским, устраивают презентации, ведут нарочито умные или неестественно пустые беседы и упиваются собственным снобизмом. А зритель бродит по выставкам, смотрит на картины и ничего не может понять — «все это, наверное, здорово, но при чем тут я?». Да и не бродит уже, очередь в ЦДХ на Крымском валу осталась лишь в памяти, да и то не у всех.

Творческой эмиграции подверглись и фотохудожники. Реальное снимают лишь репортеры-чернушники. Лев же — художник, который остался. Хотя с каждым месяцем работать сложнее:

— Я люблю, когда в снимке есть жизнь, есть время — начало собы-

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ

БАНК
МОСКВА

**НОВЫЕ ВРЕМЕНА
НОВЫЕ ЛЮДИ
НОВЫЕ УСЛУГИ**

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СЕЙФЫ
МОСКОВСКОГО БАНКА СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА РСФСР**

ПРИ ЭТОМ ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ НА СЛЕДУЮЩИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА:

- * вам гарантируется анонимность вложения и сохранность принятых на хранение ценностей и документов;
- * срок хранения устанавливается вами;
- * по вашему желанию первоначальное вложение в сейфовую ячейку может сделать доверенное лицо по нотариально заверенной доверенности;
- * на хранящиеся ценности и документы вы можете сделать завещание одному или нескольким лицам, независимо от того, являются они наследниками или нет;
- * плата за аренду сейфовой ячейки взимается по договорным ценам в зависимости от емкости ячеек.

ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ СЕЙФАМИ МОСКОВСКОГО БАНКА ВЫ МОЖЕТЕ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ В СЛЕДУЮЩИХ ОТДЕЛЕНИЯХ:

Гагаринское	ул. Пырьева, 5а	143-39-61	
Дзержинское	пр-т Мира, 85	287-05-51	
Зеленоградское	корп. 1402-а	530-14-02	
Кировское	ул. Тихвинская, 40	972-69-69	
Первомайское	ул. Ткацкая, 28/14	369-30-95	
Перовское	ул. Новогиреевская, 54	302-47-72,	302-47-57
Советское	ул. Янгеля, 4а	386-10-32	
Солнцевское	ул. Новопеределкинская, 7	934-91-65	
Обслуживание малых предприятий	ул. Шолохова, 10	439-10-88,	439-10-83
Таганское	Волгоградский пр-т, 1	276-33-01	
Фрунзенское	ул. Пушкинская, 21/7	200-51-27	
Черемушкинское	ул. Винокурова, 11, корп. 1	126-13-30	

Более подробную
информацию вы
сможете получить
по телефонам:
298-33-44
298-33-41

индекс 73746

МОСКОВСКИЙ БАНК
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ

БАНК
РСФСР

**СИМВОЛ
НАДЕЖНОСТИ**

«**РОССИЙСКАЯ БУМАГА**»

21-3-198
Мы превращаем

бумагу

в реальные деньги

244-87-47 (круглосуточно)
244-84-03